

КИРА

Ангелы-хранители бодрствуют всегда, даже по ночам. Мало того, как раз на ночь у них нередко приходится основная часть рабочей нагрузки, особенно, если их подопечные переживают трудные времена. В такие дни ангелы пытаются посредством снов намекнуть на возможный выход из сложных жизненных ситуаций. Правда, не всегда гарантированно и зачастую не без серьёзных потерь, а бывает, что и прямо вопреки обывательским инстинктам. Хранители не руководствуются плоскими мотивами сиюминутных выгод – соответственно, и логика их, с человеческой точки зрения, может показаться весьма странной. Но вот, поди ж ты – иной раз, просыпаясь после подобных ночных внушений, люди неожиданно удивляют даже своих друзей и близких, вдруг выбираясь из расставленной западни внезапным, нетипичным и, на первый взгляд, безрассудным манёвром.

Впрочем, многие хранители любят вглядываться в лица своих спящих питомцев и тогда, когда не видят особой нужды навязчиво внедряться в их подсознание. Последнее замечание как раз очень справедливо в отношении ангела-хранителя нашего героя.

Вот и сегодня, безо всяких на то очевидных причин, ангел тихо и внимательно наблюдал из своего межпространственного укрытия за привольно, но, в то же время, неловко раскинувшимся на простыне светловолосым юношей. А тот безмятежно спал, невзирая на явно неудобную позу и разноголосицу доносящихся из окна звуков знойного городского лета и не замечая того, что его одеяло давным-давно свалилось на пол.

Не исключено, что тут иной строгий читатель озадачится резонным вопросом: для чего в нашей абсолютно правдивой и даже хроникальной истории, к тому же, вполне современной – ведь она произошла вовсе не так

уж давно – появляется столь странный и даже сказочный персонаж, как хранитель, да ещё на самой первой странице? К чему, вообще, рассказчику, человеку относительно передовых идей, привносить в канву своего повествования подобное средневековье?

В своё оправдание, автор считает себя вправе сказать, что полагает отнюдь не лишним иной раз осветить ситуацию извне, может быть, даже с точки зрения вечности. Сам же он, в силу большой личной симпатии к герою и общечеловеческой подверженности сильным страстям, совершенно не в состоянии этого сделать. К тому же, заметим мы чрезмерно придирчивому читателю – достаточно лишь оглянуться вокруг, чтобы увидеть великое множество апологетов всех мастей, уснащающих нашу жизнь всевозможными атрибутами мифологии, причём, делающих это с пугающей серьёзностью, крайне навязчиво и отнюдь не ограничиваясь рамками изящных искусств. Поэтому автор считает свой литературный приём достаточно оправданным и совершенно безобидным – так что по ходу нашей повести мы будем иногда встречаться с кое-какими сказочными персонажами, впрочем, не так уж и часто, пожалуй, даже реже, чем в реальной повседневной жизни нынешней эпохи.

Среди подобных персонажей, во-первых, – уже упомянутый хранитель. Как известно, ангелы бесполо. Но наш ангел-хранитель всё же несёт в себе больше женских качеств, чем мужских. Поэтому мы будем называть его Анной. Отчасти, это даже обоснованно, ведь ангелы-хранители – суть воплощение бессознательных вибраций душевных струн, когда-то тронутых близкими людьми, нередко уже ушедшими из этой жизни. Ангел-хранитель сначала нёс в себе совсем размыто-бесполое черты, но однажды, после смерти бабушки нашего героя, стал чем-то неуловимо похож на неё. Вот только намного, намного моложе – ведь ангелы-хранители всегда взрослеют и старятся вместе с нами, а герой в тот печальный день был ещё совсем юн. Итак, Анна.

Во-вторых, это судьба. Вопреки расхожему мнению, власть судеб ничтожна. Римляне были более близки к пониманию сущности судьбы: у них фатум – всего лишь проявленная воля Юпитера. Так что судьбы – это исполнители чужой воли, и не всегда они одобряют всё то, что обязаны исполнять. Судьбы любят послушных подопеч-

ных: кому приятно применять насилие, особенно там, где исход всё равно предопределён? Представьте, например, маму, волочащую тёмным зимним утром плачущего ребёнка в детский сад. А куда деваться? Ну, а тут не то, что детский сад, или там – заставить горькое лекарство выпить. Ведь судьба прядёт всю нить нашей жизни, а, когда придёт время, то и обрезает её. Потому и сказали когда-то древние греки:

*Покорного судьбы ведут,
Непокорного – тащат!*

Любой, кто побывал в роли исполнителя среднего звена, вынужденного проводить в жизнь нелепые, особо циничные и ненужно безжалостные приказы вышестоящего начальства, поймёт, что на подобной работе легко ожесточиться.

Фатум, или Судьбу, нашего героя, учитывая место его рождения, зовут Фатима. Это лет тридцати пяти довольно милостивая дама, но строгая и с серьёзным лицом. Это и понятно: с весёлым лицом не станешь уведомлять подопечного о какой-нибудь гадости, вроде неизлечимой болезни.

Наконец, это знаменитый Небесный Бракодел. Его присутствие, впрочем, чисто номинально, и персонально мы с ним не встретимся. Но не исключено, что услышим о нём, иногда под каким-нибудь другим именем. Бывает, что судьбы, споря с ангелами-хранителями, пытающимися защитить своих питомцев, скажут: «Это ты мне? Я-то здесь при чём? Иди разбирайся с Небесным Бракоделом, ведь не я же эту дрянь придумала!».

Но ангел-хранитель, конечно же, никуда не пойдёт. Он знает, что Небесный Бракодел совершенен и всеблаг, а поэтому никогда не признается в ошибке. Да к тому же он ещё и глух, как пень.

А вот люди, бывает, зывают к нему. Но что с них возьмёшь – несовершенные создания!

Пожалуй, на этом небольшое мифологическое отступление можно прервать, а пока что вернёмся к Анне и нашему герою.

Солнце стояло уже высоко, и только угол небольшой комнаты был ещё освещён его прямыми лучами. Движение воздуха в форточке вызывало толкотню частичек

пыли в ярком столбе света против более тёмной стены, а иногда заносило туда краешек лёгкой занавески, сдвинутой на другую половину окна. Время от времени более сильный порыв ветра заставлял колечки занавески постукивать друг о друга. Это-то постукивание и проникло постепенно в Витькин сон, вызвав какие-то фантастические сюжеты.

Вот они, вместе с теперь уже прочно забытым товарищем по детским играм Зульфугаром скачут наперегонки на двух ишаках по паркетному полу школьного актового зала, а директриса, Ирина Валентиновна, бежит за ними с папиросой во рту и с указкой в руке и пытается огреть то того, то другого. Но удары достаются только ишакам, отчего те бегут ещё быстрее. Витька скачет на белом ишаке, а Зульфугар на чёрном. То один, то другой ишак выходит вперёд, ромбики паркета так и мелькают под копытами, но противоположная стена нисколько не приближается. Зато приближается бегущая им навстречу одноглазая баба Катя – школьная уборщица. Баба Катя, как всегда, под градусом, запах перегара становится всё гуще. Вот она, вместе с не отстающей ни на шаг директрисой, уже берёт всадников «в клещи» и заносит над ними свою карающую швабру. Её единственный глаз воинственно блестит.

– Баба Катя! – испуганно кричит Витька. – Но я же никогда не смеялся над тобой, как другие дети, и не осуждал, что ты пьёшь. И не ходил по мытому!

Баба Катя миролюбивым жестом опускает швабру, и всадники проносятся мимо. Постепенно и запыхавшаяся директриса отстаёт. Вскоре преследовательницы превращаются в едва различимые точки. Но зал никак не кончается. Теперь уже понятно, что ехать предстоит очень долго. Они ещё до сих пор не проехали через этот бесконечный зал, а ведь ехать им – до самого Ирана. Там продаются красивые иранские кеды, которые Витька в начале года оставил в раздевалке спортзала. А когда вернулся, то кедов уже не было. И в магазине спорттоваров его размер тоже кончился.

Зульфугар – иранский беженец. Правда, это не он убежал из Ирана, и даже не его папа, а ещё его дедушка, потому что был огнепоклонником, и что-то они там не поделили с тогдашней иранской властью. Но всё равно: все они, вся их семья – иранцы, и они ездят в Ташкент получать в иранском посольстве иранские паспорта. А теперь

Витька с Зульфугаром едут в Иран покупать кеды. Вернее, это Зульфугар едет за кедами прямо в самый Иран, а Витька подождёт его на границе: ведь у него-то нет иранских документов.

Вдруг ужасная догадка пронизывает Витькино сознание. Зульфугару двенадцать лет – выходит, у него, вообще, нет и не может быть никакого паспорта! Но тут же отпускает – Зульфугар ведь тоже вырос за те пять лет, что они не виделись, значит, всё в порядке. Витька бросает взгляд на Зульфугара, и сомнения вновь посещают его – какой-то он маленький, точь-в-точь, как пять лет назад. Хотя и довольно толстый. Но он и тогда был толстым...

Витькиным сомнениям так и не суждено было разрешиться.

За окном противно загудела машина. Не простым гудком, а музыкально, с переливами. Такими гудками в последнее время стало модно оснащать частные легковые машины. Правда, этот гудок звучал знакомо, и, скорее всего, принадлежал вовсе не частному автомобилю, а раздолбанному грузовику ГАЗ-53 с камуфляжной окраской, что само по себе казалось вопиющим противоречием, хотя впоследствии и объяснимым.

Гудок настырно прогудел ещё раз, и, с последней отлетающей нотой незатейливой мелодии рыжей дивы, отлетел и Витькин сон.

Явь принесла с собой мгновенный испуг: опоздал! Но ещё через мгновение всё встало на свои места. Никуда он не опоздал. Школьные занятия кончились, спешить некуда. Завтра – выпускной бал, вступительные экзамены в институте начинаются только через тридцать два дня, а пока можно дрыхнуть, сколько захочется. Тем более, что не так уж много он и спал нынешней ночью – заснуть Витьке удалось только под утро. Тут же вспомнился вчерашний вечер, и ощущение счастья затопило его. Это же самое ощущение накануне не давало ему уснуть. Он провёл весь вечер с Кириой, а перед тем как уходить, она сказала ему, что любит. То есть, сказала-то она совсем другое, в своей обычной романтично-иносказательной манере, но насчёт смысла невозможно было ошибиться. Что-то на тему Экзюпери: раз он приручил её, то теперь они всегда будут вместе.

После Кириногo ухода Витьке не хотелось ничем заниматься: любое занятие было бы сейчас слишком будничным. Даже говорить не хотелось ни с кем, хотя обычно

он рассказывает обо всех новостях Бобу, и про Киру тоже. С Бобом – в миру Володей Авдеевым – он дружит с четвёртого класса. Уж ему-то Витька может о чём угодно рассказать... Ну, почти. Кроме каких-нибудь чужих секретов, или того, в чём стыдно признаваться. Вот, например, в прошлом году в колхозе – школу тогда вывозили на сельхозработы – Витька здорово струхнул, когда местная шпана докопалась до них возле старого колодца, и двое придурков вытащили ножи. И не потому, что Боб будет над ним смеяться, просто неприятно ощущать себя таким трусом и заново переживать это ощущение.

Потому и получилось так, что лёг он довольно рано, а уснуть никак не мог, всё лежал, думал о чём-то. И даже нельзя сказать, что о чём-то конкретном. Мысли блуждали свободно, не принимая ни прагматического, ни даже конкретно-эротического направления, пока, наконец, его не настиг сон, в пятом, что ли, часу утра. Последнее застрявшее в памяти воспоминание о висевших на стене ходиках относилось к четырём часам. Витька вспомнил, что ночью пел соловей. Он как раз подумал, засыпая: соловей, любовь – прямо, как в каком-нибудь дурацком романсе!

Теперь, даже окончательно проснувшись, Витька всё ещё лежал с закрытыми глазами. Комната была залита светом, и свет, проникая через веки, окрашивал всё в красный цвет, словно красный фонарь в фотолаборатории. Витька позволил себе немного погрузиться во вчерашнее состояние счастья. Всё хорошо. Вечером он снова увидит Киру. А до вечера ему нужно успеть сделать несколько дел, хотя и не таких уж обременительных. Как раз то, что надо, а то бы он целый день томился в ожидании вечера. И как всё-таки интересно переплетается во сне действительность с фантастическими обстоятельствами! Ну вот, хотя бы. С Зульфугаром он ненадолго сдружился в деревне, на летних каникулах пять лет назад, и с тех пор его не видел. А в последние два или три года даже и не вспоминал о нём. Зульфугар и его родственники действительно были иранцами. И кеды, которые у Витьки спёрли в позапрошлом году, – тоже были иранскими, но когда их украли, он даже не соединил кеды с Зульфугаром. А сегодня, во сне – соединил!

За окном опять загудела машина, на этот раз ещё настойчивей и нетерпеливей, и Витька, легко соскочив с тахты, подошёл к окну. Раздражают всё же эти гудки –

«донельзя!» – как сказал бы бывший Витькин одноклассник, кореец Игнат.

Ну да, так и есть. Это к соседке напротив, Лиде, приехал на быструю ночёвку её солдатик из военной части. Между прочим, Лидин муж сейчас тоже в армейских рядах, уже десятый месяц исполняет свой гражданский долг в ракетных шахтах где-то аж под Надымом. Вышеупомянутый же солдатик, довольно невзрачный с виду, приглянулся Лиде, когда на их фабрику, подшефную у местного радиотехнического батальона, пригоняли отделение вояк для сноса старого здания трансформаторной будки.

Лидина фабрика – ткацкая, работают там сплошь женщины, вот их директор и позвонила командиру части, попросила помочь с грубой мужской силой. И откликнулись шефы, помогли. Что касается солдатика, то он, по Лидиным рассказам, до сих пор ей по хозяйству помогает. Ну там, забор, например, поправить. И такой он, по слухам, умелец – прям, мастер на все руки! И не только, видеть, на руки, как сказала однажды другая Витькина соседка – из смежного дома со стороны водопроводной колонки – Наташка, прозванная в околотке за злоязычие и гибкую худобу Наташкой-Змеёй. Как бы то ни было, а Лида любит рассказать Наташке про своего Вовчика. Он и шофёр, и столяр, и электрик – слышали у его «газика» сигнал? – так это Вовчик своими руками собрал из списанных деталей, его сам командир взвода Васильев перед строем похвалил. Он знаешь, какой строгий командир? Ужас! А Вовчика – похвалил. И за сигнал, и вообще... Потому что Вовчик – он же Мастер! Мастер на все руки!

Наташка-Змея как-то при Витьке попыталась попенять Лиде на её безнравственное поведение. Начала издалека. Вот, мол, вы тут с Вовчиком на солнышке греетесь, а твой Петя на Севере несёт тяготы военной службы. Лида руками всплеснула: «Ой, правда, Наташа! Как Петечку жалко!» Потом призадумалась и говорит: «Ну, мир не без добрых людей, может, и моего Петечку кто-то пожалеет...»

Наташка-Змея даже рот раскрыла от такого аморального подхода. Правда, больше к Лиде не пристаёт. Зато сама Наташка-Змея – ревнивая до бешенства. Уж она бы ни за что никаких «добрых людей» к своему Коле не подпустила, пусть хоть замёрзнет, как ямщик – если б на Севере! Лучше пусть пропадёт совсем, чем другой отдать!

Витька, бывает, хихикает потихоньку, когда слышит их разговоры, но со своим мнением не лезет. Во-первых, спорить бесполезно, всё равно все разные, ничего никому не докажешь – лучше уж жить с ними в мире. А во-вторых, Витьку они считают маленьким, оттого и обсуждают при нём иногда такие вещи, о которых при взрослых мужчинах молчат. Да он и есть маленький, ну, во всяком случае, опыта у него маловато. Но, маленький не маленький, а своё уважение имеет: у него и музыкой какой хочешь можно разжиться, да и вообще – «хороший мальчик, культурный». Это деревенская Наташка так говорит, потому что обращается к нему с любыми научными вопросами, от электронного микроскопа до Цеденбала. И Витька редко её подводит.

Мастер-на-все-руки Вовчик всё-таки дождался. Лида в длинной ночной рубашке – видимо, отсыпающаяся после ночной смены – наконец, выглянула за порог и помахала рукой: заходи, мол. Вовчик резво спрыгнул с подножки своего военного «газика» и скрылся за дверью.

И Витька тоже покинул свой пост у окна – пора умыться! В доме тишина, только наверху в мансарде слегка поскрипывают половицы. Это ходит бабушка. А вот родителей Витьки второй день нет дома, они уехали из города по семейным делам. Но мы с ними ещё встретимся. И с ними, и с разными другими людьми – их довольно много в нашей истории. Впрочем, об этом после, а сейчас – пора в путь, тем более, что наш герой успел умыться, одеться и уже выходит из дома. Поспешим и мы за ним.

II

Сегодня у Витьки много дел. Самое главное – съездить в институт, в приёмную комиссию. В среду у них там не оказалось анкетных бланков, вот и приходится теперь тащиться ещё раз. Кроме того, нужно купить продукты. В доме – шаром покати, пора пополнить запасы, хотя им с бабушкой много и не надо, а родители приедут ещё только через неделю. Это не то, что у Боба в семье – попробуй-ка, накорми такую ораву! Шесть человек, не считая Боба: родители, старший брат с женой, младшая сестра Ира, да ещё и бабка. Правда, брат с женой живут во времянке, во дворе, но это не имеет значения – если уж

кто-то идёт в магазин, то покупает продукты на всех. Витька как-то ходил вместе с Бобом – у него чуть руки не отвалились, пока они тащили домой тяжеленные сумки. Но и Витьке, пусть и не много, а кое-что всё же нужно купить. Хлеб, молоко, чай – это уж обязательно. Правда, молоко он, скорее всего, «проспал»: вряд ли оно залежится в магазине до того времени, когда Витька будет возвращаться из приёмной комиссии. Ну, это не страшно. Ещё хорошо бы успеть помыть полы до Кириного прихода. А прямо сейчас – нужно спешить в Пионерский парк. Там у Витьки встреча со школьными приятелями, и похоже, что уже одна из последних встреч на их любимом пятачке. Начиная с середины апреля, когда, в преддверии выпуска, начались дополнительные факультативы по разным «профилирующим» предметам, они часто собирались там по вторникам и четвергам. Вся их компания – «технари», все ходили на одни и те же занятия, хотя они и из разных классов. И как-то незаметно сдружились. После занятий обычно шли в парк. Поболтать, покурить, попить пива. Но вот двоих уже нет в городе. Митя и Валерка уехали в Ленинград и Москву – в их университетах вступительные экзамены начинаются на месяц раньше. А скоро и остальные, похоже, разъедутся кто куда.

Витька вошёл в старый парк, и парк сразу радушно принял его, обволок прохладой, прикрыл тенью деревьев – а они здесь, действительно, «столетние», как в журналистском шаблоне – обдал запахом травы и нагретых на солнце листьев, дал ощущение знойного покоя и тишины, нарушаемой только воркованием горлинок. Но вот уже доносится журчание арыка, где всегда, в любую жару, вода холодная. А всё оттого, что вода течёт с гор, и, хоть это и не близко, доносит даже сюда хрустальную прохладу вершин, не успеваешь нагреться на солнце и, несмотря на то, что попетляла по городу, пока ещё чистая и прозрачная. Что немаловажно – потому что в арыке уже лежат рядом бутылки с пивом из соседнего, довольно обшарпанного заведения общественного питания под вывеской «Асхана», где, к тому же, последняя буква наполовину отбита. Ну, отбита или нет, а приезжал не так давно из Москвы к дяде Серёже – Бобовскому отцу – его бывший соученик по институту, так они праздновали, не пересыхая, сначала первое мая, потом девятое, а потом уже так, по инерции. Еле-

еле расстались. Соученик этот звонил на днях, благодарил Вовкиного папашу за тёплый приём, восхищался азиатским гостеприимством, а больше всего – рестораном «Астрахань».

– Так нет у нас ресторана «Астрахань»! – пытался объяснить его Вовкин папаша.

– Да как же нет! Мы там ещё этот, как его, лагман ели! Вкусный такой!

Выяснилось, в конце концов, что благословенный ресторан – не что иное, как общепитовская столовка, по-казахски «асхана». Лагман, впрочем, там действительно вкусный. А то, что «асхана» трансформировалась в «Астрахань» – не беда.

Возле арыка в разных позах уже сидит или полулежит почти вся их компания. Долговязый нескладный Вася и маленький юркий Игнат устроились на корточках, прислонившись к дереву спинами, чуть в сторонке на бревне сидят ещё четверо: Павел, Кайрат, Панайот и Боб. Пока что не видно Мишки и Марата. Кайрат, несмотря на тёплую погоду, одет в клетчатый румынский пиджак. Родные братья этого пиджака, купленные в том же самом магазине «Элегант», висят в платяных шкафах и у Витьки с Игнатом, только клетки на них других цветов.

– Привет, гопники! – говорит, приближаясь, Витька. – Игнат, пиво холодное?

У них так заведено: «дежурный» заранее, минут за пятнадцать до назначенной встречи, покупает пиво и кладёт в арык охладиться. Игнат, вообще-то, сегодня не должен был дежурить, его очередь во вторник, но Валерка позавчера уехал, так что пришлось Игнату, ворча, принимать полномочия. Если б не Валеркин отъезд, Игнату вообще не пришлось бы тратить на пиво. Завтра – выпускной, а в понедельник и сам Игнат уезжает в Свердловск. Впрочем, Игнат ворчит только для порядка: он не жадный, и карманные деньги у него есть. Это Марат всегда «падает кому-нибудь на хвост», ему родители не дают ни копейки, даже на проезд в общественном транспорте выдают абонементными талонами.

– Не, Витёк. Я сегодня пиво с витрины забрал, оно там совсем тёплое было.

– Чёрт, а мне ещё в институт сегодня идти, я хотел сразу выпить, чтобы успело выветриться.

– Вить, ну хочешь, я твою бутылку выпью?

Это подаёт голос Панайот, и сам же оглушительно хочет своей шутке.

– Спасибо, благодетель, я уж как-нибудь сам.

Со стороны боковой дорожки приближается Мишка, на ходу кричит издалека:

– Здорово, пацаны! А Марат не придёт. Родители его под Казань вчера услали, тётка у него там померла, матери сестра. Он и поступать не будет. Сказал, на следующий год попробует. Тётка без мужа жила, и детей у неё двое осталось, братья-близнецы. Так что Марата на семейном совете решили туда откомандировать. Дети седьмой класс закончили. В общем, год перекантуются, восьмой класс закончат, а потом, наверное – все сюда.

– Это что ж, – говорит Вовка, – нас тут только трое останется? Вася – в Рязань, в своё военное училище. Павел – в медицинский. Панайот к блатным родственникам в Краснодар, в какой институт, пока не ясно – где меньше запросят. Но отсюда он всё равно уезжает. Игнат – в Свердловский универ. Ну а ты, сын степей – решил? – обращается он к Кайрату. – Решил, куда поступаешь?

– Ну, решил, – лениво отвечает Кайрат.

– И куда?

– В Алма-Атинский народнохозяйственный.

– Ты же им там всё народное хозяйство развалишь!

– Это ты, попрыгунчик, всё развалишь, – так же спокойно отвечает Кайрат, – а мудрый казах ни во что не вмешивается, и ничего не разваливает!

– Ну вот, так и есть. Трое... Витька, возмёшь и на меня анкету? Мне сегодня надо отцу помочь, у него в машине кардан гикнулся.

– Ладно, возьму. А ты, Мишка, уже подал документы в свой пединститут? Представляете, ребята, Мишка у нас будет Макаренкой!

Все смеются. Мысль о Мишке-педагоге кажется нелепой до глупости.

III

С неделю назад к Бобу домой примчался Игнат. Витька с Бобом в это время сидели на топчане за домом, в тени старой яблони, играли в «тысячу». Боб проигрывал, поэтому был расстроен и Игната встретил без обыч-

ного радушия. Но особого эффекта это не имело: Игнат маленький, подвижный, как ртуть, и совершенно ничего не умеет делать солидно и с достоинством. Только ступил за порог калитки, заорал нетерпеливо:

– Боб, Витька, отгадайте, куда мы в субботу едем!

– Не знаю, куда едут взбалмошные корейцы, а я, например, буду отсыпаться после выпускного – с серьёзным видом говорит Вовка, хотя заметно, что эпизод с Игнатом начинает его развлекать.

– Ну чего вы, ребята? Я, знаете, сейчас от кого?

Поскольку Витька с Бобом теперь уже поневоле отвлеклись от карточной игры и полностью включились в игру подначивания, вопрос повисает.

– Отгадайте!

Игнату до того не терпится рассказать свою новость, что он даже переступает на месте с ноги на ногу, как стрекозенная лошадь.

– Ну отгадайте!

Вовка делает вид, что задумался.

– Сейчас... От Воропаевой?

Игната крючит, а Витька с Бобом безуспешно пытаются сохранять невозмутимый вид. Воропаева – рослая, с роскошными рубенсовскими формами деваха из десятого «В» – давно уже питает непонятную слабость к мишиатюрному Игнату. На всех общих сборищах держится к нему поближе, а когда в декабре в школьном драмтеатре ставили «Снежную королеву», где Игнат играл Кая, а она – как раз саму королеву, то вдоволь нацеловала его в губы на репетициях. Благо, сценарий прямо предписывал эти нежности, дабы у Кая отшибло память о прошлом. С тех пор Воропаева совершенно обнаглела и при любой возможности норовит прижаться к Игнату, когда их никто не видит, и даже, как говорит сам Игнат, трогает его, где только вздумается. Игнат её панически боится, к тому же у него безответная платоническая любовь к другой.

– Ребята, ну чего вы? – обижается Игнат.

– Что, не от Воропаевой?... Тогда... Нет... Не могу отгадать.

– От Дьяковой, – выпаливает, наконец, не в силах больше сдерживаться, Игнат и делает паузу в честь произведённого эффекта.

– У-у-у! – тянут Боб и Витька. – Тогда да!

– Ну чего вы, ребята? – окончательно обижается Игнат, впрочем, тут же сам начинает хохотать.

Лиля Дьякова – номинально их одноклассница – уже два года ходит в школу, когда ей вздумается. Она больна наследственной болезнью крови, время от времени у неё приступы, и тогда ей приходится по неделе, по две лежать в больнице. Её подлечивают, и до начала следующего приступа она чувствует себя вполне нормально. Самое плохое то, что болезнь её неизлечима и прогноз неблагоприятный. Она знает, что ей осталось жить года три, ну, может, пять. Лиля – единственная, любимая и избалованная дочь своих родителей, довольно-таки заметных, в местных масштабах, людей. Других детей у них нет, потому что после рождения Лили они уже знали, что их следующий ребёнок тоже может родиться больным.

Класса до девятого Дьякова ещё как-то старалась учиться, а потом окончательно забросила занятия и «обогемилась», тем более, что было с кем. Лилькин двоюродный брат и наперсник Максимушка – исключительный лоботряс, двумя годами раньше закончивший ту же школу, теперь подвизался в роли студента института культуры и одновременно увлекался разнообразными, но всегда изысканными и скандальными течениями современного искусства. У него имелась своя, достаточно специфичная компания, состоящая, в основном, из денежных отпрысков высокопоставленных родителей, где он выступал в роли неимущего, но одарённого «духовного наставника» и даже, своего рода, законодателя мод. Как уж это получалось у не блистающего особыми талантами Лилькиного кузена, Витька, будучи знаком с ним вовсе не понаслышке, а лично, затруднялся объяснить. Ну, разве что наличием у Максимушки какой-то избирательно действующей силы внушения, или стратегическим подбором приятелей – так, чтобы в сравнении с ними казаться светочем утончённости. Как бы то ни было, но благодаря Максиму Лиля имела возможность вращаться в том же кругу – среди весёлых и беззаботных молодых людей с претензиями на изысканность. К тому же, некоторые из приятелей Максима проявляли к ней мужской интерес, а Лиля была в том возрасте, когда девушкам льстит внимание более взрослых парней, пусть и без всяких практических последствий. В любом случае, общение в компании «золотой молодёжи» было куда привлекательнее нудных занятий по биологии или математике. Правда иногда, в полном согласии с богемными наклонностями, у Лили вдруг возникал интерес

к английскому, или к литературе, или даже к конкретному писателю, которого в тот момент «проходили», и тогда она появлялась на уроках довольно регулярно. Но потом либо интерес гас, либо начиналась новая, скучная для неё тема, и тогда она вновь надолго исчезала. Училась она почти исключительно на одни двойки, но в конце четверти Лиле всегда «натягивали» тройку. Учителя всё же не звери, а её отец всегда состоял в разных родительских и общественных комитетах, и, будучи директором НИИ, школу щедро одаривал.

Но к концу нынешнего учебного года Лиля совсем разленилась и почти перестала ходить в школу, причём, в предпоследний раз вломилась на урок после бутылки шампанского и привела с собой четверых приятелей, второкурсников института, которые заявили литераторше, что они будут у неё на уроке «вольными слушателями».

При всём том, Лиля оставалась девушкой отзывчивой и доброй, только совсем «без башни», особенно после обострений, когда ей нужно было куражом преодолевать страх смерти. Не считая литераторши, – хотя литературу Дьякова как раз знала неплохо – учителя к ней относились снисходительно, а физик полусхотливо называл Лилю «Чаровницей», несмотря на полное отсутствие у неё хотя бы малейшей склонности к точным наукам.

Витька был согласен с физиком: в какой-то период ему довелось испытать на себе действие её чар. Да он и сейчас считал, что Лиля очень красивая. Наверное, самая красивая девушка из всего их выпуска, хотя и не такая красивая, как его Кира.

– Ты говори толком, в чём дело! – строго произносит Вовка, и Игнат, наконец, вываливает свою новость.

– Короче, я у Дьяковой был. Лилькина мать всё же настояла на том, чтобы она получила аттестат. Лилька сначала заартачилась: «Зачем он мне нужен – в гроб класть?» Мать заплакала, потом пришёл с работы отец, мать пожаловалась на Лильку, отец тоже стал плакать, Лилька тоже стала плакать, потом пришла Лилькина бабушка и тоже стала плакать – это мне сама Дьякова так рассказывала, но уже смеясь.

В общем, отец приезжал в школу. Подробности неизвестны, но Лилька получает свой троечный аттестат,

отец после выпускного устраивает банкет для родителей и учителей в ресторане «Ивушка», ну а все Лилькины одноклассники сразу по окончании танцев приглашаются к Дьяковым на дачу. Прямо к школе подгонят специальные автобусы. Лилька обещала, что на даче будут молочные реки и кисельные берега, потому что мать сказала, что «нужно сделать так, чтобы запомнилось».

– А не молочные? Будут?

– Не молочные тоже будут, а тебе, Витька, велено передать, что для тебя припрятана упаковка пива «Кофф», для сравнительного анализа.

– Не нужно мне «ихних милостей!» – говорит Витька, потому что всё ещё обижен на Лилию после их неудачного романа.

– Ну что? – спрашивает Игнат. – Вы поедете?

– Мы поедем? – спрашивает неразлучный Боб у Витьки, зная, что тот имеет больше прав на окончательное решение. – Или дипломатично откажемся?

– Да в общем-то, особых дел у меня в субботу нет, – уклончиво говорит Витька.

Обида на Лилию борется в нём с желанием объясниться: может, они больше не увидятся, кто знает? Может быть, Лилия не так уж и виновата...

– Да поехали, ребята, – говорит Игнат.

– Ну что, тугодум? Ты решил? Едем?

Витька машет рукой:

– Едем!

Но в конце концов получилось так, что на дачу к Лильке автобус уехал без Витьки. Да и выпускной бал прошёл совсем не так, как задумывалось. Вернее, сначала-то всё было нормально, зато потом...

IV

Утром перед выпускным Витька несколько раз тревожно просыпался, но снова заставлял себя уснуть. Сегодня ночью точно будет не до того – так хоть сейчас следует подзапасть бодростью, впрок! Тем более, лёг он вчера опять далеко за полночь, хотя и собирался, наоборот, пойти спать пораньше. Это всё Кира. Так случилось, что она пришла к нему много позже, чем обещала, да к тому же

в отвратительном настроении: у них дома была очередная ссора между Кириными отцом и матерью, и Кире, «как обычно», пришлось утешать мать и отпаивать её валерьяном и валерьянкой. В смысле, Витька-то не знает, обычное это дело, или нет; он и с Кирой-то знаком чуть больше двух месяцев. Но она сказала «как обычно».

Началось всё с лёгкой перебранки по поводу садово-огородной нерадивости Кириного отца – потому что помидоры без полива повяли, потом плавно перетекло в обсуждение его личных качеств, и, наконец, завершилось мощным крещендо по поводу служебного романа у отца на работе три года тому назад. Кира говорила, что он тогда чуть было не ушёл из дома, но мать написала жалобу на его любовницу в партком, и отец сломался. И остался. Впрочем, уходить он, вроде бы, намеревался даже не к предполагаемой разлучнице, а в одностороннем порядке – только из-за угроз Кириной матери прийти к нему на работу и расправиться с обидчицей. Любовница, как и Кириный отец, тоже состояла в браке но, в свою очередь, отнюдь не собиралась разводиться. Ну, а что означала бы для неё более широкая огласка, даже в масштабе их предприятия – понятно без долгих объяснений. Дошло бы до мужа, начались бы осложнения в семье, да и с должностью, вероятно, пришлось бы расстаться: она была в том же ранге, что и Кириный отец – начальницей отдела. Кира эту любовницу видела на какой-то маёвке, ещё до принятия ею статуса отцовской пассии в Кириных глазах. Звали её Галия Ибрагимовна – такая стройная симпатичная татарка, лет на пятнадцать моложе Кириного отца, с приятными манерами. Кира, описывая Галию, высказалась туманно по форме, но достаточно ясно по содержанию: сравнение было не в пользу матери.

Неизвестно, происходило ли всё так, как об этом потом рассказывали Кире, но, говорят, что директор – заблаговременно, ещё за три дня до заседания парткома, устроивший взбучку незадачливым любовникам, – так прямо и сказал: нам всё равно, кто с кем спит, но при условии, что это не лихорадит предприятие, и не идут жалобы ни к нам в партком, ни «наверх», в горкомы-райкомы. Необходимо прекратить это безобразие!

– Да ведь нам самим шум не нужен, – горячился Кириный отец, – поэтому я и хочу уйти. Разведён, значит в личной жизни – свободен, так? Какие проблемы? А иначе, боюсь,

моя половина как раз и будет устраивать скандалы и писать жалобы, которых вы так боитесь.

– Ничего я не боюсь! – рассвирепел директор. – Это вам нужно бояться!

– Но что же делать?

– Как раз ничего не нужно делать. Она вас, извините, застучала вдвоём?

– Да нет, просто я, ну... Приходил поздно. Один раз, вроде как в командировку уезжал. На самом деле отгулы брал. А у нас тут в сметном отделе соседка моя работает, «доброжелательница» чёртова, вот она и стукнула.

– Ну так вот. Всё отрицать! Это сейчас. А на будущее – поизобретательнее нужно быть! Взрослый человек, а не можете со своими женщинами без чужой помощи разобратся. Детский сад какой-то!

Так и получилось, что отцовская пассия триумфально, с высоко поднятой головой вышла с заседания парткома, закончившегося канцелярской резолюцией, размашисто начертанной самим директором: «Факты не подтвердились». А Кириин отец, в полном соответствии со стратегическим замыслом, был принят матерью обратно в лоно семьи как вставший на путь исправления. Однако ж, то ли мать всё же не очень верила в исправление, то ли исправление шло с перебоями, но только тема служебного романа стала с тех пор лейтмотивом их семейных, и без того нередких, ссор.

Витьку мимолётно удивило отношение Киры к родительским конфликтам: с одной стороны, она откровенно признавала, что её мать на самом деле женщина крепкого здоровья, и в душевном плане вполне уравновешенная. Все эти капли-валидолы сплошное притворство и грубый шантаж. А с другой – была целиком на её стороне, и ничего дурного в силовых средствах не видела. И наоборот – отцу она, вроде, даже и сочувствовала, но только в каком-то отвлечённом смысле, в той лишь мере, в какой она могла посмотреть на всю картину беспристрастно, как посторонний человек.

Впрочем, печальная Кира в любом случае нуждалась в немедленном утешении, чем Витька и занялся, нежно-ненавязчиво, но ревностно. Вначале он даже, похоже, немало переборщил с деликатностью. Вздыхал с грустным лицом, брал Киру за руку. Подойдя сзади к сидящей на стуле Кире, гладил её по плечам и голове, целовал в заты-

лок, снова вздыхал – пока Кира не взяла дело утешения в свои руки. Она повернулась на стуле – так, чтобы Витьке удобно было дотянуться до её приоткрытых губ, закрыла глаза. Тут уж даже последний дурак догадался бы, чего от него ждут, а Витька дураком не был. Утешение принимало различные формы, по мере того, как поцелуи становились горячее, а Витька с Кирой переместились на тахту. Кира отвечала на поцелуи, и впервые позволила Витьке везде себя трогать, но только поверх одежды. Едва Витька предпринял попытку перейти границу, как Кира напряглась и одной рукой схватила Витьку за запястье, а другая её рука твёрдо, хотя и не грубо, легла на Витькину грудь и создала между ними буферное пространство. Поскольку он продолжал упорствовать, Кира соскочила с тахты и сказала, что ей пора домой. Витька, конечно, был сильнее и, наверное, мог бы преодолеть Кирино сопротивление, но ему не хотелось так – насильно. Поэтому он молча стал обуваться, чтобы проводить Киру до дому. В процессе проводов стало ясно, что Кире не так уж и пора было домой: они, тихо разговаривая, стояли у Кириной калитки ещё часа полтора, потому что Кира не отпускала Витьку. Он, правда, и сам не делал попыток попрощаться, ему тоже не хотелось уходить. К тому же он знал, что теперь они не увидятся аж до воскресенья: завтра и в его школе, и в Кириной – выпускные балы, а прямо с бала автобус увезёт его на Лилькину дачу.

V

Витька немного волновался, загодя облачаясь в праздничный костюм для выпускного, хотя и приятным волнением. Почему-то ему казалось, что сборы должны занять довольно много времени, но собрался он на удивление быстро, полюбовался на себя в зеркало и остался доволен. Даже жаль было, что родители его сейчас не видят: им недавно пришлось внезапно уехать в Киев к отцовской сестре. Вообще-то, они давно вместе с Витькой собирались к ней в гости, только попозже, между вступительными экзаменами и началом учёбы в институте. Но тётё Люсе неожиданно потребовалась срочная операция на почке, и родители уехали одни – помочь, поддержать. Уехали не без сомнений, потому что у Витьки как раз «самый ответ-

ственный период». Выпускные экзамены ещё не закончились, а впереди – вступительные, кто за Витькой присмотрит? Но Витька их уговорил. Он человек взрослый и самостоятельный, подгонять его не надо, он и так будет заниматься. Выпускной экзамен оставался только один, да и тот ерундовый – химия, а уж химию-то Витька знает лучше других. А к вступительным – родители уже вернутся. Родители согласились, только мама сходила к Наташке-Змее, попросила снабжать Витьку свежими яйцами – у Наташки свои куры – ну и вообще, «присмотреть, если что». Бабушка-то уже совсем старая.

– Присмотрим! – зловеще пообещала Наташка-Змея, пока Витька из-за маминой спины смешил её страшными рожами.

Если честно, то ещё в апреле, когда обсуждались планы на отпуск, Витька очень хотел поехать к тётке Люсе, но теперь появилась Кира, и поэтому Витька был даже рад, что не ехал. Более того, перспектива остаться одному – бабушка не в счёт, она почти всё время проводит наверху, в мансарде – казалась из-за этого необычайно заманчивой. Но в ту минуту Витьке всё-таки стало жалко, что родителей нет: хотелось покрасоваться и послушать мамины дифирамбы про то, какой он красивый и элегантный! Он, правда, забежал к бабушке в мансарду – показаться и попрощаться до завтрашнего дня, но бабушка же ничего не понимает в современной моде! У неё Витька всегда красивый, хоть в звериные шкуры оденся.

Идти, вроде, было рановато, но и сидеть дома Витьке уже совсем расхотелось – просто неважно! Боб ждал их с Игнатом у себя в шесть тридцать, времени ещё оставалось целый вагон, но Витька решил, что пойдёт к Авдеевым прямо сейчас. Всё равно у Володьки в доме он, считай, что свой – за шесть лет дружбы с Бобом примелькался.

У Боба, как и следовало ожидать, вся семья ревниво наблюдала за Бобовскими приготовлениями: то рубашка не та, то туфли не чищены, а уж по поводу галстука вообще пошли сплошные разногласия, пока Бобовский брат Сашка, единоличный диктатор в Бобовской семье, не повязал ему собственноручно узенький чёрный галстук. Только костюм не вызывал споров. Роскошный Бобовский костюм, так же как и Витькин, был куплен накануне из-под полы в универмаге возле железнодорожного вокзала – там у Сашки служил товароведом бывший одноклассник.

– Боб, тебя прямо как невесту обряжают! – насмешливо сказал Витька, глядя на то, как Боба крутят в разные стороны перед трельяжем.

Но, вообще-то, ему было даже немножко завидно.

Наконец, всё, что нужно было одёрнуть, было одёрнуто, всё, что нужно было разгладить – разглажено. Удовлетворённые Вовкины родственники разошлись по углам и оставили его в покое. Только тётя Валя, Вовкина мать, тоже нарядная по случаю выпускного вечера, осталась сидеть в кресле; ждала, пока Вовкин папаша оденется и подаст машину.

– Ну что, ско-ра-бля на бал? – это Игнат, появился на пороге, и, не заметив Вовкиной матери, решил скаламбурировать.

– Что-о-о? – сказала тётя Валя, округлив глаза и приподняв выщипанные в ниточку брови.

– Грибоедов, тётя-Валь, – не растерялся Игнат, – «Горе от ума».

Тётя Валя поджала губы:

– Оно и видно, Игнат! Оно и видно!

– Ладно, пацаны, пошли, – погасил Витька назревающую нотацию, – чего мы на машине будем трястись, нам здесь пешком минут пятнадцать идти. Пошли!

VI

Позже, когда Витька возвращался мыслями к этому дню, он ярко вспоминал только эти сборы, самое начало вечера – и самый его конец, ту безобразную сцену с Киной. Всё остальное как-то стёрлось.

Когда Витька со товарищи добрались до школы, большинство их одноклассников было уже там. Стояли и болтали отдельными группками, как это всегда бывало и во время учебного года, разница лишь в том, что сейчас все были странно одеты, как будто в актовом зале разыгрывался какой-то грандиозный спектакль, с костюмами и декорациями. Вновь прибывшие, после короткого обмена приветствиями, вливались в свои фаланги. Витька ещё подумал: наша классная вечно твердит, что, вот, мол, не умеете вы ценить друг друга, порой обижаете, а через пять лет любой, – понимаете, любой! – из ваших бывших одноклассников будет вам как родной, даже ближе.

А ведь не похоже! Совсем не похоже!

Если кто-то и будет поддерживать отношения, так только те, что и сейчас дружат между собой. Ну, допустим, бывает иногда и иначе: люди, встретившись вновь через несколько лет, вдруг обнаруживают друг в друге какие-то качества, о которых раньше не подозревали. Да и то – это если прежние отношения были как минимум, нейтральные. Вот, например, Бобовские мать с отцом. Учились в одном классе, потом несколько лет не видели друг друга, потом опять случайно встретились – и что-то там такое разглядели друг в друге. Стали встречаться. Поженились. Так что, кто спорит – бывает. Но редко. Да и то не факт. Их семейную жизнь не назовёшь идиллией.

Вообще, Витька давно уже заметил, что у некоторых взрослых – хотя бы у той же классной – какие-то странные представления о тех, кто не достиг совершеннолетия. Как будто бы из плохих книжек почерпнутые или подсмотренные в плохом кино. Как будто бы они сами никогда не были молодыми. Про всякие там чудесные преобразования личности. А на самом-то деле – всё точно так же, как у взрослых. Ну, может, опыта и знания жизни маловато. Да ещё гормоны бушуют – если у подростков. А так – те же инстинкты, те же чувства, те же склонности. Те же характеры. И те же симпатии-антипатии.

Вот и у них в классе всегда был тот же самый микрокосм: кто-то дружил, кто-то не очень. А кто-то друг друга недолюбливал, бывало, что и пакостил, в лучшем случае – обменивался колкостями.

Вон – рядом с Витькиными друзьями, Бобом и Игна-том, стоят две неразлучные подружки-хохотушки, Таня и Тоня, обе с острыми язычками. Судя по направлению их взглядов, они живо, и вряд ли благосклонно, обсуждают бальное платье Нины Варданян. А вон и сама Нина Варданян шлёт им в ответ испепеляющий взгляд из-под изогнутых чёрных бровей – чистая Медуза-Горгона! И тут же, склонив голову набок, что-то шепчет своей подруге Эльвире Сабировой. Теперь и Эльвира смерила взглядом Таню и Тоню – «рублём подарила», как сказал бы народный поэт! Ну, положим, Таня и Тоня девушки ироничные, но, хотя бы, не злые и знают меру. А вот из-за Игоря Великовского, который сейчас как раз любезничает с Варданян, в девятом классе чуть не перевелась в другую школу Аня Худоева. Литераторша проводила диктант, и была там такая фраза:

«Вадим Белобрысов, наперекор своей фамилии, оказался темноволосым и чернобровым пареньком...»

– Людмила Иванна, это как – «наперекор своей фамилии»? – спросил тогда Игнат.

– А вон, Худоева у нас, – наперекор своей фамилии! – весело закричал Великовский.

В классе заржали, а Худоева – очень толстая девочка с очень толстой косой, длинными коровьими ресницами, и по-коровьи кроткая – выбежала из класса и отказывалась ходить в школу ещё несколько недель, до начала следующей четверти. Её родители приходили к директорисе с жалобой, просили разрешения поговорить с Игорем. Директриса в восторг от этой просьбы не пришла, но разрешила. Ещё говорили, что родители Ани хотели перевести её в школу Кирова, но она отказалась и снова пришла в школу в начале третьей четверти. А когда вернулась, Великовский подкараулил её в коридоре возле кабинета биологии и сказал:

– Ты, Аня, говорят, так переживала, так переживала! Но вот что-то совсем не похудела от переживаний!

Надо отдать Ане должное, в школу она на этот раз ходить не перестала и жаловаться никуда не побежала, а если б не дежурил в тот день в кабинете биологии Игнат, о происшествии, скорее всего, никто бы и не узнал. Но Игнат услышал их разговор из класса, выскочил с половой тряпкой в руке и крикнул в спину уходящему Игорю:

– Эй, Велик, а ну, извинись!

В ответ Великовский набросился на маленького Игната с кулаками, но тут, на его несчастье, подоспели Витька с Бобом и Панайотом. Пока Панайот с Бобом растаскивали драчунов, Игнат в двух словах рассказал, что произошло. Великовскому пришлось бы туго, если б Аня мальчишек не удержала.

Всё же Витька не удержался от реплики:

– Вот ведь парадокс, Велик! Ты девушку обидел, а она тебя, козла, ещё и защищает.

В конце концов, почти мирно разошлись. Только Панайот, который сильно расстроился, что ему не дали вернуть справедливость, вlepил Велику пенделя на прощание. Да Игнат, не выпустивший в пылу борьбы из рук тряпки, всё же прошёлся ею Велику по физиономии во время их короткой схватки. Не больно, зато обидно.

Так что уж если сегодня – после стольких лет проведённых вместе – их класс разбивается на три совершенно

разные компании, плюс несколько сателлитов-одиночек, то с чего бы вдруг они сблизились после того, как их дороги разойдутся? И такое расслоение, видимо, идёт на инстинктивном уровне, ведь у большинства – исключая откровенных подонков и изгоев – нет серьёзных причин для обособления. А таких подонков в их десятом «А» классе, по сути, и нет – те двое или трое, что были раньше, уже отсеялись, до десятого не дотянули.

Ну, разве только Олег Симбирцев – пухлощёкий мальчик с ангельским лицом – вот он, снуёт между сверстниками у сцены и родителями, накрывающими в противоположном углу зала несколько столиков а-ля фуршет с напитками и лёгкими закусками – наверняка ради того, чтобы выпить две-три лишние рюмки вина под шумок. Англообразность Олега ввела в заблуждение немало людей – тем более, что он труслив, и в открытые конфликты никогда не вступает. Даже классная, перед которой он лебезит, – хотя уж ей-то в силу должности следовало бы знать его получше – в минуты умиления называет его «Олежик». У него стиль диверсанта в тылу врага: сделать какую-нибудь гадость исподтишка, а потом, хихикая, наблюдать за жертвой со стороны. Самая удивительная его черта – это то, что он охотно и в подробностях любит рассказать о своих подлостях другим, если, конечно, ему не грозит расправа. Вернее, сам-то Симбирцев даже и не подозревает, что то, что он делает – подло. Он считает, что всё это весело. В прошлом году одна девочка из параллельного класса пришла в школу заплаканная и со следами ремня на ногах – мамаша нашла у неё в портфеле презервативы и, недолго раздумывая, провела с дочерью «воспитательную работу». А Олег, узнав об этом, аж весь лицом просиял – стал всем подряд рассказывать, как ловко ему удалось подкинуть нескольким девчонкам презервативы в портфели на большой перемене.

И надо честно признаться, многие тогда смеялись вместе с ним. Правда, в конце прошлого года Олег превзошёл сам себя – настолько, что даже прежние ценители его юмора теперь им брезгуют – похвастался, что в субботу ходил в кино, и в темноте, во время журнала, вымазал всё соседнее сиденье соплями, а сразу после начала фильма рядом села какая-то припозднившаяся пара. Так этот урод после сеанса специально шёл за ними два квартала, чтобы полюбоваться издали на девушку и юбку. Особенно слю-

нявый восторг у Олега вызывало то обстоятельство, что, хотя сопли были обнаружены, избавиться от них было не просто. Девушка доставила ему много приятных минут.

Что касается Витьки, то у него есть особая причина неприязненно относиться к «Олежику». Как раз из-за Олежика он и поссорился с Лилей. Хотя, конечно, если подойти беспристрастно, то это Лилька его предала. Да и вообще. Не стоило ему влюбляться в Лильку.

А вышло всё совсем случайно. Из-за Боба.

VII

Лиля тогда опять угодила в больницу, только на этот раз почему-то надолго. Что-то у неё там никак не восстанавливалось. Домой её не отпускали, а в больнице лежать не очень-то весело – это понятно. Вот Лилька и сходила с ума от скуки. Уговорила мать пойти в школу и попросить, чтобы к ней приходили одноклассники – якобы, «подтягивать» её по разным предметам – как будто она и без всякой больницы не прогуливала половину уроков! Бобу, как признанному математическому гению десятого «А», досталась геометрия. Ну, а в одиночестве таскаться через полгорода тоже скучно, сначала – в больницу, а потом, когда Лилю выписали оттуда, но пока ещё только на постельный режим – к ней домой. Так и получилось, что Витька с Бобом почти на два месяца стали частыми гостями Лили. К моменту выписки других добровольцев уже не осталось, да и в том, что касается геометрии, особого перелома тоже не происходило, если честно. Лилька во время занятий дурачилась, из нужных для урока страничек учебника делала самолётики, а, давая Бобу задачки на проверку, писала из математических переменных плохообразные слова. Вернувшись домой, прямо заявила: хватит, мальчики, зачем нам эти лобачевские премудрости, есть темы поинтереснее. Так и пошло. Через некоторое время Витька с Бобом пообжились у Лильки в квартире. Они приходили, ставили на проигрыватель пластинку из коллекции Лилиного отца, Лиля варила кофе, из стенного бара извлекалась бутылка рижского бальзама. Им было хорошо втроём. Дома у Дьяковых, как в пещере Аладдина, обнаружилось огромное количество всевозможных сокровищ: кроме богатой библиотеки, куча интересной музыки

у отца, а у Лилькиной матери – множество роскошно изданных альбомов с живописью, так что даже и без хозяйки Витьке с Бобом было бы не скучно. А присутствие красивой девушки придавало их времяпрепровождению дополнительный блеск.

Случалось, что их идиллию нарушала баба Шура – Лилина бабушка по матери. Она приходила проведать внучку и часто оставалась до прихода родителей. Вообще-то, обычно она навещала Дьяковых только по определённым дням, но бывало, что заявлялась неожиданно. Тогда приходилось ретироваться. Иногда – чаще всего, по четвергам – к Лиле забегала её подруга и соседка по подъезду Женя, студентка третьего курса музыкального училища, приносила произведения своего кондитерского искусства, обычно неудачные. В такие дни Боб бежал в соседний магазин «Спутник» за бутылкой румынского сухого вина «Фетяска».

Сначала Витьку с Бобом удивляло то, что они ни разу не столкнулись ни с кузеном Максимом, ни с его компанией. Когда Боб прямо спросил об этом Лилю, выяснилось, что Лилькины родители вот уже больше трёх месяцев, как отлучили его от дома.

Ещё в начале осени баба Шура не могла нахвалиться на Максима:

– Наш Максимушка так переменялся! Ездит со мной на дачу, помогает. Цветков насадил. Давно бы так, а то ведь пальцем о палец не ударит, живёт на всём готовом!

Нравственное преображение Максима было явлением столь чудесным и необъяснимым, что баба Шура постаралась донести эту благую весть до всех окружающих. Максима начали ставить в пример своим детям и внукам бабы Шурины подруги и соседи по даче. И даже Лилькины родители, обычно настороженно относившиеся к её дружбе с неблагонадёжным племянником, подоттаяли.

Так продолжалось до тех пор, пока один из дачных соседей не опознал в подрастающих Максимушкиных «цветках» кустики индийской конопли. Падение Максима было таким же грандиозным, как и его короткая, но лучезарная слава. Лилькины родители запретили ему появляться на их пороге и видеться с Лилей, а из Турланской экспедиции разведённой Максимушкиной матерью был срочно вызван для проведения отеческой порки бывший муж. Порка была проведена квалифицированно, и, вкуче с лишением Максимушки денежного довольствия, по словам бабы Шуры, имела исключительно благотворное действие.

А кроме того, оказала побочный положительный эффект на отношения в семье: отец Максима вернулся к жене.

Теперь стало понятнее и Лилино больничное одиночество.

Поначалу Витька ходил к Лиле только из солидарности с Бобом, потом из-за огромных залежей музыки. Витька не вылезал из шкафа, где хранились пластинки и записи – там и в самом деле оказалось много редкого и интересного. Витька даже и представить себе не мог, что такой древний человек, как Лилькин папаша, может иметь столь продвинутый вкус. Что касается самой Лили, то ей не нравилось столь явное предпочтение, отдаваемое Витькой духовным ценностям, она даже шутливо приревновала как-то раз:

– Честное слово, если не обратишь на меня внимания, я все эти пластинки перебью!

И действительно, схватила одну пластинку и переломила через колено.

Потом случилось так, что Витька простудился и несколько дней проболел. И, неожиданно для себя, обнаружил, что ему мучительно хочется видеть Лилю, слышать её голос, обонять её запах. И осязать, осязать, осязать.

К тому времени, как Витька снова встретился с Лилей после болезни, он прочно, безоговорочно капитулировал. Теперь он приходил к ней уже потому, что не мог без неё обходиться.

Но и тогда он не стал ничего предпринимать. Лиля была... ну, из другого мира, что ли. Очень красивая. Насмешливая и бесшабашная. Не то, чтобы Витька ощущал какую-то ущербность или робел. Просто он чувствовал, что Лиля не сможет относиться к нему с такой же серьёзностью, с какой он относился к ней.

Два или три года спустя, в свой институтский период, Витька как-то пытался приоткрыть эту страничку жизни одному из своих друзей, но тот его не понял.

– Как это, «серьёзно»? Ты что, на ней жениться, что ли хотел, в шестнадцать-то лет?

– Да я, вообще, не думал тогда о женитьбе! Я же не сказал «серьёзные намерения». Я сказал «серьёзно».

– А какая разница?

А разница, между прочим, огромная. Может быть, Витька в то время не смог бы объяснить это простыми словами, но... Суть была в том, что он чувствовал, что Лиля,

с её бурным темпераментом, лёгким характером и любовью к острому ощущению, подстёгиваемой осознанием своей обречённости, не могла воспринимать происходящее между ними иначе, чем краткий миг. Причём, у Лили это даже не было той неприятной жадностью к жизни, которую Витька потом часто встречал во многих других людях. И, тем не менее, это был только краткий миг.

А Витька тогда ещё стремился к бесконечности.

Но всё же настал момент, когда что-то толкнуло их друг к другу. А может быть, у Лили просто не было тех сомнений, что были у Витьки.

Володю Авдеева в тот день родители попросили посидеть дома. Сломался телевизор, вызвали мастера из телеателье, который должен был прийти «после обеда», то есть, в сущности, неизвестно когда. И Витька отправился к Лиле один.

Наверное, в тот момент он чуть-чуть лицемерил сам перед собой.

С одной стороны, деликатный Боб, который к тому времени уже и сам начал чувствовать себя немножечко лишним, спрашивал, не хочет ли Витька, чтобы он, Боб, однажды ушёл пораньше, сославшись на дела. Или чтобы вовсе не приходил. Или приходил через раз. Но Витька пока что не склонен был воспользоваться этим предложением.

С другой стороны, сейчас он был ужасно рад, что идёт к Лиле один. И очень волновался. За эти радость с волнением ему было немного стыдно перед Вовкой.

В таком настроении, радостно-взволнованном, он подошёл к Лилиному дому. На лестнице его вдруг охватила тревога, и он чуть было не повернул домой. Но, нерешительно потоптавшись на лестничной площадке перед знакомой, обитой красным кожаным дерматином дверью, всё-таки нажал на кнопку звонка.

– Привет! Ты чего такой бледный? – дверь приоткрылась, и на площадку выглянула Лиля.

Она была в фартуке, с полотенцем через плечо.

– Я посуду мою. А где Володя? Проходи.

В прихожей Витька на мгновение остановился перед зеркалом. Лиля не обманула: на него тревожно смотрел бледный паренёк.

– Ты посиди пока в гостиной. Я сейчас, мне два стакана осталось домыть. Так где Володя?

– Боб дома, мастера ждёт из телеателье. Он, может быть, ещё придёт попозже, – зачем-то соврал Витька.

В гостиной он не стал садиться, а остановился возле мебельной стенки, где стояли фотографии. До этого он их почему-то не замечал. На одной из фотографий была снята девушка чуть постарше Лили, очень красивая, с очень знакомым лицом. Прямые волосы, тёмные, с небольшим изломом брови, дерзкий взгляд больших глаз, чуть-чуть вздёрнутый нос. Несколько мгновений Витька тупо смотрел на фотографию, потом догадался, что это фотография Лилькиной матери.

– Ай! – услышал вдруг он Лилин вскрик, а вслед за тем – звон разбитого стекла.

Когда он вбежал на кухню, Лиля правой рукой сжимала левую, окровавленную. На полу, тоже в пятнах крови, валялись осколки стекла.

– Я стакан мыла, а он лопнул!

– Чёрт! Лилька, ты вся в крови! Аптечка у вас есть? Бинт, лейкопластырь?

– Да, вот здесь, на антресолях.

Витька подставил табуретку, нашёл на антресолях аптечку, вытер мокрые Лилины руки, промыл рану перекистью водорода. Рана была не очень глубокая, но длинная.

– Сейчас, Лилька, потерпи немного.

Усадил Лилу на табуретку, залил рану йодом, склонившись, стал бинтовать руку, и вдруг почувствовал, как Лиля осела. Её голова упала набок, зрачки ушли под верхние веки.

На мгновение Витька совсем растерялся. Что делать? Звонить в «скорую»? Но это, скорее всего, простой обморок. А может быть, и нет. Кто знает – может быть, это как-то связано с Лилиной болезнью? Витька видел в кино, как людей бьют по щекам, чтобы привести в сознание. Он нерешительно ударил Лилу по одной щеке, потом по другой. Лилина голова мотнулась из стороны в сторону, но никакого другого действия Витькино лечение не оказало.

«Нашатырный спирт!» – вспомнил Витька.

Прежде, чем искать спирт, он решил отнести Лилу на кровать.

Она была совсем лёгкая, обмякшая, как тряпичная кукла. Он бережно уложил Лилу на кровать в её комнате, а под всё ещё кровоточащую руку подложил свёрнутое кухонное полотенце, потом метнулся обратно в кухню искать в аптечке нашатырный спирт и сразу же увидел нужную ампулу.

Но когда он, с ватным тампоном и ампулой в руке, вернулся назад, Лиля уже очнулась.

– Лилька, ну как ты? Вызвать скорую?

– Нет, нет, нормально... Я в обмороке была, да?

Лиля жалко улыбнулась.

– Я полежу немножко, ладно? Всё нормально, только голова очень кружится. Я всегда легко в обмороки падаю, а в последние дни у меня ещё и состояние – не очень... Я просто полежу, и всё будет хорошо. Ты только не уходи. Ты же посидишь со мной, да? Ты никуда не спешишь?

– Никуда я не спешу, я здесь буду, пока у тебя всё не заживёт! – пошутил Витька – как оказалось, неудачно.

– Это навряд ли, Вить, долго ждать придётся, – вновь погрустнула Лиля. – Но спасибо.

Витька никогда – ни раньше, ни потом – не говорил с Лилей о её болезни. Сама она не рассказывала, а расспрашивать казалось бестактным, да и не хотелось лишний раз напоминать об этом Лиле. Будь Витька постарше и поопытней, он бы, пожалуй, знал, что Лиля вряд ли когда-нибудь об этом забывала.

Витька присел на корточки возле Лилиной кровати, взял её правую руку в свои ладони. Левая рука так и лежала на полотенце, но кровь уже, кажется, не сочилась.

– Ты садись на кровать, я подвинусь. Вот, возьми подушку, чтоб удобней было.

– Не надо, Лилька, не двигайся, ты же слабая совсем.

Но Лиля уже отодвинулась на другой край кровати.

– Я полежу пока, хорошо? Ты только не уходи, – опять повторила она и закрыла глаза.

Витька полуприсел-полуприлёг на другой край кровати и стал смотреть в окно. Земли из окна не было видно, но в голубом, с дымкой, небе покачивались голые верхушки деревьев и пролетали тёмные облака. Потом перевёл взгляд на Лилю. Её глаза всё ещё были закрыты.

VIII

Витька так и не понял, как получилось, что он уснул. Ведь когда он садился на кровать, он всё ещё не отошёл от испуга из-за Лилиного обморока, его даже немного познабливало. Много позже он прочитал в какой-то научной книжке, что такое бывает, и именно из-за сильных переживаний – как защитная реакция организма. Но сейчас

это дела не меняло. Пообещал Лиле присмотреть за ней, а сам позорно уснул! Когда он открыл глаза, уже смеркалось. Значит, времени прошло немало. Он лежал на спине, а Лиля, приподнявшись и подперев голову рукой, смотрела на него. Она смотрела на него странным пристальным взглядом, и Витьке показалось, что этот взгляд открывает чуть больше, чем Лиля обычно позволила бы кому-нибудь в нём прочесть. Ведь обычно, даже если смотришь людям прямо в глаза, то всё равно возникает ощущение прикрытых штор, не позволяющих увидеть их тайные мысли. Только у детей бывает совершенно прозрачный, бесхитростный взор. А тут получилось, что неожиданно проснувшийся Витька как будто бы застал её врасплох и подглядывал за нею из-за плохо задёрнутых занавесок. От этого он ещё больше смутился и только было открыл рот для оправданий, как Лиля наклонилась и поцеловала его в губы долгим поцелуем.

Сказать, используя распространённый штамп, что Лилин поцелуй «поразил Витьку, как громом» – значит, ничего не сказать. Вплоть до этой секунды, до того самого мига, когда Лилины губы соприкоснулись с его губами, Витька и представить не мог, сколько нежности, сколько страсти к этой хрупкой девушке скопилось в его душе – или где там скапливается страсть и нежность? Сейчас она вдруг разом хлынула наружу – будто где-то лопнула натянутая струна, будто паводком смыло плотину – впрочем, любое сравнение будет банальным.

Витька сжимал Лилу в объятиях, оплетая её руками и ногами, прижимал к себе, зарывался лицом в волосы, целовал её губы, брови с изломом, раненую ладошку, и здоровую тоже, шею, затылок. Лиля не сопротивлялась, наоборот, помогала ему, угадывая Витькины желания и подставляя нужные части под его губы, и, в свою очередь, блуждала губами и непораненной рукой по Витькиному телу, которое настолько недвусмысленно откликнулось на Лилины прикосновения, что Витька смутился.

– Слушай, сейчас мама с папой придут, – сказала Лиля в паузе между двумя поцелуями, когда они сплетались кончиками языков, – а мы в постели!

– Нужно вставать?

– Не обязательно, но тогда тебе придётся на мне жёнуться, – улыбнулась Лиля. – Пошли! Тебе ещё умыться нужно.

– Почему это?

– Посмотрись в зеркало.

Витька спрыгнул с постели, чтобы заглянуть в большое овальное зеркало, висящее на стене. Штаны предательски коробились. Витька попытался подойти к зеркалу боком, чтобы было не так заметно.

– Да не стесняйся ты! Я сейчас точно такая же, просто у меня не видно.

Витька рассмеялся, а когда перестал смеяться, его смущение, если и не исчезло совсем, то поутихло.

Как ему впоследствии казалось, именно с этого момента между ними и установилась та откровенность, которой Витька столь дорожил, особенно потом – увы, слишком поздно – когда и его влюблённость, и его обида, да и сама Лиля остались в прошлом.

Та откровенность, которая давала уверенность, что, даже если какие-то слова одного из них и казались вдруг другому немного неуклюжими или обидными, то это не потому, что ему хотели сделать больно.

Когда он посмотрел на своё отражение, стало ясно, о чём говорила Лиля. По его лицу и, особенно по шее, была размазана кровь. Даже на воротнике рубашки было два пятнышка крови. Похоже, пока они обнимались, Лилькина рана снова стала кровоточить, а они оба были слишком увлечены, чтобы это заметить. Лиля тоже подошла к зеркалу, прижалась к Витькиной щеке своей щекой.

– Смотри, какие мы вместе красивые! Гораздо красивее, чем поодиночке.

И, коснувшись пальцем раны, провела ещё одну кровавую полосу под глазами – через два лица.

Лицо и шея отмылись, а вот рубашка – нет.

– Не пришлось бы получать по шее от мамы! – крикнул Витька, выйдя из ванной, и не обнаружив Лилю на месте. – Ты где?

– Я на кухне убираю.

Лилька, неловко поддерживая совок, пыталась замести в него осколки стекла.

– Больно? Давай, я.

Только-только они успели смести стекло и вытереть пол, как заскрежетал дверной замок, и в прихожую вошли Лилькины родители. Лилька встала у входной двери, а Витька остановился чуть поодаль.

– Что с тобой, Лиличка? – всплеснула руками Лилькина мать, увидев бинт.

Лилька в нескольких словах рассказала, что случилось.

– Спасибо вам, Володенька! Спасибо, что так заботитесь о Лиличке! – опять воскликнула Лилькина мать. – И за занятия спасибо, и за сегодня вот!

– Да я не Володя.

– Как не Володя? А где же Володя? – растерялась Лилькина мать.

Пришлось Лильке вновь обрисовать диспозицию, уже чуть более развёрнуто.

– Может, мы пройдем внутрь да познакомимся как следует? – вступил Лилькин отец.

Пока родители разувались и снимали верхнюю одежду, Витька успел их украдкой рассмотреть.

Лилькиного отца он уже видел раньше, но только мельком, в школе. А как выглядит мать он, вообще, не имел понятия до сегодняшнего дня, пока не увидел её на снимке.

«А что – до сих пор похожа! – улыбнулся про себя Витька. – В смысле, на фотографию!»

Вопреки непонятно почему возникшим неприятным ожиданиям, оба Лилькиных родителя Витьке понравились. Лилькина мать, высокая брюнетка в деловом костюме, была, если не красавицей, то, по крайней мере, как писали в старых романах, «со следами былой красоты». Так оно и понятно, что «былой» – ей ведь уже за сорок, наверное!

Лилька, конечно, больше похожа на мать. Только вот волосы у неё, в отличие от матери, светлые – в отца. А Лилькин отец, высокий бородач «а-ля шкипер» в замшевой куртке и вельветовых брюках, войдя в комнату, показался даже ещё выше, чем в прихожей. Протянул Витьке большую твёрдую ладонь, представился демократично:

– Сергей.

– Витя.

Мать была более консервативна. Приветливо кивнула Витьке, но руки не подала и назвалась полным именем.

– Очень приятно, Виктор! Лидия Васильевна... А! Так вы Виктор Кондратьев, Ивана Викторовича сынок? А я ведь, знаете, у вашего папы училась, он у нас в школе работал. Замечательный педагог, и такой умница!

– Спасибо! Приятно познакомиться.

– Мама, папа, ну мы пойдём? Вите домой пора, он и так тут со мной задержался, – попыталась прервать поток материнских воспоминаний Лилька. – Я его провожу. Попытка почти удалась.

– Да-да. Конечно. Но вы заходите к нам, Виктор. Мы на Лиличку просто не нарадуемся в последнее время! Такая она стала спокойная, рассудительная. Вот что значит – приличная компания. Вы уж не оставляйте её! А то, знаете, мой племянник Максим – это Лилин двоюродный брат – всё таскает сюда каких-то шалопаев. Вот Лилина успеваемость и съехала, хоть она и на все дополнительные занятия ходит.

Витька насмешливо посмотрел на Лилю. Какие там ещё дополнительные занятия! Да если Лилька раза четыре в неделю до школы дойдёт – и то хорошо! Выходит, что Лилька и после уроков где-то болтается, а матери потом втирает, что ходила на дополнительные занятия. Витька поднял голову и натолкнулся на такой же насмешливый взгляд Лилькиного отца. Ну, понятно. Это же отец ходит на заседания родительского комитета и разные школьные собрания, а не мать. Похоже, он в курсе, только матери не говорит, фильтрует информацию. Витька заговорщически улыбнулся отцу и получил такую же улыбку в ответ.

– Такие шалопаи, такие шалопаи! Уж я говорю ему: «Максим! Где ты только находишь таких друзей?» А он...

– Мама! Нам пора!

– Да-да, конечно, идите.

Лилькин отец снова пожал Витьке руку на прощание. Глядя в глаза, сказал:

– Ты, правда, Вить, заходи.

Домой Витька приехал поздновато, родители уже поужинали.

Мама сразу заметила пятно на воротнике рубашки.

– Что это у тебя?

– Кровь была, но я сразу смыл.

– Подрался?

– Нет, из носу пошла.

– Ну да, у тебя же нос – на боку.

А отец удивился:

– Ты чего сияешь, как медный грош? Пятёрку, что ль, получил за контрольную?

Витька и забыл уже. Ах, да – он же только вчера говорил родителям про контрольную по алгебре. А сегодня эту контрольную как раз раздавали. Он и в самом деле пятёрку получил, только это всё как будто ещё в прошлом веке случилось.

– Ага, пятёрку.

И это была чуть ли не последняя его пятёрка в той четверти.

IX

Зато он больше двух месяцев был счастлив. Внешне, для других, всё обстояло так же, как обычно. Та же рутина, те же занятия, те же люди вокруг. Ну, почти.

Учителя, конечно, заметили, что он начал прогуливать уроки. И ещё заметили, что, уж если его нет в классе, то Дьякову тем более можно не ждать. С другой стороны, Лиля стала появляться в школе чаще. Так что общая отчётность не пострадала, даже наоборот. Но всё равно, к концу четверти директриса Ирина Валентиновна позвонила Витькиному отцу и нажаловалась.

Папаня мягко, но нудно, Витьку немного попиллил.

– Пап, ну да, согласен. Прогуливать нехорошо, но я же не прогуливаю всё подряд! Я ничего важного не пропускаю.

– Неужели? И поэтому Ирина Валентиновна говорит, что ты стал хуже успевать почти по всем предметам. Наверное, врёт!

– Да нет, не врёт, пожалуй. Я всё понял, пап.

– Не забывай, что у твоей подруги – другое положение.

– У какой подруги?

– Ви-и-итя!

– Ну да, да! Хорошо. У моей подруги.

– Для девочки это не так существенно, тем более, что эта девочка из обеспеченной семьи. И в армию её не заберут. Не поступит в этом году, поступит через год или через два, не важно. С голоду она тоже не умрёт – родители помогут.

– Ну, да.

– А двоюродный брат её, говорят, анашой торгует.

– Кто говорит?

– А вот, Ирина Валентиновна и говорит.

– Слушай, пап! Я знаю, откуда этот ветер дует, и Максима этого я тоже знаю. Не торгует он никакой анашой, у него для этого дела – кишка тонка. Разгильдяй он страшный – это да, но и только.

– Я же о тебе беспокоюсь, ты будь осторожен.

– Хорошо.

– А потом...

Отец поколебался немного, подбирая слова.

– Ну, что ещё?

– Ты знаешь, что она больна? И что её болезнь не лечится?

– Да, знаю! А что? – вскинулся Витька на Лилину защиту.

– Ничего. Просто нужно об этом знать. И помнить.

Витька так и не понял, что конкретно подразумевал отец, но уточнять не стал.

Хотя он честно удвоил академическое рвение после разговора с отцом, уроки они с Лилькой, как и прежде, продолжали прогуливать. Особенно удобными днями в третьей четверти были понедельник и четверг. «Лишние» предметы там шли чередой, не так, как в другие дни, например, в среду. В среду первый урок важный – алгебра, второй – физкультура, можно бы и пропустить, но третий – физика, уже не прогуляешь! А что можно успеть за один урок? Это, конечно, если ориентироваться по Витьке, Лиле-то всё равно, что прогуливать.

Самый любимым днём у них был четверг. Уходишь после четырёх уроков, и уже не возвращаешься. В понедельник – тоже неплохо: три урока сразу. Но с утра, вот что неудобно. Магазины работают с девяти, зайти погреться некуда, а на улице – зима. Хоть и южная зима, не сильно суровая, а всё же холодно. То снег, то слякоть, ноги мокрые всё время. Правда, потом они приспособились. Можно было сесть на автобус пятого или двадцать шестого маршрута – они самые длинные в городе – и кататься по кругу, пока не надоест. Даже примелькаться не успеешь, эти автобусы от конечной до конечной пилят часа два, а то и больше. Если в центре города в автобусе бывает тесно, то на конечной остановке всегда можно занять самое лучшее сиденье – в тылу водительской кабины. Там и печка рядом, и водителю трудно подсматривать – они как раз в «мёртвой зоне» зеркала заднего вида.

Если же они бродили по городу пешком, то шли через парк на Туркестанскую, потом вверх до улицы Космонавтов, потом до другого парка, немного назад и снова вниз, по улице Полторацкого. К Лиле домой во время уроков старались не заходить, у неё – двор-колодец, а дом небольшой, все подъезды выходят внутрь, друг против друга – обязательно кто-то из соседей встретится. Потом может поделиться информацией с Лилькиными родителями – а зачем им лишние тревоги? Лилька родителей не особенно боялась, но старалась не огорчать, особенно без веской на то причины.

Из тех же соображений они избегали оживлённых мест: слишком большая вероятность наткнуться на знакомых. Но всё равно, иногда случалось. Однажды попались химичке. Та стояла прямо за их сиденьем в автобусе, и им её не было видно. А когда автобус подъехал к школе, химичка наклонилась и ехидно спросила, переводя взгляд с одного лица на другое:

– Ну что, пойдём учиться, или дальше поедете?

– Дальше поедем, Эльвира Андреевна, – сказал Витька.

И поехали.

Химичка, надо отдать ей должное, никому ничего не сказала. Во всяком случае, ни Лилия, ни Витька никаких отголосков этой встречи не слышали.

А ещё, пока было холодно, они часто заходили погреться в аптеку со смешным названием «Айболит». С утра все магазины были ещё закрыты, а аптека уже работала. Грелись, покупали там гематоген и шли дальше.

Когда стало потеплее, география их прогулок снова сузилась, они почти перестали ездить в автобусах.

Парадоксально, но, несмотря на то, что Витька с Лилей проучились больше девяти лет в одном классе, они обнаружили, что плохо знали друг друга. Лилия, например, неожиданно для Витьки, оказалась, совсем неглупой девушкой. Почему «оказалась»? Да очень просто, потому что у Витьки, вероятнее всего, под влиянием отца-учителя, был уже сложившийся стереотип: если двоечник, значит – тупой. В начале их сближения он был заранее готов к снисходительному отношению к Лиле в этом смысле. И, как выяснилось, был неправ, во многом Лилька давала ему хорошую фору, правда, нельзя было сказать, что она разбиралась в тех предметах, где требовалась систематическая база, вроде, например, математики.

У Лильки, в свою очередь, тоже были заблуждения в отношении него – она почему-то априори считала Витьку холодным и надменным. Но, в конечном счёте, избавляться от этих заблуждений было даже приятно, ведь они уже приняли друг друга, даже с предполагаемыми недостатками.

Получилось, как в сказке про царевну-лягушку. Или про гадкого утёнка. Лилька так и сказала однажды, умилённо глядя ему в глаза:

– Ты мне даже «утёнком» нравился, а ты – вот какой у меня оказался!

– Дура ты, Лилька! Ну посмотри на меня внимательней – что хорошего?

Тем не менее, Витька от её слов страшно собой загордился. В тот же день, полный нахального куража и уверенности в себе, он четыре раза подряд обыграл Бобовского брата Сашку в шахматы, будучи у Боба в гостях – раньше такого никогда не случилось! Тот чуть не плакал, умоляя дать ему ещё один реванш, но Витька рассудительно не стал больше искушать судьбу, оправдываясь тем, что время позднее и пора идти домой, хотя, в глубине души знал, что главное – не это. Просто ему боязно было «под занавес» испортить такой прекрасный день – вдруг, да проиграет?

А вернувшись к себе, он даже в зеркало специально посмотрелся – может, правда, лебедь? Но нет, непохоже. Не Лановой! Что ни говори, а насчёт своей красоты Витька всё же не обольщался.

«Ну и пусть не Лановой, – подумал Витька, – главное, что обаятельный. Нет... Главное, что Лильке нравится».

Вот тогда-то он и решил подарить Лиле свою злополучную льстивую фотографию.

А «льстивую» – вот почему.

В начале учебного года учительнице рисования и черчения Эдите Сигизмундовне пришлось взять отпуск на целых три месяца из-за болезни мужа. На замещение она привела в школу молодого профессионального художника, Николая Валентиновича Новицкого, такого же потомка ссыльных поляков, как и сама Эдита. Симпатичный новый учитель оказался целиком лишённым педагогических устоев и комплексов – например, курил вместе со старшеклассниками за спортзалом во время большой перемены. Зато во время своего недолгого пребывания

в школе Новицкий вёл бесплатный кружок рисования и живописи, приглашая всех желающих без ограничений по возрасту и полу. Подружки-хохотушки Таня и Тоня, Витькины приятельницы и верные партнёрши по буриме во время всяких неинтенсивных уроков, вроде истории, немедленно записались в кружок импозантного Новицкого. А чтоб не было скучно, умело действуя уговорами и лестью, затащили туда для компании и Витьку с Бобом. Результат, правда, оказался неожиданным. Боб подружился с Новицким и серьёзно заинтересовался живописью, Таня и Тоня, разочарованные равнодушием художника к их чарам, вскоре покинули Новицкого, а что касается Витьки, то венцом его творческих усилий стал графический автопортрет.

В тот раз, возвращаясь вместе со своим другом после занятия кружка, Витька, как обычно, ненадолго зашёл к нему домой. Вовкино жилище располагалось почти по прямой линии на половине пути от школы – если, конечно, не ехать на автобусе, а идти пешком. Утром хочется спать, и трудно заставить себя выйти хотя бы на пятнадцать минут пораньше, поэтому Витька предпочитал общественный транспорт. Другое дело – после уроков. Вот уже больше трёх лет, если только не лил дождь, и не было срочных дел, он почти всегда возвращался из школы пешком по одному и тому же маршруту, делая вместе с Бобом небольшой крюк к его дому. Когда там никого, кроме бабки, ещё не было, они заходили внутрь, пили чай, болтали. Иногда играли в карты на топчане под навесом, пока не приходили с работы Вовкины родители. Потом Витька шёл домой.

Впрочем, бывало, что они и дальше шагали вместе. Бобовский папаша – не дурак выпить, а тётя Валя – его повоспитывать. Иногда в процесс воспитания вовлекалась бабка, всегда на папашинной стороне – всё же родной сын, а не невестка – и тут такое начиналось! Так что, если с приходом поддатого папаши на семейном горизонте появлялись грозные тучи, Боб норовил улизнуть из дома к Витьке, переждать там бурю, а домой вернуться только к ночи.

На этот раз им повезло: никого не было. Даже бабка куда-то ушла. Но только-только Боб поставил чайник и собрался сделать им по бутерброду с сыром, как заглянул Вовкин старший брат.

– Боб, Витька, идите к нам во времянку. Света только что борщ сварила. Пошли! А это что у вас такое?

– Это мы с живописного кружка идём. Картинки разные.

– Здорово! А давайте, мы их с собой возьмём, Светке покажем.

Светка, как всегда, всё раскритиковала.

– Боб, ну где ты видел, чтобы свет так падал?

– В Караганде! Новицкий сказал, что это моя лучшая работа.

– Ну, если уж это лучшая! Много он понимает, твой Новицкий!

– Побольше тебя. Его работы, если хочешь знать, недавно за границей выставлялись, в Польше.

– Так он сам поляк, вот и пролез туда.

– И вовсе не из-за этого! – обиделся за Новицкого Вовка.

Света переключилась на Витьку.

– А это у тебя что, автопортрет, что ли?

– Сама не видишь?

– Ну, есть отдалённое сходство. Но ты себе польстил!

Ой, как польстил!

– Что ты имеешь в виду?

– Имею в виду, что копия намного привлекательнее, чем оригинал.

– Да я с фотографии его делал! Один к одному! – возмутился Витька.

– Быть того не может!

– Ну, хочешь, я тебе прямо сейчас эту фотографию принесу, она у меня в портфеле лежит. Убедишься!

– Давай! Неси!

Витька сбегал в дом, принёс снимок, подал Свете. Света стала придирчиво переводить взгляд с фотографии на рисунок.

– Ну и как?

– Тебе и фотограф тоже польстил!

Не успел Витька открыть рот, чтобы как следует ответить этой ехидне, как вмешался Сашка:

– Ладно, бойцы, не спорьте вы с ней, лучше ешьте борщ, а то она вам весь аппетит испортит.

– Уже!

Но борщ всё-таки доели.

Вот эту-то фотографию Витька и подарил Лиле, да ещё и со стихотворным посвящением на обороте. Вроде и не склонен он к таким сентиментальным глупостям, но тут вдруг захотелось. Стихи были на зыбкой грани между признанием в любви и эротической фантазией, а может быть, и за гранью – так что Витька преподносил их Лиле с некоторыми сомнениями, не будучи уверенным в её реакции на свою вольность.

Но Лилька не нахмурилась, прочитав посвящение, наоборот – просияла. Значит, понравилось.

– Неужели сам написал?

– А ты прочти первые буквы строк. Это акростих.

– Наши имена... Здорово! Мне никогда никто стихов не писал. Какой же ты талантище, Витька! Молодец!

И наградила Витьку благодарным поцелуем.

X

Если честно, Витька, посвящая Лиле своё стихотворение, испытывал сомнения не только оттого, что боялся шокировать её откровенными признаниями. Просто уже прошли те простые времена, когда подразумевалось его превосходство перед ней во всех областях человеческой мысли. За время долгих прогулок они успели о многом поговорить, и Витька убедился в том, что Лиля не только интересный собеседник, но и опасный оппонент. Даже в отношении той же геометрии короткий Бобовский репетиторский опыт показал, что Лиля усваивает всё с лёгкостью. Просто ей не хватает системы, да и лень заниматься тем, что не интересно и что ей вряд ли когда-нибудь пригодится. Понятно, что Витька крепкий технарь, кто спорит? Ну и ладно! Вот и хватит им с лихвой его познаний на двоих! Зато в том, что касалось её собственных увлечений, вроде живописи, или литературы, или языков, или вообще, каких бы то ни было игр со словами – тут Витька иногда чувствовал себя невеждой. И ладно бы речь шла только о какой-нибудь живописи – здесь-то уж Витька ни на что, особенно, и не претендовал. Если честно, то его скромных познаний было недостаточно даже для того, чтобы оценить уровень Лилькиной искущённости.

Но уж в отношении книг-то! Витька – почти энциклопедист, его с толку не собьёшь. Ну, понятно, что их разно-

гласия касались не содержания, а толкования. И хотя обычным исходом их ожесточённых споров всё же было Лилено согласие с первоначальной Витькиной оценкой, случалось и так, что он терпел поражение. Под влиянием Лили Витька перечитал не любимого им до той поры Достоевского и изменил к нему своё отношение. Лиля научила его ценить верлибр. Благодаря ей Витька открыл для себя Ларошфуко и заинтересовался этимологией слов. Но, кроме того, у Лили был особенный дар ощущать и понимать оттенки чувств – касалось ли это литературных персонажей или же вполне реальных случаев с участием вполне реальных людей. Однажды они долго спорили об Андреевском «Иуде Искарите», и Витька в конце концов вынужден был признать, что Лилина версия психологии героев куда вернее и его собственной, и той, что им втюхивала на уроках литераторша. Ну, с последней-то, предположим, всё заранее было ясно: там всё жёстко, с позиций соцреализма и пролетарского сознания.

В силу своего дара Лиля двумя-тремя штрихами могла очень точно описать кого-нибудь из их общих знакомых, и Витька вдруг обнаруживал, что, может быть, самое важное и теперь вполне очевидное для него качество этого человека оставалось им до сей поры незамеченным.

Однажды у них зашёл разговор о Тане и Тоне – и Витька был удивлён тем, что сказала Лиля.

Подружки-хохотушки Таня и Тоня – девочки из самого что ни на есть рафинированного элитного круга. Обе – профессорские дочки, обе – если не красавицы, то очень ладненькие, умненькие, ироничные, казалось бы, обречённые на жизненный успех. Лиля, однако, дала им неожиданно жёсткую оценку.

– Могли бы считаться даже неплохими девками, если бы не выпендривались друг перед другом и не воображали себя небожительницами. Вот посмотришь – вряд ли у них будут хорошо складываться отношения с мужчинами, когда они подрастут и начнут искать спутников жизни. Им, с одной стороны, позарез нужно, чтобы их избранник был достоин восхищения, а с другой – чтобы он перед ними пресмыкался. Но так не бывает... Ну, разве что для тебя они сделают исключение, – Лиля насмешливо посмотрела на Витьку. – Вот тебя они не будут унижать. Но тогда тебе нужно будет жениться на них обеих, в против-

ном случае той, которую ты не возьмёшь замуж, придётся покончить жизнь самоубийством.

Витьке в тот момент такая характеристика показала-лась преувеличенно резкой, но впоследствии он убедился, что Лиля была права – тогда, когда ему стали известны дальнейшие судьбы Тани и Тони. Прошло несколько лет, прежде чем он смог оценить не только точность, но и зрелость некоторых Лилиных суждений – не ожидание ли скорой смерти заставило её повзрослеть раньше времени?

Впрочем, их, в целом, взаимоуважительное отношение друг к другу и даже признание Лилиного верховенства в некоторых вопросах не сделало полемику между ними менее ожесточённой. Они по-прежнему охотно вступали в словесные поединки – словно отвлечённые вопросы интеллектуального творчества и выражения чувств имели самодовлеющее значение, будучи выше житейского прагматизма и реалий сегодняшнего дня. Но это и понятно – ведь и Лиля, и Витька были в ту пору ещё совсем молоды, они только начинали открывать для себя особенности собственного мироощущения. Почти все, взрослея, проходят через фазу духовного самоосмысления – это тех, кто позже вновь возвращается к ней, относительно немного. Тех, кто, подводя итоги, начинает понимать, что, в сущности, мало что в жизни имеет значение, помимо творчества и чувств.

Неожиданно для Витьки, у него на почве музыки сложились почти приятельские отношения с Лилькиным отцом. Ещё в период занятий геометрией, когда впервые обнаружили масштабы музыкального хранилища Лилькиного папаши, Витька попросил разрешения притащить в её квартиру свой магнитофон – грех было не воспользоваться таким богатством. Выяснилось, что у «папы Серёжи», как называла его Лилька, один из бывших друзей-однагруппников работал по контракту в Ливии, и Лилькин отец этим обстоятельством беззастенчиво пользовался. В его коллекции было множество исполнителей, Витьке вовсе неизвестных, или известных только по одной-двум вещам. Но были и его любимые «Пинк Флойд» и «Манфред Манн», и «Цепелин», и ещё много всякого. Уже после Лилиного обморока и последующего знакомства с родителями, отец несколько раз спрашивал у Лильки, что там такое записывает себе её друг и даже давал дельные советы. Узнал, например, что Витьке нра-

вится «Флойд», и – не напрямую, а через Лильку – почти навязал Витьке «Взмах хвоста» «Генезиса». И Витьке, действительно, понравилось! Мало того, именно эта мелодия, тревожно-печальная, стала впоследствии как бы звуковым символом всего того периода. Витька всегда непривольно вспоминал её, думая о Лиле. Несколько раз, когда Витька по вечерам сталкивался с Лилькиным отцом у неё дома, они вели разговоры насчёт достоинств разных музыкальных стилей, и тут оказалось, что и Лилькин папаша, при всей широте своего кругозора, тоже не всё знает. Витька притащил ему Хаммила и «Генератор Ван дер Граафа» и был очень польщён, когда «папа Серёжа» сказал, что это – его самое большое музыкальное открытие за последние два года».

Поток записей, естественно, не заканчивался на Витьке, а лился дальше, разбиваясь на реки, речушки и ручейки, оседая у Боба, Игната и Панайота. Даже для Наташки-Змеи нашлась своя ниша – «Смоуки», а для Тани и Тони – новый альбом «Аббы».

Но вот сама Лилька, как ни странно, была не то, чтобы безразлична к музыке, но относилась к ней спокойно, без восторгов. И ещё говорила, нарочно коверкая язык, что родители «в детстве мучили её фортепьяной».

Тем более был тронут Витька, когда она неожиданно вручила ему подарочный комплект всего «Генезиса».

– Ух ты! От «папы Серёжи»?

– Нет. От меня. Папа вчера получил. А я ему сказала, что он его больше не увидит.

– И что?

– Да ничего. Больше не увидит.

– Лилька, ты просто клад!

– Кто бы сомневался?

XI

Понятно, что в период первого привыкания друг к другу, Лиле и Витьке никто не был нужен – и Боб, наконец, получил от Витьки запоздалые инструкции по этому поводу.

Но однажды в конце марта Лиля спросила:

– А почему Володя нас совсем забросил? Давай позовём его в четверг.

Витьку тогда ошло это «нас», и ещё то, что Лилька предложила ему позвать Вовку – могла бы ведь и сама это

сделать, они каждый день видятся. То есть, само собой, каждый день, если Лилка приходит в школу.

– Давай позовём.

Так снова, как когда-то в эпоху Бобовского «репетиторства» возникли регулярные «четверги». Витька с Лилей, сбежав из школы после четвёртого урока, не спеша, шли к Лиле домой. До прихода Боба, честно отсиживавшего все занятия до упора, у них оставалось больше часа, и это время они проводили с максимальной пользой – то есть, не выпуская друг друга из объятий.

Когда появлялся Боб, то, как прежде, ставился чайник, доставался рижский бальзам – только теперь Витька отчасти играл роль хозяина. Заваривал чай, делал бутерброды. Снова начала приходиться Женя – у них с Бобом тоже, вроде бы, возникла взаимная симпатия. Несколько раз Боб притаскивал с собой Игната. У Витьки эти чаепития вызывали очень странное чувство: с одной стороны – ощущение почти семейного уюта, с другой – какой-то нереальности происходящего, даже отрешённости. Как будто бы он раздваивался, и, в то время как одна его часть принимала участие в действии, другая отстранённо наблюдала действие со стороны.

Дважды за этот период Лиля приходила домой к Витьке, причём в первый раз сама проявила инициативу – заявила Витьке, что «хочет посмотреть, как он живёт». Честно говоря, у Витьки были серьёзные сомнения – всё-таки его дом выглядел хижиной на фоне дворца Лилькиной квартиры. Не то чтобы он чего-то стыдился, но ему казалось, что Лиле будет неудобно и неуютно. А вдруг ей понадобится сходить в туалет? У них даже туалета в доме нет – вместо этого во дворе дощатая уборная. После нескольких уклончивых обещаний он ей так и сказал. Но Лиля только отмахнулась:

– Какой же ты ещё маленький, Витька!

– Ничего я не маленький! – обиделся Витька.

– Ещё какой маленький! Я старше тебя больше, чем на год. Мне в мае восемнадцать! Ты знаешь, что меня родители в школу с восьми лет отдали? Я же слабая была, болела всё время. И это только по возрасту! А по развитию – между нами вообще, пропасть! Не бойся, всё будет хорошо!

И действительно, Лиле у него понравилось. Особенно мансарда.

– Витька, какой же ты дурачок, что не живёшь в мансарде. Так здорово! Если б это был мой дом, я бы только в мансарде жила.

Второй раз они зашли к Витьке, когда, прячась от дождя, неожиданно заехали в эту сторону города на случайном автобусе. Оказались неподалёку от старого хлебозавода, а там до Витькиного дома – рукой подать. Но получилось неудачно. Не успели снять куртки, как услышали из-за ворот голос отца, разговаривающего с соседом.

– Чёрт, Витька! Мы же с уроков сбежали! Достанется тебе?

– Нет, не достанется. Мы сейчас быстренько через другую калитку выйдем.

И проскочили, не засветились.

Отец, правда, всё-таки заподозрил неладное. Вечером спросил Витьку:

– Ты что, днём дома был?

– Нет.

– Странно. Я пришёл, а пол в прихожей – мокрый. А бабушка, вон – говорит, что она в это время на улицу не выходила.

Витька ответил, глядя в упор на стоящую тут же бабушку:

– Да она просто забыла, наверное.

Бабушка закивала:

– Правда, правда, я ж в аптеку ходила. Забыла совсем!

На следующий день Витька пересказал этот эпизод Лильке.

– У тебя отец – прямо Шерлок Холмс какой-то.

– Ага, с доктором Ватсоном в придачу.

– Зато бабушка – клад! Не выдала!

Тогда они ещё не знали того, что в апреле Лиля опять попадёт в больницу с серьёзнейшим приступом болезни, ну а пока что – всё было хорошо. Витьку, правда, немного огорчало, что их интимные отношения не особенно прогрессировали. Вернее, сначала они развивались даже очень бурно, но потом всё как-то остановилось. В первую, после Лилькиного обморока, неделю Витька приходил к Лиле каждый день. И то – еле-еле терпел, пока наступит завтра. Когда приходил, то от Лильки почти не отрывался, но всё было точно так же, как и в первый раз.

А тут он как-то зашёл к Лильке домой с холода, весь продрогший. В квартире – тепло, Лиля шастает в тонень-

кой белой футболке, сквозь неё просвечивает грудь с точечками сосков. Витьке ужасно захотелось под её футболку залезть руками. Он и залез, когда Лиля вешала его куртку. Лиля резко рванулась в сторону, даже ткнула Витьку локтем под рёбра. Витька очень огорчился таким отпором.

– Тебе неприятно, Лиль?

– Руки – ужас, какие холодные!

– Прямо как в частушке.

– В какой частушке?

– А вот в какой:

Не хватай меня за грудь,

Твоя рука холодная!

Ах ты ж, мать твою етить,

Какая благородная!

– Дурак ты, Витька!

Витька подошёл к батарее, погрел об неё руки, потом вернулся к Лиле, обнял её крепко-крепко, покрыл поцелуями приподнятое к нему лицо, а уж потом полез под футболку.

– Ну вот, Витька, теперь совсем другое дело.

Так был пройден ещё один рубеж.

А через несколько дней случилось так, что Витька позвонил в дверь, когда Лиля переодевалась. Они собирались идти в кино. Дверь долго не открывалась, видимо, Лиля была сначала совсем раздета, потом проверяла через глазок, кто пришёл. Наконец, открыла – в одном только едва-едва запахнутом халатике, накинутом на голое тело. В связи с этим обстоятельством сборы затянулись на долго, в кино они в тот день так и не попали, зато Витька исследовал все внешние уголки Лилькиного тела.

Но и только.

Впрочем, Витька вскоре после того случая, однажды попытался перевести их отношения во взрослое русло, но не тут-то было! Они валялись с Лилькой у неё дома на кровати; её одежда к описываемому моменту была, если говорить языком старинных книг, «в живописном беспорядке». В смысле, сверху осталась маечка на бретельках, а ниже пояса – вообще ничего. Витька понемногу дурел, Лиля тоже завелась. Когда напряжение и вздыбленность стали почти невыносимыми, Витька вскочил. Сбросив с себя всю одежду, вернулся назад, обнял Лилю. Но Лиля, быстро изогнувшись, из Витькиных объятий вырвалась, спросила возмущённо – почему-то, шёпотом:

- И что дальше?
- Дальше? Дальше – всё!
- Ты так решил? А ты...

Небольшая пауза была вызвана тем, что Витька попытался залепить Лилькин рот поцелуем. Но нет, Лилька теперь была настроена на решительный разговор, а не на поцелуи.

- А ты меня спросил?
- Но я же так этого хочу...

Витька ещё не решался называть вещи своими именами.

- А я – не хочу! Вернее, нет. Неправильно. Я тоже хочу, особенно когда ты меня так целуешь. Но я к этому пока не готова! Чувствуешь разницу?

- Не чувствую!
- Так прочувствуй, Витька! Я же тоже ещё маленькая! Я – девушка, я даже не целовалась так ни с кем до тебя... Я тоже этого хочу, и именно с тобой. Но мне нужно решиться. Понимаешь?

- Витька, отвернувшись, молчал. Надулся.
- Ну, вот я тебе всё и сказала. Ты услышал?

Витька не отвечал.

- Ты услышал?

- Да.
- Ты уверен?
- Да!!!

- А теперь – можешь делать со мной, что хочешь, я даже сопротивляться не стану.

Витька немного оттаял.

- Что хочу – не могу, – сказал с обидой, но уже чуть нарочитой.

- Почему?
- Потому что не хочу тебя потерять.

Лилька придвинулась к Витьке, обвила его руками, поцеловала в шею под ухом.

- Вот видишь, Витька, какой ты умный! Не зря я тебя выбрала, догадалась, что ты такой!

- Это я тебя, дуру, выбрал!
- Нет, я! Сам дурак!

Чуть позже, уже на кухне, Лилька ставила чайник, а Витька сидел на стуле, прислушиваясь к болезненным явлениям в своём организме.

- Чего такой кислый? Обиделся?

– Нет, просто, знаешь, ощущения такие неприятные бывают. Когда перевозбудишься.

– Бедненький!... Витька, я тебе сама скажу, когда будет можно, ладно? Мне просто нужно к этой мысли привыкнуть. Понимаешь, я вообще о себе так думала, что никогда... Что я не должна. Нет, ты этого не поймёшь, потому что ты не болеешь... Ну, просто поверь мне – и всё!

Лилькин голос задрожал, глаза наполнились слезами.

Витька моментально забыл о своих ощущениях. Ему вдруг стало пронзительно жалко Лилю. Причём, не только Лилю, каким-то образом эта жалость простиралась далеко за пределы сиюминутной ситуации. Жалко было Лилькиных родителей, жалко было себя, своих родителей, которых так пугает его влюблённость, жалко бабушку, которая так сильно одряхла за последний год. Очертив круг, жалость снова сконцентрировалась на Лиле.

Витька схватил Лилю, сжал в объятиях, поцеловал в мокрые глаза.

– Бедная Лилька!

Лилька, смахнув слёзы, наконец, вернулась к мелочам текущего дня.

– А тебя мы теперь будем беречь! Как увижу, что у тебя глаза оловянеют, сразу – стоп!

– Чего глаза делают? – не понял Витька.

– Оловянеют!

И действительно, стала после этого дня сдержанней в проявлении чувств. Но не сильно.

– Ну что, тебе всё ещё плохо?

– Немного.

– Бедный Витька! Мучает тебя глупая Лилька! Слушай, давай напьемся сегодня. Что-то мне хочется выпить. Папе из винодельческого совхоза классный токай прислали. Из Капланбека.

Вино и в самом деле оказалось вкусным, так что Витька пришёл домой хотя и не «на рогах», конечно, но всё же заметно навеселе. Дверь открыла мама.

– И откуда это ты идёшь, интересно, такой хорррошенький? От подружки своей драгоценной?

Ещё на подходах к дому Витька решил, что скажет родителям, будто ходил к Игнату на день рождения. Они наверняка поинтересуются – что ж за праздник такой? А у Игната – как раз день рождения на этой неделе. Правда, друзей он к себе зовёт только в субботу, но это уж – поди проверь!

А после маминой реплики вдруг разозлился.

– Да, именно от подружки! И что?

– Да так, ничего.

– Скажи ещё: «Вот какая она безнравственная!», раз мы вино пили.

Витька понимает, что родители просто любят его, и, по-своему, стараются оградить от беды – им же всё известно о Лилиной болезни. Переживают, продумывают все варианты на сто лет вперёд.

Кто знает? Может быть, он бы точно так же реагировал, если бы речь шла о его сыне. Витька своих родителей любит, конечно, и прощает им их навязчивую защиту. Но всё равно ему было неприятно.

Зато Лилька после того дня почти перестала его стесняться.

С тех пор много раз бывало, что Лиля переодевалась при Витьке. Разрешала ему находиться в ванной комнате, пока мылась под душем. Просила подать ей полотенце, не противилась, когда Витька её обтирал.

Однажды Витька провожал её до дому после школьного вечера, и примерно на полдороге Лиля сказала:

– Всё! Больше не могу! В школе не хотела в туалет идти, там сегодня грязно ужасно. А домой, похоже, не дойду, очень писать хочется.

– Мне тоже.

– Ну, давай, вот сюда в скверик отойдём – и попишем на брудершафт.

Как-то в самом начала апреля, они шли по тротуару и бодались бёдрами – просто так! – резвились от избытка энергии, любви и весеннего настроения. Было необычно тепло, солнышко грело вовсю. Цвели вишни и сирень. Лиля была в лёгкой кофточке, короткой юбке, и без колготок. Как раз поравнялись с остановкой, когда Лиля в очередной раз подловила и боднула Витьку – очень ловко, но как оказалось, не очень удачно. Из-под Лилькиной юбочки на тротуар выпала подкладка со следами крови. Витька немного оторопел. А Лилька сразу же загнала пинком подкладку в арык, под неодобрительные взгляды двух пожилых казашек на остановке, и, делая страшные глаза и хихикая, сказала Витьке:

– Витька! Пошли скорее домой, пока я не протекла!

В какой-то момент Витька даже решил, что это, быть может, вовсе и не знак Лилькиного доверия лично к нему, а просто следствие того, что ей пришлось провести столько времени в больницах. Поневоле утратишь застенчивость и перестанешь обращать внимание на присутствие других людей, когда ты целыми сутками ни на минуту не можешь остаться наедине, когда до твоего тела так часто дотрагиваются чужие руки – пусть даже это руки врачей и медсестёр, тем не менее... Но вскоре ему предоставился случай убедиться в том, что он заблуждается. И, между прочим, произошло это именно в больнице, куда Лилию снова положили из-за обострения болезни.

Витька тогда зашёл в палату к Лиле и обнаружил, что у её кровати уже сидит их одноклассник Мишка Дубинин. Навещает. Что-то рассказывает, смеясь, а Лиля лежит такая бледная, аж с прозеленью... Больше в палате никого нет. Витька озабоченно поздоровался, сел на стул, взял её за руку:

– Ты чего? У тебя всё в порядке?

– Да-да, всё нормально.

– А по твоему виду – не скажешь.

Мишка посидел ещё минут десять, поболтал. Потом распрощался. Не успел закрыть дверь, Лилька заорала:

– Витька, давай скорей утку! Думала, не выдержу. Наконец-то он ушёл!

Теперь к Лильке, вроде, и румянец вернулся.

– А чего терпела-то?

– Да он давным-давно уходить собирался. Но сидит и сидит, сидит и сидит! Выгнать его – вроде невежливо. А при нём – не смогла бы.

«Вот как? – удивился про себя Витька. – А я-то думал!»

XII

На весенних каникулах Лиля позвала его к себе на дачу. Дача у Дьяковых была в ущелье Машат.

Перо не в силах описать того, что представляют собой предгорья Южного Казахстана весной – тут даже Гоголя будет мало. И всё же, вслед за классиком, спросим: знаете ли вы Чимкентскую весну?

О нет, вы не знаете Чимкентской весны! Что вы можете знать, не увидев ни разу этого взрыва проснувшейся природы? Этих зелёных холмов и снежных вершин вдалеке. Волнующихся под порывами весеннего ветра травы с щедрыми россыпями тюльпанов, которыми так богата почва родины этих чудесных цветов. А вдалеке – доходящие прямо до самого горизонта и сливающиеся с голубизной неба – совершенно красные от цветущих маков поля. А воздух!..

Много позже, уже будучи взрослым, прилетая из других стран и городов и выходя из самолёта, Витька всегда ощущал магическую сладость этого воздуха.

Впрочем, осознавая своё человеческое бессилие, мы завершаем это несовершенное и немного эгегическое описание. Тот, кто хочет понять – пусть приезжает, чтобы увидеть всё своими глазами.

Лилино предложение было заманчивым, но у Витьки были и некоторые сомнения по этому поводу. Ехать предстояло вместе с родителями. А Витька хорошо помнил, как в одно из сентябрьских воскресений этого учебного года он сходил в гости к Тоне.

Тоня тогда пригласила его как бы невзначай, небрежным тоном. Мол, отец в командировке, мама уезжает к подруге – та живёт в Белых Водах. А раз уж приходится ехать так неблизко, то не ехать же на полчаса! Наверняка, вернётся домой только поздно вечером. Чай – кофе – сухое вино – никто не мешает – всё так здорово! Почему бы не устроить послезавтра днём небольшую вечеринку?

Но Витьку на мякине не проведёшь – небрежным тоном! Первым делом он спросил:

– Тоня тоже будет?

Потому что Тоня без Тани – это уж, извините, «нонсенс какой-то», как говорит их завуч по прозвищу «Пурза», дюже интеллигентная женщина – хоть сейчас в Академию Наук. Тоня без Тани, и наоборот – это даже не иголочка без ниточки, это велосипед без колёс.

– Тоня?

Ага, Тоня пытается выиграть время, не продумала заранее достойную версию. Ну давай, Тонька, напрягись!

– А у Тани сейчас двоюродная сестра в гостях, из Ленинграда. Вряд ли она сможет прийти.

Молодец, Тоня, не разочаровала! Таню она, конечно, и не думала к себе звать, но всё дипломатично. Если Тане вдрут и не понравятся Тонькины столь явные сепаратные

маневры, придаться не к чему – у неё, действительно, сейчас гостит сестра, Таня из-за этого даже с уроков отпросилась на пятницу.

Ну что ж, Витька – мужчина свободный, а вечер – то есть, день – обещает быть томным. Отчего бы и не сходить?

– Спасибо, Тонь. Приду.

Но получилось всё не так.

А начиналось хорошо. Витька приехал рано, минут даже за десять до назначенного времени. Тоня открыла дверь вся умытая, свежая, благоухающая, в хорошеньком брючном костюмчике – а кому в их десятом «А» неизвестно, что ни на ком брюки не сидят так красиво, как на Тоне? И это чистая правда!

Поблагодарила за принесённый Витькой букетик цветов, обняла за шею, поцеловала в щеку – серьёзная заявка на порог! Но, не успела Тоня принести в гостиную красивые запотевшие стаканы с сахарным ободком по краешку, где плескался джин-тоник, как ввалилась Тонькина мама Надежда Сергеевна – так она представилась.

Возвращение Надежды Сергеевны объяснилось очень просто. Служебная машина мужа, на которой её должны были увезти в Белые Воды, сломалась сразу за городской чертой. Можно было бы, конечно, проголосовать на дороге и поехать на попутке. Или на рейсовом автобусе – они ходят в Белые Воды каждые полчаса. Но такой подвиг был Надежде Сергеевне не под силу. Пришлось возвращаться домой на такси. В общем, вместо приятного времяпрепровождения – непредвиденные расходы и испорченное настроение.

Витька – да и Тоня, похоже, тоже – надеялся, что Надежда Сергеевна, раз уж вернулась нежданно-негаданно, так, по крайней мере, займётся своими домашними делами и оставит их в покое. Или уйдёт куда-нибудь. Но нет. Тонина мама удобно расположилась в кресле, попросила Тоню принести «бокал красного вина», потом другой – и понеслось! Вот когда Витька – да и Тоня, наверное, тоже – запоздало пожалел, что Таня не удостоилась приглашения!

Начала Надежда Сергеевна с вольного пересказа «Алых парусов», причём её прозрачные аллюзии не оставляли ни малейшего места сомнениям. Витька – капитан Грей, а Тоня – Ассоль, и какое счастье, что они нашли друг друга так скоро и так близко, а ведь многие люди всю

жизнь мечутся, как безумные слепцы, в поисках своей половинки. И не находят, несчастные!

Во время пересказа Тонино лицо неоднократно меняло цвет и выражение. То краснело от стыда, то бледнело от гнева, то зеленело от испуга. Но худшее было ещё впереди. После второго бокала Тонина мать стала рассказывать, причём, с мельчайшими подробностями, о том, что они с мужем «уже сейчас задумываются о том, где и как будет жить Тонечка, когда свяжет свою судьбу с достойным человеком».

Витьке было довольно противно слушать, как беззастенчиво сватают Тонию, но ему, в отличие от неё, хотя бы не приходилось стыдиться за Надежду Сергеевну, поэтому он был в состоянии видеть и комическую сторону этого происшествия. Комизм – и одновременно, ещё одна причина для Тони сгорать со стыда – состоял в том, что, судя по вполне информированным и хронологически верным репликам Надежды Сергеевны, Витьку здесь хорошо знали, хотя и заочно. А из этого можно было сделать вывод, что он регулярно фигурирует как предмет обсуждения у обитателей этой квартиры. Ещё одна комическая деталь этого монолога – увы, никем из присутствующих не оценённая – состояла в том, что Тонина мать обращалась со своей матримониальной речью к шестнадцатилетним мальчишке и девчонке.

На Тонию было жалко смотреть. Сейчас она совсем не похожа была на ту красавицу и насмешницу, законодательницу хорошего вкуса, которую Витька привык видеть в школе.

Выдержав минимальную паузу вежливости, которая, к несчастью, затянулась надолго из-за неутомимости Надежды Сергеевны, Витька сослался на занятость и откланялся. Но не успел дойти даже до угла соседнего дома, как услышал за спиной торопливый стук Тониных каблучков.

– Витя! Подожди, я с тобой!

Витька обернулся.

– Ты со мной? А я куда?

Тоня подошла ближе, по её лицу Витька увидел, что она вот-вот расплачется. Растерянно сказала:

– Не знаю...

Витьке стало жаль Тонию. Может, сходить с ней, в самом деле, в какое-нибудь кафе, раз уж многообещающий день так бездарно испорчен?

– А пошли, Тонька, в «Жастар» – мороженое есть.

– Пойдём...

Но продолжала стоять.

– Витя!

– Ну что, Тонь?

– Ты больше никогда ко мне не придёшь?

– С чего ты взяла? Не выдумывай! И вообще! – Витька решил отвлечь Тоню от болезненной темы. – Ты, Тонька, настоящая, до мозга костей, женщина!

– Почему?

– Потому что у тебя слова такие. «Никогда», «всегда». Приду, конечно! Ну, хочешь, мы к тебе в следующее воскресенье вместе с Таней придём? – Если ты нас позовёшь, конечно.

– Хочу.

Минуты две шли молча. Потом Тоня забежала вперёд, взяла его за руку, тревожно заглянула в глаза.

– Витя!

Витька и без слов догадался, о чём Тоня хотела его попросить.

– Я не буду сегодняшней день ни с кем обсуждать.

– И ещё...

– И Тане – ни слова!

– Спасибо, Вить!

А конец дня прошёл даже и неплохо.

С Тоней они, пожалуй, даже чуть больше сблизились после этого воскресенья. То ли на почве общего секрета, то ли оттого, что её образ несколько полинял, но в то же время и потеплел. Почему-то это же ощущение распространилось и на Таню. А может быть, Витька просто чуть повзрослел и научился видеть за фасадом насмешливого тандема Тани и Тони ранимых идеалисток, не очень-то готовых к встрече со взрослым миром.

Как бы то ни было, но знакомством с Тониной мамой Витька в своё время ничуть не вдохновился, и опять попадать в центр внимания в роли потенциального «достойного человека» ему не хотелось. Конечно, он уже встречался несколько раз с Лилиными родителями, и пока что ничего подобного не произошло. Но одно дело прийти в гости – у Лильки бывали, кроме Витьки и Боб, и Игнат, и Таня с Тоней, и неуклюже пытающийся за ней ухаживать Мишка Дубинин. И совсем другое – быть приглашённым в семейную, по сути, поездку. В каком качестве? Направлялся такой вопрос...

Всё же Витька согласился.

Забегая вперёд, сразу скажем, что Витькины опасения совершенно не оправдались. Насчёт «папы Серёжи» и так не было особых сомнений, а вот в Лидии Васильевне он не был настолько уверен. Но оба Лилькиных родители проявили чудеса деликатности. На Витьку и Лилю никто не обращал назойливого внимания, никто не диктовал им распорядка дня, не давал советов. Они бродили по окрестностям, пытались, без особого успеха, ловить рыбу на удочки, играли в настольный теннис. Как сразу же объявил «папа Серёжа», только два события шли жёстко по часам: обед – потому что, в отличие от завтрака и ужина, готовилась горячая еда, и вечернее мытье – потому что древний эмалированный титан зелёного цвета, выглядевший так, как будто он попал на эту дачу из какого-нибудь дома, предназначенного на слом, нужно было топить дровами. И делать это приходилось ближе к ночи, чтобы и утром можно было умыться чуть тёплой водой.

Вообще, дача была довольно большой и уютной, но без всяких претензий на роскошь, скорее, наоборот. Чувствовалось, что попавшие сюда вещи уже отслужили свой городской стаж и приехали доживать век в деревне.

Самыми приятными были послеобеденные часы. Лилькины родители уходили на прогулку, а Лиля с Витькой были предоставлены сами себе. Часов в пять, когда уже свежело, разводили большой латунный самовар, ровесник титана. Дожидались родителей, вместе пили чай.

Ночью Витьке было волнительно думать, что за тоненькой перегородкой спит Лиля, казалось, он даже слышит её лёгкое дыхание.

На третий день утром, перед самым отъездом, Лиля украдкой прижалась к Витьке и сказала:

– Витька, я так хочу когда-нибудь сюда с тобой вдвоём приехать. Мы ведь сюда ещё приедем, правда?

– Обязательно!

XIII

Впрочем, назвать отношения между Витькой и Лилей совсем безоблачными, было бы большим преувеличением. И тучки набегали, и штормило иногда.

Во-первых, это было связано с некоторыми Лилькиными знакомыми из предыдущего периода, ещё до благо-

творного действия геометрии и «приличной компании», как выразилась Лилькина мать. И ещё – с общей «всеядностью», как определял это Лилино качество для себя Витька.

Как-то Лиля с Витькой пришли в кинотеатр «Мир», посмотреть «Афоню». Вдруг в фойе к ним приблизился верзила самого бандитского вида, Витьке едва кивнул, а Лильку обнял за плечи и в сторону отвёл. Пошептался о чём-то, передал ей небольшой свёрток и снова к своей компании присоединился – из таких же красавцев.

Когда Лиля вернулась, Витька довольно грубо спросил:

– Что за рожа уголовная?

– Это Аслан. Он поливальщик.

– Какой ещё «поливальщик»?

– Ну, поливальщик. Теневик. Ты не знаешь? Мирзачульские дыни на Дальний Север возит.

– И что у тебя общего с бандитом этим?

– Это Кольки друг, соседа моего, из второго подъезда. Мы в прошлом году с Асланом познакомились, когда меня Колька клеил.

– Час от часу не легче. Тебя оказывается, ещё и Колька клеил. Такое же, небось, быдло!

– Ну не клеил же! Ты думаешь, твоя Лилька дура?

– Умная! Ума палата, прям!

– Да ты не бойся, Витька. Ты же за меня испугался, правда? Нет, ты не то подумал. У Аслана – вообще, две жены.

– Как это, две жены?

– Ну, не официально, конечно. Одна законная, а вторая – так. Два дома. Две жены. От обеих дети. Так что ему не до глупостей. А потом, я ведь в опасные ситуации не лезу. Палата не палата, но я же не слепая. Я же понимаю, какого сорта эти люди!

– А зачем ты тогда с ними общаешься?

– Ну, во-первых, не так уж я и общаюсь. А во-вторых – вот ты читал «Капитанскую дочку»?

– Не задавай глупых вопросов. И причём здесь «Капитанская дочка»?

– Ну вот. Помнишь, там такой образ негодяя есть? Швабрин. Помнишь?

– Ну, помню.

– Но тебе же всё равно интересно про него читать. Хоть и негодяй. Вот и мне инте...

– Совсем дура, Лилька? То роман, а то – реальность. Обнимается грязными лапами! Тебе не противно?

Лиля посмотрела на Витьку сострадательно.

– Ты преувеличиваешь. Но я учту.

Витька оттаял немного.

– Учти. А потом – он вот свёрток тебе передал какой-то. Почему?

– Это для Кольки. Я же всё равно домой иду. Я даже заходить к нему не буду, – торопливо добавила Лиля. – Брошу в почтовый ящик, и все дела!

– А в говно вляпаться не боишься? Откуда ты знаешь, что там? Может, там «дурь»?

– Да нет там никакой «дури», Витька. Там деньги, да и то немного. Мне Аслан сказал. Так что не вляпаюсь. А ещё, Витька, «кто сам чист, тому всё чисто» – так апостол Павел говаривал.

– Богословка ты моя! Лучше пророка Давида почитай. «Со избранным избран будешь, а со строптивым развратишься.»

– Чего-чего?

– Ничего. Псалом семнадцать, стих двадцать семь, страница сто сорок пять.

Лилька округлила глаза:

– Неужели ты даже страницу помнишь?

– Не помню, конечно. Просто так сказал, чтоб тебя впечатлить. Впечатлил?

– Ещё как!

В конце марта Лилькины родители «объявили амнистию» опальному Максиму, и тот опять зачастил к ней вместе со своими приятелями. Витьке это ужасно не нравилось. Ладно бы – пришли и ушли. А то два раза после этих Максимушкиных визитов Витька находил Лиллю пьяной «в хлам». В первый раз было особенно неприятно, потому что сразу же после Витьки пришли Лилины родители. Никакого Максимушки со товарищи в квартире уже не было. Был он – Витька. И неудивительно поэтому, что Лидия Васильевна связала Лилькино состояние с его посещением. Оправдываться было бы противно, поэтому, когда Витьке намекнули, что в его услугах на сегодня больше не нуждаются, он резко повернулся и ушёл. Правда, Лилька, протрезвев и услышав на следующий день в пересказе мамы

о вчерашних событиях, недоразумение устранила. Лидия Васильевна даже просила у Витьки прощения. Но, прощение прощением, а настроение было безнадежно испорчено. Да и цена прощения бывает разной. Бывает, что один человек попросит у другого «прощения», а потом до конца дней не может это «прощение» ему простить. В общем, неприятно.

В первый день четвёртой четверти Витька едва успел в школу зайти – смотрит, впереди, возле кабинета математики, идёт Лилька, а сзади её Олежик догоняет. Догнал, за талию приобнял, сказал что-то приветственное и дальше проследовал. Витьку тогда чуть не стошнило – он Лильке честно сказал.

– Витька, дурачок, ну что ты ревнуешь? Если бы я хотела, или хотя бы имела право ревновать, я бы тоже могла. Думаешь, я не видела, как тебя Таня с Тоней на прошлом школьном вечере облизывали, перед восьмым марта? Ну ладно, оставим меня, я здесь временно. Но у тебя – честно! – нет ни малейшего повода для ревности.

– Да не ревную я! – возмутился Витька. – Если б это Игнат был, или Боб, или Кайрат, или даже твой Мишка Дубинин! Я с ним не дружу, но он хоть человек нормальный. Мне не то неприятно, что до тебя кто-то дотронулся, мне неприятно, что ты этому подонку позволяешь себя лапать!

Лилька тоже разозлилась.

Сказала, чётко выговаривая слова:

– Никто меня не лапал! Это раз! Подумаешь, за талию взял! Никому я не позволяла себя лапать, он сзади подошёл. И разрешения не спрашивал. Это два! А ты себя ведёшь так, как будто я твоя собственность. Это три!

Витька понял, что переборщил, попробовал перевести всё в шутку:

– А ты и есть моя собственность!

Лилька посмотрела на него немного оторопело – как могла бы посмотреть на плюшевого медведя, который у неё в комнате на стуле сидит, если бы тот вдруг заговорил.

Посерьёзнев, сказала:

– Хорошо. Пусть так. Я – твоя собственность. Я даже не против. Но кто тебе меня отдал в собственность?

– Ты и отдала.

– Вот и не забывай об этом!

Помолчав немного, добавила:

– А что он подонок, я согласна. Но он не счастливый подонок... Он несчастный подонок.

– Пожалей его ещё!

– Нет. Если честно, то мне его не жалко. Если бы он свой был, может и жалела бы. Но он мне – никто! И мне его не жалко. Мне было бы приятней его никогда не знать и не встречать. Но это ничего не меняет. Он всё равно несчастный подонок.

Во-вторых, случались ссоры по мелочам. В этом пальму первенства, в качестве инициатора, держала, конечно, Лилька. Сердилась, если Витька не соглашался с её планами, иногда довольно авантюрными – например, съездить во время уроков в Ташкент за косметикой – «А что такого?» Ну, конечно! Что такого? Подумаешь, всей-то езды пять часов на автобусе – это, если быстро обернуться! – «Но мы же только туда, и сразу же – обратно».

Иногда обижалась, если Витька спешил уйти домой.

– Лилька, ты же знаешь. Завтра по химии четвертная контрольная, а я совсем не готов.

– Ну и иди, зубри свою химию! Химия же важнее, чем я!

Но это ещё ладно. Иногда обиды возникали – подумать только! – оттого, что Витька не проявлял должной проницательности, не угадывал, чего Лильке в текущий момент хочется. Обиды из категории «вздора», как это Витька про себя называл.

Однажды договорились пойти в чешский Луна-парк, вместе с Бобом и Игнатом. Витька зашёл за Лилей, а она разгуливает в домашнем халатике. Витька – ни слова упрёка, присел на уголок дивана, ждёт. Ну, не успел человек собраться, бывает такое.

– Что ты расселся со скорбным видом? Ты что, не видишь, что у меня настроения нет тащиться в этот дурацкий Луна-парк? Я хочу с тобой вдвоём дома побыть!

– Ну и ладно, раз не хочешь. Побудем дома. Так бы и сказала!

– А что, так непонятно?

Или ещё, из этого же репертуара:

– Я-то думала, ты меня поцеловать хотел! Даже глаза закрыла. А ты!..

XIV

Пятого апреля Лиле внезапно стало плохо, и её увезли в больницу. В отличие от «геометрического» периода, когда Витька с Бобом видели уже поправляющуюся Лилию, сейчас Витька был рядом с ней с самого начала, в самое тяжёлое время. Сутки делились на три неравные части: школа, больница, и – домой, поспать немного. Вот когда он начал лучше понимать и Лильку, и её родителей. Раньше ему казалось, что, раз уж Лилькины обострения происходят так регулярно, то к ним все уже давным-давно должны были привыкнуть. Ну больница, ну переливания, ну ухудшение. Потом станет опять лучше – чего так уж сильно переживать? И вдруг он почувствовал, что помимо его воли, помимо всяких рациональных доводов, в его душе поселилась такая боль и такой страх, каких он никогда не испытывал раньше. Впрочем, не удивительно, что не испытывал – ведь до той поры Витьке не приходилось сталкиваться ни с тяжёлой болезнью, ни со смертью близких людей. Кроме ощущения боли, страха и тоски ему впоследствии было трудно хоть что-то толком припомнить из своих первых больничных «дежурств». А ведь это ощущение длилось только три дня, и, в конце концов, было всего лишь тенью страдания другого человека. Что же, в таком случае, чувствовала Лилия? А что, если болезнь затягивается на месяцы? Неужели это можно вынести? А если на годы? И без всякой надежды? Ведь она никогда, она никогда не выздоровеет. Никогда! Божемойбожемойбожемой-божемойбожемой, никогда, никогда!

На четвёртый день Лиле стало лучше.

Он вошёл к ней в палату и остановился у изножья кровати. Лилия лежала с закрытыми глазами, такая хрупкая, бледная, с синеватыми губами, обвитая трубками. У изголовья – капельницы с обеих сторон. Бедная, бедная Лилька!

Вдруг громыхнуло – это порывом ветра столкнуло внутреннюю и внешнюю фрамуги открытого окна. Лилия открыла глаза, улыбнулась Витьке.

– Лиль, ну как ты?

– Да как? Лежу тут, блин, как Лаокоон! А ты-то как?

Витька чуть не разрыдался. Ей лучше. Наконец-то ей лучше!

– Всё нормально. Только Панайота из школы исключили.

– Как это?

– А так. Сегодня в школьном дворе щенок бегал. Панайот всю большую перемену с этим щенком проиграл, а когда звонок прозвенел, то ему неохота было с ним расставаться. Вот он и притащил кутёнка в класс. Сначала в руках держал, а потом Назира объявила письменную работу. Стала, как всегда, по классу рассказывать и диктовать вопросы.

Назирой Тимуровной звали учительницу биологии – худенькую, маленькую, нервную и крикливую.

– Тогда Панайот сунул щенка в портфель – контрольную же нужно писать, а руки заняты! Ну, а щенку тоже скучно – в портфеле сидеть. Он и вылез, тихо пошёл гулять по классу. Под одну парту, потом под другую. Его потреплют, поглядят, и он дальше бежит. А потом он наделал лужу в проходе, да так удачно, прямо за спиной у Назиры. Та сразу же и наступила в неё. Сначала стала орать, зачем воду разлили, ну, а потом щенка увидела. Тут она уже догадалась, что это не вода.

– И что?

– Допрос устроила. «Кто щенка принёс? Пусть тот, кто щенка принёс, встанет, если не трус!»

– И что, Панайот признался?

– Ну, да. Встал. Назира к нему подскочила, орёт, слюной брызжет. Вылитые слон и моська!

Лиля засмеялась, представив себе субтильную Назиру и нависающего над ней здоровенного увальня Панайота.

– И что, из-за этого из школы исключили?

– Да нет, из-за этого, может быть, ещё и не исключили бы. Но ты же знаешь, Панайот в кармане здоровенную лупу таскает? Он ещё казённое имущество ею портит, выжигает на партах всякую хрень. Видела?

– Ну да, видела.

– Он постоял-постоял, а Назира всё орёт. Тут Паня вытащил из кармана лупу. И стал на Назиру через эту лупу смотреть, как Левша на блоху через мелкоскоп. В классе заржали, а Назира – ка-а-ак взвизгнет! Прямо в ушах зазвенело! «Я вам покажу, как над учителем издеваться!» И выбежала вон из класса.

– А потом?

– А что потом? Потом пришла обратно и Пюрзу с собой привела, а с Пюрзой – сама знаешь, шутки плохи. Пюрза зашла и сразу говорит:

– А! Теперь понятно, кто на панно в Красном Уголке Ленину бакенбарды выжиг.

– И что?

– И всё. Сказала, чтоб Панайот домой шёл. Что включают. Документы, сказала, на дом пришлют. Правда, Ирина Валентиновна сейчас на больничном, а без директрисы Порза ничего не сделает, всё равно Ирина будет решать. Порза бы точно исключила, если б могла – и ухом не повела бы!

– У гюрзов не бывает ушей.

– Да, правда... А Назира, как поняла, что Панайота так по-крупному вложила, сразу на попятный. Мол, Панайот хороший мальчик. Ну, пошалил немного...

– Да, Назира – человек, хоть и истеричка.

– Ага. А Порза – свинья!

– Вовсе и не свинья!

– Почему это?

– Порза не свинья. Порза – змея!

– Ну, тоже верно.

Лилька оживилась. Смеялась, когда Витька рассказывал про щенка, говоря о Порзе, жестикулировала.

– Ты потише, Лилька. Смотри, из тебя все трубки по-выскакивают!

Ещё через день Лилию выписали из больницы.

Витька, после долгих больничных бдений, почувствовал, что имеет на Лилию больше прав. И поэтому был жестоко разочарован, узнав, что мать прямо из больницы увозит её на дачу.

И Лилька даже не позвала его с собой – хотя бы на один этот день, на воскресенье! Витька бы потом сам с дачи вернулся, ничего страшного.

К несчастью, родители Лилькины всё время крутились рядом, слишком настойчиво навязываться было неловко. Всё-таки Витька спросил:

– А можно, я с тобой?

Но мать тут же вмешалась:

– Да что вы такое говорите, Виктор! Лиличка слабая совсем, пусть отдохнёт! Вот через неделю придёт в школу, там и увидите.

Витька не сразу сдался, спросил, заглядывая Лиле в глаза:

– Может быть, завтра поедешь? Или хотя бы вечером?

– Нет, Витька. Мама отпуск взяла на неделю, хочет со мной побыть. И с шофёром уже договорились. Мы вдвоём едем, папа в городе остаётся.

Когда чёрная «Волга», мигнув напоследок тормозными огнями, исчезла за поворотом, «папа Серёжа» сказал:

– Ты не обижайся на Лиду, Витя. Она очень переживает. Понимаешь, это болезнь наследственная, и по её линии идёт. Вот Лида и считает себя виноватой в том, что Лиля такая. Хоть это и ерунда, конечно.

Помолчал немного, потом похлопал Витьку по плечу на прощание.

– Вот так-то, брат. Ну, пока?

– Пока.

XV

Правда, вся следующая неделя и без того была наполнена событиями. В понедельник Витька с Бобом после школы зашли к Панайоту.

Тут Боб случайно чуть было не выдал его родственникам. Постучались. Когда дверь открыла старшая сестра, Боб спросил:

– Привет! А где Паня?

– Так он ещё из школы не пришёл. А вы разве не вместе шли?

– Ой, вспомнил! Он же сказал, что ему нужно в спортзал зайти, он хотел у физрука волейбольный мячик попросить на следующие выходные. Ладно, мы его здесь пождём.

Стало ясно, что Йотик своим ничего не рассказывал. Отошли в сторонку, встали в тени под орешинкой. Минут через пятнадцать появился Панайот. Он, оказывается, целый день болтался по городу, изображал для своих домашних школьный день.

– Что делать собираешься? – не теряя времени, приступил Витька.

– Не знаю даже...

– Я тут кое-что придумал. Конечно, Порза тебя теперь просто так не отпустит. Ей же от Валентиновны из-за этого Ленина досталось. Порза встречу с ветеранами партии устраивала для октябрят. Ветераны пришли, а у Ленина – бакенбарды, не хуже, чем у Пушкина! Был небольшой скандал. Один ветеран хотел статью в «Южный Казахстан» писать – о низком уровне воспитания в школе, еле отговорили. А встречу-то – Порза организовывала, ну, вроде, она

и виновата, что не досмотрела. Так что ты теперь – её кровник. Тем более, что щенок с Назирой у неё, в любом случае, в активе – даже если про Красный Уголок они и не докажут ничего.

– Вот именно! – добавил Боб. – Хоть они ничего доказать и не смогут, всё равно не успокоятся.

– Но если мы скажем, что мы все вместе эти бакенбарды выжигали...

– Кто – все?

– Ну, я, Боб... Игнат... Кайрат, наверное, согласится. Игнат с ним поговорит.

– И что?

– В том-то и дело, что ничего. Поорут, повоспитывают – и всё.

– Может, Ирина меня и так не выгонит.

– Может. А может, выгонит. А может, просто неприятности устроит. Оно тебе надо?

– А как же вы?

– А что нам будет, если все вместе?

Панайот почесал в затылке.

– Не знаю даже. Вдруг только хуже сделаем? У Боба – золотая медаль в перспективе, а тут такие дела.

– Какие альтернативы-то?

Панайот молчал.

– Вот то-то же, что никаких!

А в среду после уроков Боба, Витьку, Игната и Кайрата вызвала к себе завуч по воспитательной работе, Нина Ивановна.

Нина Ивановна была, что называется, «человек на своём месте». Больше всего она любила работу со школьниками среднего, то есть – пионерского возраста. И неизвестно ещё, кто получал большее удовольствие от костров, смотров пионерской песни, игры «Зарница». Вернее, отчего же неизвестно? Очень даже известно! Давая фору молодым, но заражённым вредным скепсисом и меняющимся каждый год пионервожатым, неутомимая Нина Ивановна с энтузиазмом бросалась на любые пионерские амбразуры, несмотря на свой возраст, довольно далёкий от среднего школьного. И надо честно признаться: не будь Нины Ивановны, не получала бы их школа столько призов за пионерские песни, заглох бы школьный драмкружок, захирела бы самодеятельность.

Как-то, после третьей подряд генеральной репетиции «Снежной королевы», звукооператор Боб возмущённо выразил чувства всех голодных и уставших актёров:

– Вот уж у кого в заднице пионерские зорьки играют!

– И есть, где играть! – добавил Кай-Игнат.

Прозвище Нины Ивановны было – «Колобок».

Сама по себе Нина Ивановна не ассоциировалась с опасностью, но то, что она вызвала к себе четверых друзей именно в таком составе, да ещё на фоне последних событий, настораживало.

И действительно, едва шедший последним Игнат закрыл за собой дверь Колобковского кабинета, Нина Ивановна закричала:

– Не дело вы придумали, ребята. Совсем не дело.

Все четверо заговорщиков усиленно делали вид, что сказанное не имеет к ним ни малейшего отношения.

Но Нина Ивановна не была настроена дипломатничать.

– Что? Думаете, если вы скажете, что вместе испортили панно, то вам кто-нибудь поверит?

На несколько минут воцарилось молчание.

– Тихий ангел пролетел, – сказал Игнат.

– Или милиционер родился, – сказал Боб.

Посмеялись.

Потом Боб взял инициативу в свои руки:

– Ну, раз уж вы всё знаете... Нам и не нужно, чтобы нам поверили. Нам нужно, чтобы Панайота не выгнали. Всех улик против него – одна эта лупа дурацкая! Никто же не докажет, что это он. И никто не докажет, что нас там не было. Всех – не исключат. А Йотика – могут.

Колобок негодуяще замахала руками.

– Ерунда! Захотят – всех накажут! Ещё и по линии комсомола наживёте неприятности – дело-то политическое! А главное – волна пойдёт. Тут не так надо действовать.

– А как? Подскажите, если знаете.

– Очень просто. Пусть ваш Харлампида к Ирине Валентиновне домой сходит, пока она ещё на больничном. Повинится. Так, мол, и так. Был неправ. Возмещу ущерб. Ну и я с ней поговорю. Мы всё равно собирались в Красном Уголке стены обновлять. А вы все, скажу, вызвались помочь с ремонтом помещения.

– И что? Тогда не выгонят?

– Э-э-эх! Молодёжь! Здесь же у каждого свои интересы. У Пор... То есть, у Людмилы Петровны – свои, а у Ирины Валентиновны – свои. Директору лишний шум не нужен, это я вам точно говорю!

– Хорошо, Нина Ивановна. Мы с Йотиком потолкуем.

– И вот ещё что. Вот ты, Игнат с Аней Худоевой в одном доме живёшь. А знаешь, кто у неё отец?

– Гробовщик, вроде.

– Сам ты гробовщик! Он скульптор. Талантливый скульптор, между прочим. В прошлом году я свёкра схоронила, так Анин отец замечательный барельеф сделал! Свёкор – как живой, даже лучше! Вы бы поговорили с Аней, а она – с отцом. Он вам так Ленина высечет! Ой, что я говорю! Одним словом, если б с хорошей скидкой, то у школы деньги найдутся. И выкинули бы мы совсем это злосчастное панно.

– Хорошо, – отозвался Витька, – а можно спросить?

– Спрашивай.

– Откуда вы знаете?

– И у стен бывают уши, Витя. А если серьёзно, то... Обещаете, что не подведёте меня?

– Обещаем.

– Смотрите! Хоть я обет молчания никому и не давала... Мне ваша классная руководительница сказала, а ей – Олег Симбирцев. А уж откуда он знает – это вы у себя спросите.

– Понятно. Ну, мы пойдём?

– Идите. Долго не тяните, здесь нужно быстро действовать.

Заговорщики двинулись было к двери, но Колобок остановила их жестом.

– И вот ещё что. Хоть и непедагогично, но я скажу. Молодцы, мальчишки, что друзей в беде не бросаете. Настоящие комсомольцы! Ну, идите теперь.

Когда вышли из кабинета, Боб восхитился.

– Вот ловкачка Колобок! Теперь мы ей на халяву Красный Уголок отремонтируем.

Но Витька не согласился.

– Я думаю, она и в самом деле хочет помочь. Ну, и свой интерес не забывает. Но с другой стороны, какой тут интерес? Она же не сарай на своей даче просит отремонтировать.

– Ну, это да.

- Слушайте, а как этот гад про всё узнал?
Смутное корейское лицо Игната залил густой румянец.
- Ребята, простите! Кажется, это я виноват.
- Боб аж задохнулся от возмущения:
- Ты что, Игнат? Ты и Олежика решил привлечь? Да он ни за что не согласился бы Пане помогать!
- Нет, я же не совсем тупой. Просто я Кайрату про это записку на уроке послал, на химии. Через две парты.
- А Олежик её прочитал, перед тем, как мне передать, – догадался Кайрат. – Вот гад! Пришибу его!
- Ага, пришибёшь, и ещё хуже, чем Панайот вляпался, – сказал Витька. – Забыл про Мишку Дубинина?
- Мишка год назад сильно подрался с Олежиком, хотя и без всякого членовредительства. Но носы они друг другу поразбивали. А родители Олежика взяли у врача справку о побоях, грозилась заявление в милицию написать. Семья Симбирцевых столько тогда помоев на Мишку вылила – он еле-еле отмылся.
- Это точно, Кайрат, – согласился Боб, – пусть его лучше кто-нибудь другой пришибёт. Рано или поздно – но это всё равно случится.

А в это самое время...

XVI

А в это самое время в Дальних Чертогах происходил малопонятный разговор. То ли ссора, то ли спор, то ли принуждённое согласие. Скорее, всё-таки согласие, но безрадостное.

Обстановка в Дальних Чертогах – самая что ни на есть спартанская. Спиной к окну, за массивным старым столом, обитым зелёным сукном, сидит Фатима. Стены белые, без всяких украшений. Только на столе, с левой стороны стоит такое же древнее, как стол, пресс-папье. И писчий прибор из того же комплекта – ещё с чернильницей, хотя чернилами теперь никто и не пишет. На уголке стола – бюстик Небесного Бракодела. Единственная вещь, обращающая на себя внимание – это настольная лампа с абажуром в виде первозданного хаоса. Лампа тоже, похоже, разменяла не первый десяток лет, но она из категории тех изделий, которые не устаревают. В углу – большой

несгораемый шкаф стального цвета, массивный, с бубликом маховичка на передней панели рядом с наборным цифровым замком. Вот и вся обстановка. За окном – непонятная тёмная синь. Ночь – не ночь, но всё, что видно, – это звёздное небо.

Напротив Фатимы, на краешке дряхлого стула для посетителей сидит довольно милая, несмотря на не совсем правильные черты, девушка лет семнадцати. Правда, сейчас лежащее на её лице выражение глубокой печали несколько портит впечатление. Это Анна. Она сочла своё смутно обрисовывающееся предвидение настолько важным, что не только попросила Фатиму о встрече, но и вперые пришла к ней как просительница.

– Неужели всё-таки ничего нельзя сделать?

– Сделать-то можно, но будет только хуже.

– Но ведь им хорошо вместе!

– Пока – да, – отвечает Фатима уже немного раздражённо. – Но у них разные пути, и по продолжительности, и по направлению, и по трудности. Он уже почти научился тому, что должен был постичь, ему пора двигаться дальше. Да и пути их – коррелируют, но не переплетаются. Только идут параллельно, и то недолго.

– А если...

– Погоди-ка!

Фатима открывает замок несгораемого шкафа, распахивает дверь и достаёт массивную книгу в сафьяновом переплёте. Прежде чем раскрыть книгу на нужной странице, назидательно поднимает указательный палец:

– Должностную инструкцию нарушаю!

Затем указывает Ане на какие-то записи:

– Вот. Смотри сама.

– Но ведь здесь только до сегодняшнего дня?

– Естественно! А ты думаешь, судьбы записаны вперёд, и люди идут по ним, как поезд по рельсам? Вовсе нет!

– А почему тогда...

– А потому что всё основывается на том, что произошло прежде. Видишь их основные линии? Они расходятся. Если мы экстраполируем эти тенденции, то...

– Но разве он не может выбирать?

– Может. Но только не в плоскости этой линии.

– Так значит...

– Именно так! Вот если он будет стоять на остановке, и одновременно подъедут десятый автобус и пятый троллейбус – он может выбрать любой из них. Именно потому,

что от этого выбора ничего не зависит. И тот, и другой доедет его до точки назначения. То есть, выбор есть там, где никакого выбора, в сущности, нет.

– А как же свобода?

– Да нет никакой свободы! – досадливо сказала Фатима. – Разве что, вот в этом – каким маршрутом доехать до точки назначения. И всё.

– А та, другая?

– Сейчас посмотрим.

Фатима вновь склоняется над книгой.

– С ней проще. Их линии только пересекаются, но даже не коррелируют.

– И что это значит?

– Если не усложнять, то это значит, что с точки зрения движущего импульса совершенно не важно, как будут складываться их отношения.

– Но это значит, что та, другая, может стать даже ближе? Если не важно?

– Может. При условии, что не будет помех. Но её присутствие или отсутствие вовсе ничего не меняет. Хотя теоретически – вполне возможно.

– Как несправедливо!

Фатима посмотрела на Аню таким взглядом, каким взрослые смотрят на неразумных детей.

– Ну, это если ничего не помешает.

– Даже если что-то и помешает. Всё равно. А как же теперь она? Без него...

– Она вершит свой собственный путь.

– Как жаль!

– Если судить по тому, что мы знаем сейчас – то жаль!

– ответила Фатима загадочной фразой.

XVII

Уже в пятницу фортуна вновь улыбнулась Панайоту. Вышедшая на работу директриса даровала ему помилование, хотя и не без потерь и условий. Но главное, что уже в понедельник Харлампида смог вернуться в школу, правда, только со второго урока. Во время первого урока его вместе с родителями и Назирой Тимуровной принимала у себя Ирина Валентиновна. Но особых сюрпризов эта встреча, как и ожидалось, не принесла – так, обычный в таких случаях репертуар воспитательных нотаций.

Колобок не обманула, провернула-таки сделку с директрисой, а отец Ани Худоевой согласился «высечь Лелина» на бартерной основе: за годовую пятёрку по биологии. И даже щенок не остался внакладе. Панайот пристроил его к своей бабушке.

Правда, это означало, что вся компания Витькиных друзей попала к Нине Ивановне в кабалу, но всё же, по общему мнению, Большая Победа была достигнута малой кровью. А кроме того, в связи с началом подготовки к выпускным экзаменам, сроку на ремонт было отпущено всего две недели. Следовательно, и фронт работ не мог быть чрезмерным.

Кроме Панайота, в понедельник вернулась в школу Лиля. Она пришла в середине урока физики, третьего с утра, когда Витька уже отчаялся её дожидаться. Бледная, похудевшая после болезни, вошедшая в класс со строгим лицом, она показала Витьке чужой. Но, поймав его тревожный взгляд, тут же мягко улыбнулась ему. Физик, не прерывая объяснения, жестом разрешил ей войти и сесть, и Лиля, проходя на свободное место мимо Витькиной парты, легонько коснулась рукой его макушки. Вторая часть урока тянулась невыносимо долго, ещё дольше первой, но, наконец, закончилась. Началась большая перемена.

Предвкушая встречу с Лилей, Витька представлял себе, как он расскажет ей про свою мимолётную обиду из-за её отъезда, а ещё про Панайота и про их ремонтную бригаду. Но, наперекор всем ожиданиям, когда они вместе вышли на улицу, ему вдруг расхотелось говорить. Они наискосок пересекли дорогу и остановились лицом друг к другу в тени гледичии, когда здание школы уже скрылось за выступом соседнего магазина. Было оживлённое время дня, вокруг них сновало в разных направлениях множество незнакомых людей, но, несмотря на это, они чувствовали себя почти изолированными от уличного шума, от спешащих куда-то сограждан, проезжающих мимо машин – как будто находились в прозрачной капсуле, в какой-нибудь батисфере, куда не доходят звуки и запахи окружающего мира. Правда, недолго.

– Э-э-э, мармалат-мармала-а-ат! – прорезал их капсулу зычный голос, прозвучавший как будто прямо над ухом. Это спешил, опаздывая к началу школьной большой перемены, пожилой узбек, с холстинковым мешком за

спиной – продавец кругляков склеенной сахарным сиропом воздушной кукурузы.

Витька и Лиля рассмеялись и вернулись из своего батискафа назад на городскую улицу.

– Витька, я так по тебе скучала! Зато – смотри!

И Лиля вытащила из кармашка платья ключ.

– Что это?

– Золотой ключик! От двери за холстом!

– А по-настоящему?

– Ключи от нашей дачи. Я сказала родителям, что мы с тобой в субботу поедem на дачу, в воскресенье вечером вернемся. Я могла бы и так взять эти ключи, потихоньку – никто бы не узнал. Но мне самой хотелось им сказать.

– А они?

– Они – нормально. Папа говорит, что если с тобой, то он не против. А мама ничего не говорит. Так, повздыхала немного – и всё.

– Лилька...

– Ну что, что?

– Я так по тебе соскучился!

В среду Колобок ещё заранее договорилась с историчкой и забрала друзей прямо с занятий, как только приехала машина со стройматериалами для летнего ремонта школы. На общую разгрузку согнали восьмиклассников с урока труда, а бригада Панайота должна была только забрать и отнести в старое крыло здания краску, кисти и всё необходимое для Красного Уголка. Закончили минут за двадцать, но на историю уже не стали возвращаться – посидели, поболтали, да и пошли прямо на следующую урок.

Когда Витька, первым из их компании, вошёл в класс, там царило необычное возбуждение. Общее внимание было обращено на Олежика, который стоял на задней парте у окна в позе Пушкина на лицейском экзамене в Царском Селе, с Витькиной «льстивой» фотографией в руке. Повернув фотографию тыльной стороной к себе, Олежик декламировал Витькино стихотворение. Витьку бросило в жар. Содержание стихотворения, написанного как обращение к возлюбленной, было и само по себе очень скромным, даже название его – «Жажда» – возбуждало определённые ассоциации. А тут какая-то тварь читает его интимное признание вслух, перед всем классом, да ещё и обращаясь при этом жестами к Лиле. Но именно

Лиля добила Витьку. Она стояла, усмехаясь, возле противоположной стены и, глядя на Олежика, отмахивала ритм стихотворения рукой.

– Пнида! Убью! – рванулся к Олежику Витька.

– Не трогай это говно!

– Стой! Не надо, Витька!

Это, в свою очередь, заорали вцепившиеся в Витьку Боб и Кайрат.

Олежик не стал дожидаться расправы. Почуввав опасность, он легко выпрыгнул из окошка первого этажа и затрусил к школьным воротам. Когда Витька, наконец, вырвался из рук Боба и Кайрата и тем же путём, через окно, выскочил во двор, Олежика и след простыл. Витька вернулся назад, ни на кого не глядя, попросил Боба передать ему портфель и, не оглядываясь, пошёл домой.

Вечер прошёл в ужасных мучениях. Витька то вынашивал планы мести Олежику, то обвинял Лилю, то оправдывал её. Сразу после уроков приходили Боб с Игнатом, но, угадав нежелание Витьки обсуждать сегодняшние события, поговорили немного на отвлечённые темы и ушли.

Витька в одиночестве просидел в своей комнате допоздна. Сославшись на головную боль, не пошёл ужинать. И только ближе к ночи вышел прогуляться по улице. Моросил весенний дождь. К концу прогулки Витька, надевший только лёгкую ветровку, совершенно промок и замёрз. Он, дрожа от холода, шёл по мокрому асфальту и вёл мысленный диалог с Лилей. Про месть Олегу он как-то даже позабыл под конец дня.

– Как ты могла? Я так верил тебе!

– А почему ты считаешь, что можешь мне диктовать, что я могу, а что нет?

– Но ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь!

– Нет. Я ничего не знаю. Ты мне никогда об этом ничего не говорил. Так, чтобы прямо, а не какими-то дурацкими намёками.

– Но разве об этом нужно говорить?

– Наверное, нужно, раз я об этом не знаю.

– Хорошо, допустим. Но зачем ты вот так, при всех? Зачем ты дала этому подонку мою фотографию? Ведь я подарил её только тебе!

– У тебя – все подонки! Олежик – подонок, Аслан – подонок, Максим – подонок!

– Я никогда не говорил, что Максим подонок. А Олежик – подонок, ты сама знаешь!

– Ничего я не знаю! И никакой он не подонок. Он несчастный! Осудить человека – легче всего.

– Но ты же знала, как это будет мне неприятно!

– Ничего я не знала. Вот у тебя же есть моя фотография? Можешь её дать Тане и Тоне. Или хоть Нине Варданян – так даже лучше, ты же отлично знаешь, что я терпеть не могу Нину Варданян. Но я не стала бы закатывать тебе скандал из-за какой-то паршивой фотографии.

– Дело не в фотографии.

– Ну, не знаю, в чём там у тебя дело, но скандал я бы всё равно не стала закатывать.

И так далее. Рефреном в этом воображаемом диалоге звучали слова:

– Лилька, как же ты могла? Как ты могла?

XVIII

В эту ночь Витька почти не спал. По-настоящему крепко заснуть удалось только под утро, но ему сразу же приснилась такая мерзость, что Витька тут же снова проснулся.

Во сне Лилькина дача почему-то стояла на берегу озера. Камыши. Тут же причал с несколькими привязанными лодками. Пусто и тихо, вокруг – ни души. Как вдруг становится видно, что совсем близко от берега на волнах качается ещё одна лодка. В лодке Лилька с Олежиком, совершенно голые. Олежик на вёслах, Лилька сидит напротив. Кажется, у неё связаны руки. Понятно – он увёз её насильно! Витька прыгает в другую лодку, отвязывает её и бешено гребёт, догоняя Олежика. Вот он подплывает совсем близко, но ни Лилька, ни Олежик его не замечают. Зато ему теперь слышен их разговор.

– Всё-таки я не понимаю, нафига тебе сдался этот Витька!

– Нет, ты знаешь, он интересный. Непосредственный. И вовсе не такой занудный, каким кажется.

– Да ну! По-моему, он тупой, как валенок.

– Нет, он не тупой, просто не повзрослеет никак! Доверчивый такой, совсем недотёпа. Что ни скажешь ему – всему верит. Я ему недавно сказала, что у меня ещё не было мужчин – он и поверил. Носится со мной, как будто я хрупкая! Это после Кольки и Аслана, представляешь!

– Да-а-а. После Кольки ещё можно считаться девушкой, но уж после Аслана!

И захохотали оба.

– Зато он мне стихи пишет, а ты даже собственное имя не можешь без ошибок написать.

– Подумаешь, стихи! Вот ты же меня любишь, а не его! Хоть и стихи.

– Ну, ты-то у меня такой красивый и несчастный! А он – такой ограниченный! Если кто-то не похож на него хоть немного, так сразу уже и подлец. Не понимает, что все люди разные. А если человек от природы такой – с сильными страстями? Почему он должен с другими считаться? Так жизнь устроена! Одни рождаются поэтами, а другие – сильными личностями, которые не могут по дурацким правилам жить. Это слабаки выдумали всякие такие глупости! А ты у меня – сильный! Что ж ты – будешь разрешения спрашивать? Конечно, нет! Что захочешь – то и будет твоё! И девушки. Понравится – и возьмёшь! Вот как меня.

Теперь Лиля поменяла позу, сидела свободно раскинувшись. И руки у неё, оказывается, вовсе не связаны. Она здесь по своей воле – сама захотела! – понял Витька. А он, дурак, ещё собирался её спасать!

Витька слишком круто развернул лодку, чтобы грести обратно к причалу и, не удержавшись, упал в воду. Вынырнув, увидел, что с берега смотрят на него и хохочут, тыча пальцами, несколько человек из их класса. Но среди них нет ни одного из его друзей, и помощи ждать не приходится, а Витька чувствует, что, хотя берег и близко, ему уже не доплыть. Вот он опять хлебнул воды, закашлялся, вновь вынырнул, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха.

Тут и проснулся, с прыгающим сердцем, ещё более взбудораженный, чем до сна.

За ночь выкристаллизовалось, а к утру отвердело решение: на Олежика он даже внимания не будет обращать – хрен с ним! В конце концов, кого удивило, что он такая мразь?

А вот Лилька – другое дело. Она ещё поплачет, вымаливая у него прощение! Он не станет её жалеть. Пусть, пусть она почувствует, как ему было больно!

На следующий день в школе Витька старательно, хотя и не без усилий, избегал Лилю. Не приближался к ней, даже не хотел встречаться с ней взглядом.

При этом нарочито оживлённо болтал с другими, отпускал комплименты Тане и Тоне, вообще, вёл себя, что называется, непринуждённо

Лиля выглядела сумрачной.

Олежик – последний активный участник вчерашней драмы – сначала вошёл в класс с опаской. Но быстро понял, что ему нечего бояться и снова начал наглеть на глазах. На перемене попробовал было даже поддразнить Витьку, процитировав две строчки из стихотворения. Но случившийся тут же, на Олежикову беду, Панайот, презрев осторожность, исходящую от клана Симбирцевых, отвесил ему такую увесистую затрещину, что с того дня и до самого выпускного вечера Олежик взял за правило обходить и его, и Витьку стороной.

Так прошёл первый день большой ссоры.

А на второй день Лиля улучила-таки момент, когда Витька ненадолго остался один, торопливо подошла к нему.

– Вить!

Он не отозвался.

– Послушай. Сама для себя я знаю, что не так уж виновата перед тобой. Но если ты хочешь – я согласна. Пусть я буду виновата. Только давай поговорим. Я тебе всё расскажу.

– О чём нам с тобой говорить?

– А ты считаешь – не о чём?

– Я считаю...

Обида вновь вскипела в Витьке.

– Я считаю, что поступить так, как ты поступила со мной – это низость!

– И моё место – рядом с такими же низкими людьми, да? Не рядом с тобой, а рядом с Олежиком? Но, Витька, ты не боишься, что, может быть, заблуждаешься кое в чём? Впрочем, это неважно. Если ты считаешь, что я виновата, то прости.

– Я не могу.

– Но ты мне нужен. Мне нужно, чтобы ты был рядом. А ты! Ты даже не смотришь на меня – думаешь, я не заметила?

– Потому что я тебя видеть не могу!

– Ты, в самом деле, не хочешь меня видеть?

Витька молчал.

– Ты уверен, что поступаешь правильно?

Витька не отзывался.

– Хорошо. Я сделаю так, что ты не будешь меня видеть. Пока ты сам этого не захочешь и меня не позовёшь.

В этот день Лиля рано ушла с уроков. И больше уже почти не приходила в школу.

XIX

Хотя официальная часть вечера была, как и положено, скучной, в ней, тем не менее, ощущалась атмосфера общего праздничного возбуждения. Для любого десятиклассника, как ни крути, выпуск – серьёзная веха. А для таких, как Боб и Таня Корнеева из десятого «Б» – золотых медалистов этого года – так и вообще, знаменательный день. Ну, и для многих родителей тоже. Бобовские предки уселись в первом ряду актового зала, по ним даже издали заметно было, как они своим сыном гордятся. Если честно, то и Витька немножко гордился Бобом. Конечно, для него Вовкина медаль ничего не меняет, а всё равно приятно. Многих учителей тоже захватило состояние эйфории – как прокомментировали Таня с Тоней, «от радости расставания с отдельными питомцами». Но всё же, если откровенно, то ярких моментов было не так уж много. В основном обычная ежегодная рутина: конвейер вручения аттестатов, приветная речь директрисы, ответная речь уходящего секретаря комитета комсомола, добавочная речь нового секретаря, принимающего бразды правления, с обещаниями «крепить» и «быть верными идеалам». Всё, как всегда.

Заго удивила Колобок. Неожиданно вызвала на сцену ремонтников Красного Уголка, вручила каждому «памятный подарок» в коробочке, а Панайоту, как бригадиру и «талантливому лидеру» – при этих словах члены бригады чуть не покатались со смеху – «специальный приз», оказавшийся роскошным шахматным набором. Это тоже вызвало оживление в рядах бригады. Игнат не удержался:

– А что, нардов в магазине не было? Ну, или шашек, там?

За что тут же, на сцене, легонько получил от Панайота «специальным призом» по голове.

«Памятные подарки» оказались выпелами с профилем «самого человеческого из людей». Как выяснилось лет

двадцать спустя, в качестве знака эпохи это был неплохой выбор для подарка.

Ну, а больше ничего интересного в официозе не было.

Лиля со своими тоже пришла на вечер. Витька издали наблюдал за ними, когда Дьяковы ещё только появились в актовом зале, а потом разошлись в разные стороны. Родители – к другим родителям, а Лилька – к одноклассникам. Витька сначала напрягся немного, но вскоре опять расслабился: Лиля только помахала ему рукой – привет, мол. Но взглядов не ловила, и лично к нему не подходила. С Лилькиными родителями он чуть позже столкнулся нос к носу в фойе зала, когда ходил в туалет. Поздоровался. Те приветливо поздоровались в ответ, но ни о чём не заговаривали. И вопросов не задавали – видно, Лилька поставила их в известность о разрыве.

Несмотря на то, что встреча с Дьяковыми прошла без сюрпризов, Витька невольно вновь вернулся в почти забытое им состояние обиды и ожидания Лилькиного покаянного возвращения. В этом, теперь уже изрядно поблёкшем, а тогда очень напряжённом, умонастроении он пребывал сразу после ссоры с Лилькой, и оно так никогда и не разрешилось ничем – ни её возвращением, ни покаянием. А потом понемногу замерло, хотя и не исчезло насовсем.

Вначале Витька, как ему казалось, ни на час не забывал о Лиле – даже когда вроде бы отвлекался на что-то другое. Всё равно где-то на дне сознания неизменно плескалась обида, даже ночью, когда он спал. Потому что раз за разом повторялись навязчивые сны, либо заставляющие его заново переживать унижение, либо каким-то странным образом намекающие на него. Именно в этот период Витька был настроен непримиримее всего. Он хотел видеть Лилю, и в то же время боялся встречи с ней. Хоть бейся головой о стену! Иногда, обычно в самое неподходящее время суток, глубокой ночью или перед рассветом, он уже решался идти к Лиле – немедленно, сейчас! Благодарзумие или осторожность, однако, заставляли его дожидаться дня. С угасающими звёздами угасала и его решимость, чтобы снова вернуться, когда встреча с Лилей была по какой-нибудь причине невозможной. Конечно, в тот момент он не осознавал всех своих мотивов и душевных движений. В сущности, всё это время в нём жила надежда на примирение, но примирение такого рода, которое не за-

дело бы его гордость и не закончилось бы ещё большим унижением. Потому что новое унижение означало бы окончательное крушение, после которого уже нельзя ничего вернуть.

Впрочем, по горячим следам встреча так и не состоялась, а недели через три-четыре изменилось и Витькино настроение. Ушла былая непримиримость, а вместе с нею ушло и навязчивое желание увидеться с Лилей. Страсти поутихли.

Наступил более спокойный период, почти элегический. Витька как будто переживал Лилькину жизнь на расстоянии. Вот она просыпается утром, идёт на кухню. После сна на её макушке торчит смешной хохолок. Вот она сходит вниз по лестнице подъезда. Проходя мимо почтового ящика, заглядывает в него. Вот она стоит перед зеркалом, знакомым жестом поправляя чёлку...

Примерно в это же время до Витьки стали доходить слухи, часто неприятные, а иногда пугающие. Сам Витька никогда и ни с кем не говорил о Лиле, но раза два о ней – в его присутствии, но не обращаясь к нему – говорили одноклассники. Один раз по поводу Дьяковой прошлась классная, впрочем, довольно туманно. Рассказывали, что Лилька каждый вечер проводит в кабаках, в основном на, так называемой, «Палубе». Что был случай, когда Лилю, совершенно без чувств после обильного возлияния, привезли и выгрузили, как багаж, на скамейку возле её дома двое Максимушкиных приятелей, из-за чего Максимушка снова стал персоной нон грата у Лилькиных родителей. Сам Максимушка в момент выгрузки, вроде бы, отсутствовал. Говорили, что Лилька исчезала из дома на целых два дня, и за эти два дня Лилькины родители подняли на ноги всю городскую милицию. А потом появилась, как ни в чём ни бывало, но отказалась давать по поводу своего отсутствия какие-либо объяснения. У Витьки, впрочем, хватало ума не принимать все эти слухи за чистую монету, особенно, когда это исходило от далёких от Лили людей. Ведь он её всё же неплохо знал. Пьяная Лилька на скамейке – ещё куда ни шло, в это он мог поверить. А вот бесследное исчезновение с чудесным возвращением – совсем не в её характере, она бы обязательно нашла способ сообщить родителям, даже если бы и решила не приходить домой – слишком бережно она к ним относилась. К тому же

Витька помнил и то, как Максимушку пытались выставить выдающимся наркобароном из-за нескольких кустов конопли на даче, с которой незадачливый ботаник даже не сумел собрать урожай. Хотя... Бывает, что люди меняются.

Однажды, перед самым началом уроков, Витька стоял в группе одноклассников у закрытой двери кабинета математики, и вдруг Лилино имя промелькнуло между Ниной Варданян и её подругой Эльмирой, возбуждённо что-то обсуждавшими. Витька наострил уши, а прислушавшись, едва удержался от того, чтобы наброситься на Нину и заткнуть ей рот. По словам Варданяниши, Лиля недавно чуть не умерла во время подпольного аборта. Как только прошёл первый шок, Витька, сделав несложные математические расчёты, понял, что у этой сплетни нет ни малейшего шанса быть правдой. Но настроение всё равно оставалось ужасным. Витька с такой ненавистью тогда посмотрел на Варданян, что та шарахнулась от него и сказала Эльмире:

– Пойдём-ка подальше от этого ненормального!

Позже, мысленно прокручивая это происшествие назад, Витька попробовал честно ответить себе на вопрос, когда в нём вспыхнула ненависть – до того, как он понял, что это неправда, или после. Получалось, что всё-таки, до.

Как бы то ни было, но сплетня Витьку встревожила и он, в первый и в последний раз за время их ссоры с Лилей, попросил Боба о помощи. Боб по-прежнему часто виделся с Женей, а Женя, насколько Витьке было известно, продолжала дружить с Дьяковой и бывать у неё дома.

Женя – через Боба, конечно, – Витьку успокоила:

– Да нет, пусть Витька не переживает. Ничего страшного. Лилька, правда, опять побывала в больнице, но всё уже нормально. Она сама расскажет, если захочет.

– Ну а вообще? Как она? Ты хоть спросил? – Витьку не устроила лаконичная форма рапорта.

– Я не спрашивал, но сама Женька примерно вот что рассказала – я тебе буквально передаю: «Лилька сначала плакала всю дорогу, потом перемежала это дело загулами. Но теперь опять тихо, потому что Максимушку Лилькины родители устранили, а кроме него, у Лильки и компании-то нет. Правда, в последнее время к ней ходит один парень, Артур. Ничего такой, на вид приличный. Но Лилька всё равно бесится. Недавно я пришла домой, поднимаюсь по лестнице, а на подоконнике, на Лилькиной лестнич-

ной площадке, сидит этот Артур. Я его спрашиваю – ты что здесь? А он говорит, его Лилька не пускает. Так может, говорю, её и дома нет? Да нет, мол, она мне из-за двери сказала, что не хочет меня видеть. А что же, спрашиваю, ты не уходишь? Да вот, мол, жду: может, она передумает? Ну ладно тогда, говорю – жди. А я домой пошла! И пошла».

Хотя Витька и стал поспокойнее после Жениного отчёта, он, повидимому, все ещё внушал серьёзные опасения друзьям, особенно Бобу с Игнатом, и они изо всех сил, хотя и очень тактично, старались Витьку поддержать. Панайот, напротив, такой точки зрения не разделял. По его мнению, никакая девчонка не стоила того, чтоб из-за неё переживать. Так он и высказался – с крестьянской прямой:

– Плюнь ты, Витька! Что ты из-за какой-то дуры себя растравляешь? Пусть катится, раз она такая. Завтра новую найдёшь, ещё лучше! А послезавтра – ещё одну!

Витька только поморщился – хотя, понятно, что Панайот всего лишь выразил свои дружеские чувства.

Но, как бы это ни казалось странно, а Боб намотал-таки на ус Панайотову сентенцию. А может, у него была своя, похожая, кто знает?

Тут следует упомянуть, что ещё поздней осенью Боб стал членом так называемого «КСП». Если кто-то не в курсе, то КСП – это Клуб Самодеятельной Песни. Этих КСП было когда-то великое множество в Стране Советов. Исполнитель самодеятельных песен в ту пору назывался красивым иностранным словом “бард”. То ли из-за красивого названия, то ли по какой-то другой причине, но некоторые из них были чрезвычайно популярны. Их популярность, в свою очередь, кружила головы новым и новым соискателям – а всё оттого, что само это поприще по природе таково, что может обеспечить прекрасный возврат с ничтожного вклада! Выучил два-три аккорда, сложил песню, отрастил бороду – вот вам и новоиспечённый бард!

Как бы то ни было, но Вовкина сноха Светка давно уже посещала этот самый КСП по причине неутолимой жажды духовного. А чтобы не было страшно одной по темноте возвращаться домой зимними вечерами, несколько месяцев назад втянула в это дело Боба. И что вы думаете? – Бобу даже понравилось!

Непосредственный Боб в какой-то момент даже попытался обратиться в свою веру кое-кого из знакомых, впро-

чем, особого успеха не имел, хотя обстоятельства этому даже способствовали. Буквально через несколько недель после его вступления в клуб был, как нельзя кстати, объявлен показательный бардовский концерт, а дополнительно, непосредственно после него, предполагался свободный обмен впечатлениями между завсегдатаями клуба, гостями и исполнителями. Весь этот пир высокой духовности шёл на фоне полусемейного чаепития с некоторой претензией на уют – за счёт пирожных и ватрушек, которые принесли из дома кулинарно одарённые активисты. Так что и более низменные людские потребности не были позабыты. Боб разорился на несколько лишних билетов и не без гордости пригласил на торжество Витьку и Таню с Тоней.

После концерта Боб спросил:

– Ну, как? Только, чур, честно!

– Ну, если честно! – сморщила нос неблагодарная Тоня.

– Концерт ещё ничего, – сказала Таня, – но вот публика там... они какие-то... – защёлкала она пальцами в поисках точного слова – добродетельные!

– Ага, точно! – расхохотался Витька. – Благонамеренные и добродетельные, причём, независимо от природных наклонностей.

– И очень серьёзные. В смысле, серьёзно ко всему относятся. К жизни, там... К себе. Скучные, в общем, – подытожила Тоня. – А тебе-то самому? Нравится, что ли?

– Ну, не так, чтобы очень. Но со Светкой – не скучно. Всё равно Новицкого теперь нету, кружок живописи закрылся.

– Уроки учи! – сказала Таня. – Тебе медаль зарабатывать надо!

– Гады вы всё-таки! – расстроился Боб.

А когда недели через две снова собирался в клуб, то сказал Витьке, совершенно не рассчитывая на его согласие, а только лишь для проформы:

– Завтра опять небольшое выступление будет, но я тебя не зову. Как я понял, вам не понравилось. Или тебе всё же интересно? Может, сходим вместе?

– Нет, не интересно. Но я пойду.

Хотя столь неординарное и даже чрезмерное проявление дружеской солидарности поначалу немного озадачило

Володю, аномалия получила простое разъяснение уже на следующий день, когда Витька сказал, выходя из клуба:

– Вот сегодня мне, правда, совсем не понравилось.

– Почему? А по-моему, в этот раз, наоборот, даже лучше. Вот Снегирёв, например...

– Да ну его, твоего Снегирёва! В прошлый раз там девушка была, в сиреновом платье. Высокая такая. Очень красивая. А сегодня её не было...

– Да, я тоже обратил на неё внимание, действительно, красивая. Но она не из наших. А что, сильно понравилась? Ну, так и нужно было в прошлый раз с ней познакомиться, теперь-то что? Дурак ты, Витька: протелился, вот и упустил девчонку...

– Ага! – огрызнулся Витька. – Зато ты умный! Как бы, интересно, я с ней знакомился в прошлый раз, на фоне Тани и Тони?

– А, ну да.

На следующем концерте незнакомки тоже не было видно. А больше Витька ни в клуб, ни на концерты не ходил. Боб пытался было навести кое-какие справки – и сам, и через Свету: кому, как не ей знать обитателей и посетителей клуба? Но так ничего и не узнал. Видно, эта девушка была какой-нибудь знакомой знакомых, десятая вода на киселе.

Боб, правда, ещё несколько раз отчитывался перед Витькой:

– Вчера в клуб ходил. Не было твоей Мальвины!

– Почему «Мальвины»?

– Так в сиреновом же платье!

– Дурак ты, Боб! У Мальвины не платье было сиреневое, а волосы – голубые!

– Ай, да какая разница?

Как бы то ни было, но Мальвина как сквозь землю провалилась. Жизнь, между тем, шла своим чередом, так что Витька вспоминал о загадочной девушке в сиреновом платье всё реже и реже.

XX

Открыв створку кухонного окна, Витька замер на секунду, любясь внезапно открывшейся перспективой. Оказывается, глядя отсюда, в просвете между свежей зеленью деревьев можно увидеть кусочек красноватого марева,

подсвеченного уходящим за горизонт солнцем. Почему он никогда не замечал этого раньше? С запозданием Витька понял, что разгадка совсем проста: это Мастер-на-все-руки Вовчик прореживал на прошлой неделе деревья на Лидином участке – вот и не пощадил старой шелковицы, которая раньше загораживала вид. Красиво, ничего не скажешь, но и шелковицу немного жалко! Тёплый день середины мая плавно перетекал в тихие безветренные сумерки, и песни цикад уже зазвучали в неподвижном воздухе. Витька только-только покончил с рутинными домашними делами, успел настрогать себе салат из свежей редиски со сметаной и, в меланхоличном настроении, дождался, когда бодро и призывно дунет в свой свисток греющийся чайник. Заварка уже была насыпана в специальную сетчатую ложечку, которая опускается прямо в стакан с кипятком, чтобы, всего через пять минут волшебства, превратить бесцветную воду в ароматный напиток, родом из города Зугдиди. Этим невиданным раньше чаем в начале года неожиданно завалили все продуктовые магазины города, и он оказался на удивление неплохим.

Безмятежная идиллия полного штиля.

Но не тут-то было! Тайфуном, ураганом, молнией – вдруг ворвался Боб.

– Пошли!

– Куда?

– Некогда! Увидишь. Пошли, тебе говорят! Надо!

Витька хотел было возмутиться, но уступил Бобовскому напору, хоть ему и не хотелось расставаться с аппетитно пахнущим салатом. Раз надо – значит надо, Боб просто так говорить не будет. Быстро оделся. Вместе вышли из дому, Боб решительно зашагал по улице, Витька – за ним.

– Ну, что случилось? Теперь-то можешь сказать?

– Пошли-пошли! Там увидишь. Надо! Дело есть.

– А всё-таки?

– Экспертиза твоя нужна. Усилитель не работает.

– А, так ты меня в свой клуб тащишь! Я так и подумал, судя по направлению.

– Вот видишь, какой ты умный!

– Ну, и что там с усилителем?

– Подожди, сейчас сам увидишь. Уже почти дошли.

Пересекли вестибюль клуба, вошли в зал. Боб сразу же потащил Витьку куда-то в глубину.

– Постой! Куда ты меня тащишь? Усилители же на сцене.

– Подожди здесь.

– Да постой ты, чёрт! Объясни толком, в чём дело!

Но Боб уже вёл к Витьке за руку какую-то девушку в чёрном платье.

– Вот это и есть мой друг Витька. Музыковед и аудиофил.

– Очень приятно! – протянула Витьке узкую ладонь девушка. – Кира.

– Мальвина! – ахнул Витька.

– Что вы сказали?

– Нет, это я так.

– Владимир говорит, что вы поклонник Юлия Кима. Я тоже.

Витька напряг память. Какой Владимир? Какой Юлий Ким? Ах да, он как-то говорил Бобу, что в этом жанре Ким – самый крутой человек. А «Владимир» – это, надо полагать, как раз и есть Боб.

– Да. Мне, правда, Юлий Ким нравится.

– Владимир говорил, что у вас есть какие-то редкие записи Кима.

– Да. То есть, сейчас нет, но вообще-то есть.

– А можно переписать?

– Конечно.

– У вас есть телефон?

– Есть. Три – семьдесят три – ноль шесть.

– Я сейчас запишу. А вот мой, – Кира протянула Витьке листочек из блокнота. – Я в клуб с подругой пришла, но она, к сожалению, уже очень спешит. Мы уходили, и я записала номер, чтобы Владимиру передать. А тут и вы пришли.

– Может, останетесь? Мы вас потом проводим, а по-другу прямо сейчас посадим на такси.

– Да нет, неудобно. Но я вам завтра позвоню.

– Хорошо.

– Ну что, до свидания?

– До свидания.

Они все вместе вышли в фойе. У входа Киру с демонстративным нетерпением ждала какая-то девушка. Перед тем, как выйти, Кира обернулась и помахала Витьке и Бобу ладошкой.

Когда дверь захлопнулась за уходящей Кирой, Витька сказал:

– Боб... Я даже не знаю, как тебе объяснить. Я, конечно, благодарен тебе, что ты меня сюда притащил. Но если бы ты мне сразу сказал, то я бы не пошёл.

– Я знаю. Поэтому я не сказал.

Так началась новая страничка в книге Витькиной судьбы. Впрочем, это только так говорится – в книге, а на самом деле – кому как повезёт. Может быть, в брошюре, а, может, даже и в тетрадке.

Как бы то ни было, но с того дня Кира прочно вошла в Витькину жизнь. Впрочем, сказать «с того дня» было бы небольшим преувеличением. Но уж со следующего – точно!

Назавтра, не успев Витька войти в дом после уроков и бросить под лестницу портфель, как раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте! Могу я поговорить с Виктором?

– Да, это я.

– Это Кира Маринич. Мы вчера познакомились в клубе...

– Да, я помню.

– Вы говорили, что у вас есть Юлий Ким. Мы можем встретиться? Я приготовила кассету.

– Хм... – озадачился Витька, не в состоянии сообразить на ходу, как бы, при отсутствии насущной необходимости, придумать повод для незамедлительного свидания. – Дело в том, что... У меня сейчас нет этих записей. На днях будут, а потом сейчас – нет.

Кира оказалась находчивей.

– Ну, я могла бы пока отдать вам кассету. Может быть, мы всё-таки встретимся?

– Давайте встретимся. А когда?

– Да прямо сейчас.

– А где?

– Давайте возле дома Владимира. Ведь он живёт рядом с книжным магазином, правильно?

– Да.

– Значит, у входа в магазин, через полчаса. Успеете?

– Да.

– Тогда до встречи!

В конце этого дня Витька был с Кирой уже на «ты». Правда, Кира всё равно называла его полным именем, и так оно и осталось навсегда. Сначала это звучало необычно, а потом Витька привык.

Кира вошла в Витькину жизнь неожиданно легко, но плотно – так, как будто там всегда было для неё место.

Просто она отлучалась за какой-то надобностью, а теперь вернулась. Через неделю она уже, не чинясь, забирала Витьку из дома, чтобы куда-нибудь отправиться вместе. Через две – дружески беседовала с Витькиными родителями, запросто могла без договорённости заявиться к Витьке домой и ждать его там, как она говорила, «до упора», иногда в течение двух-трёх часов – обычные занятия в школе уже закончились, а консультации назначались на самое разное время, и не всегда заранее. И если в подобных «уважительных» случаях она готовно проявляла ангельское терпение, то когда Витька «шлялся где-то без дела», Кира встречала его со строгим и даже немного скорбным выражением лица. Порой Витька заставал её у себя дома, помогающей маме заниматься какой-то домашней работой. И, что удивительно, маму нисколько не раздражала несколько навязчивая Кирина услужливость, хотя обычно она не была в восторге, если посторонние люди вторгались на её территорию. Отец доверял Кире заполнение учебных ведомостей. Даже кот Фома, отличающийся довольно диким нравом, и тот позволял Кире бесцеремонно брать его за шкурку и выкидывать за дверь. Только бабушка не спешила сблизиться с Кириной. Была с ней предупредительно вежливой, но и только.

В каких-то отношениях Кира была Лилькиным антиподом, а Витька не мог, конечно, удержаться от противопоставлений, хотя бы бессознательных.

Через три недели Кира пришла к Витьке с сеткой в одной руке и длинным огурцом в другой. В сетке лежали два кочана капусты.

– Ты что, Кир? – спросил Витька, открыв Кире дверь. – В магазине была? Домой идёшь?

– Нет. Наоборот, из дома. У нас в огороде капуста созрела. Вот я и принесла.

– Ну зачем ты, Кира? Не нужно.

– Это тебе не нужно, а маме твоей – очень даже нужно. Она вчера говорила, что борщ собирается варить. А огурец – для тебя.

С одной стороны, Витьку забавляло Кирино старание купить расположение мамы капустой – да его капустой и не купишь, мама не так проста! А с другой, в этом старании было что-то трогательное, и нельзя сказать, чтобы Витьке оно не нравилось. Но представить себе, что Лилька

пытается таким способом завоевать симпатии Витькиных родителей, было невозможно.

Ещё через несколько дней Витька, возвращаясь домой, обнаружил Киру за садовым столиком в палисаднике у Наташки-Змеи, непринуждённо болтающей с сидящими рядом Лидой и Мастером-на-все-руки Вовчиком. На столике стоял самовар и пустая винная бутылка.

– Привет! Уже познакомились?

На голос Витьки из дома тут же вышла Наташка-Змея с новой бутылкой вишнёвой наливки в руке.

– Ой, Витечка, заходи. А мы тут чаёвничали, теперь вот решили немножко вина выпить. Садись! Барышня твоя пришла, а ваших никого нету, даже бабушка куда-то подевалась. Вот я и позвала Киру посидеть с нами.

– Спасибо за приглашение. Как-нибудь в следующий раз. Мне ещё заниматься нужно, у меня завтра сочинение. Да и Кире не мешает позаниматься, у неё тоже экзамены.

– Я только компот пила – обиделась Кира, истолковав Витькино замечание как осуждение.

И показала Витьке стакан. Там действительно был компот, виднелись ломтики яблока.

– Да, – подтвердил Вовчик, – Кира такая девушка! Строгая, знаете ли. Лишнего себе не позволит!

Кира благодарно улыбнулась Вовчику.

Витька невольно представил себе Лилькину реакцию на подобную рекомендацию и тоже улыбнулся.

Кира моментально почувствовала, что Витькина улыбка не имеет к ней отношения, и сразу же загасила дальнейшие спекуляции:

– Ну, я пойду, Наташа. Виктор прав, надо заниматься. И надо отдать ей должное, почти сразу отбыла домой.

К тому времени и Витька успел несколько раз побывать у неё в гостях. С Кириной семьёй ему довелось познакомиться ещё в день первого свидания, когда Витька – любезно и немного церемонно от смущения – предложил Кире проводить её от книжного магазина до дома, а она – столь же любезно и церемонно – его приглашение приняла. Уже в процессе Витьке стало ясно, что провожание осуществлялось довольно кружным путём – сначала почему-то к Старому озеру, а уж потом, по дуге, к центральному проспекту, чтобы закончиться перед небольшим частным домиком в районе Кривых улиц. К этому же са-

тому месту, только с другой стороны, можно было выйти намного короче и быстрее, но в качестве поводья выступала Кира, а Витька, по понятным причинам, против удлинения маршрута ничего не имел. Впрочем, и книжный магазин, как точка для регулярных встреч, был выбран Киной стратегически удачно – туда было удобно добираться им обоим. Откуда ей было известно, где кто жил, оставалось лишь догадываться – впрочем, было понятно, что без Боба здесь не обошлось. В домике с зелёной верандой, не считая самой Киры и родителей, жила ещё и её младшая сестра-погодок Лена, с которой Кира делила комнату. Вообще-то, у четы Мариничей было трое детей, но старший сын Петя отслужил срочную службу во Владивостоке год тому назад, да так и осел там после демобилизации.

Мариничи хорошо приняли Витьку. Его даже немного смутил напор радушия, но тогда он приписал подчёркнутое внимание к себе взаимной неловкости первого знакомства. Позднее ему пришлось убедиться, что это не так. Преувеличенное и даже навязчивое гостеприимство было стилем этого дома. После третьего или четвёртого визита Витьку уже изрядно тяготило то, что у Мариничей считалось необходимым каждого гостя непременно усадить за обеденный стол. Возможно, этим объяснялось то, что Витька никогда не видел у них посторонних – должно быть, не одному ему было неудобно ощущать себя обузой для хозяев. Вскоре Витька взял себе за правило не заходить в дом, если там был кто-нибудь из родителей. Что касается обеих сестёр, то они относились к хлебосольскому кодексу более либерально.

Ещё Витьку чуть-чуть угнетало ощущение того, что отношения между ним и Киной, видимо, заранее воспринимались Кириными родителями как официальное «ухаживание». Похоже было, что и мать, и отец одобряли её выбор, но при этом Кирин отец – дружелюбный здоровяк – сразу расположил к себе Витьку бесхитростной симпатией и доверием, а вот с матерью было сложнее. Витьку не оставляло ощущение, что все его действия и мотивы, настоящие или мнимые, пропускаются ею через частое сито моральной оценки, с вынесением вердикта – хотя до поры до времени и не озвучиваемого. Впрочем, ощущение ощущением, а жаловаться, в общем-то, было не на что.

Несхожесть Киры и Лили, скорее всего, была всё же благом для Витьки, заставляя его, как уже говорилось,

в большей степени противопоставлять, чем сравнивать. А это избавляло от неприятных выводов и оценок.

Даже во внешности между ними было мало общего. Лиля – светлая, лёгкая, такая северная красавица. Кира, напротив, представляла собой южный тип: яркая брюнетка, развитая, с безупречным атлетическим сложением. Кира резко выделялась в толпе, обращала на себя внимание. Витька не однажды, гуляя с Кирой по улице, ловил устремлённые на Киру отнюдь не платонического свойства взгляды идущих навстречу мужчин, причём самых разных возрастов и сословий. Вначале это даже немного оскорбляло, особенно, если взгляд принадлежал какому-нибудь помятому соотечественнику средних лет, со следами бурной молодости на лице. Потом Витька привык, а позже это даже стало льстить – в том случае, если Кира приковывала к себе внимание мужчин из «приличного» круга.

В общем, обе красивые. Но совсем разные.

Как-то Витька и Боб болтали с Сашкой и Светой в машине – как раз в тот день, когда они вместе ездили за костюмами к Сашкиному другу-товароведу. Светка ни с того ни с сего вдруг начала философствовать:

– У каждого поколения свои эстетические идеалы. В том числе, и в отношении идеальной внешности. Это и мужчин, и женщин касается. Но мужской идеал более статичен. А женский сильно меняется. Своего рода, мода. То есть, конечно, это и от культуры, и от среды зависит, но всё-таки есть определённый тип...

– Что ты хочешь сказать? – перебил Сашка.

– Я говорю, что есть идеал внешности, и он меняется от поколения к поколению. В двадцатые годы, например, было модно, чтобы у женщин сисек не было. Вот посмотрите на тогдашние фотографии разных актрис, танцовщиц – все без сисек!

– Как это? – не понял Боб.

– Ну, не буквально, конечно! Просто считалось красивым, если у женщины плоская грудь. Поэтому женщины бинтовали торс, платья специального фасона носили.

– Ну, и к чему ты это? – спросил Сашка.

– А я вот хотела спросить у мальчишек. Во время нашей с тобой юности женским идеалом был тип «Кавказской пленницы». Такой крепкий, спортивный тип. А у нынешних, похоже, самыми красивыми считаются хрупкие девушки. Вот скажи мне, Вовка, каков сейчас женский идеал молодого поколения?

– Ай! Не знаю!

– Тыфу ты, какой бестолковый! Ну а самому-то тебе – какие девушки нравятся?

Тут Боб даже призадумался немного.

И Витька тоже подумал: «А мне? Какие мне девушки нравятся?.. Кира красивая. Но и Лилка тоже красивая. И Таня с Тоней... Ну, может, не красавицы, в академическом смысле, но обе очень хорошенькие. Хотя и совершенно разные».

– Ну так что, Вовка? – снова спросила нетерпеливая Света. – Какие тебе девушки нравятся?

– Ну, чтоб не лошади.

– Как это?

– Ну, чтоб не здоровые, как лошади, и чтоб не с лошадиной мордой!

– Вот видишь! – обрадовалась Светка своей правоте. – Значит, тебе нравятся хрупкие девушки! А тебе, Витька?

– Мне?... Разные!

– Ну, и умен же ты – не по годам! – расхохотался Сашка. – А я только недавно пришёл к этой мысли.

Света шутливо наградила Сашку подзатыльником за эту сомнительную похвалу. А может, и не очень шутливо: Сашка – тот ещё “ходок”, а Света если и не знает об этом достоверно, наверняка догадывается.

Ещё одним большим отличием между Лилей и Кирой было то, что, если с Лилей бытовые мелочи даже не замечались, то с Кирой они неожиданно вышли на первый план. У Киры было множество достоинств и умений практического свойства, и именно это, как подозревал Витька, а отнюдь не принесённая в дар капуста, обеспечивало ей мамино расположение.

Что касается далёкой от повседневности, мечтательно-артистической стороны Витькиной природы, то она нашла себе применение в открывании неискушённой в этом смысле Кире тонкостей разных музыкальных направлений. Витька чувствовал себя энтузиастом – передвижником, миссионером, посвящающим невежественных, но чистых душою дикарей в таинства новой веры.

Любопытно заметить, что до переписывания Юлия Кима так и не дошло. Витька ещё в самом начале знакомства навёл справки среди своих друзей, и через несколько

дней у него на руках было несколько приличных записей Кима. Но к тому времени Кира уже побывала у Витьки дома, порылась в его фонотеке и нашла для себя столько нового и интересного, что интерес к бардовской музыке значительно поугас. Вообще, нельзя сказать, что Кира в момент знакомства проявляла какой-то определённо выраженный музыкальный вкус, и это очень способствовало их с Витькой взаимопониманию, поскольку восторженно преподносимые им музыкальные шедевры столь же восторженно принимались благодарной Кирой.

Чего уж точно нельзя было сказать о другом. Любые Витькины философские или психологические экскурсы вызывали у Киры неудержимую зевоту и твёрдое отторжение. Что касается книг, то здесь Кира проявляла твёрдость, но, увы, не внушающую Витьке особого почтения. Кире до безумия нравилась всякая, как считал Витька, сентиментальная чушь, их книжные пристрастия едва соприкасались. На самой границе находился Экзюпери, к которому Витька относился ещё терпимо, а дальше шли уже такие «мансарды снов», что компромисс был положительно невозможен.

Но на фоне взаимного интереса друг к другу такие разногласия были не более чем досадной мелочью. Тем более, что Витька был благодарен Кире за то, что ей невзначай удалось вытащить его из глубин такой тёмной и мрачной печали, которая вряд ли бы скоро развеялась, если бы он был один. Нельзя сказать, что Витька совсем исцелился от оставленных Лилькой ран, но то, что он выздоравливал, было несомненно.

И ещё в одном аспекте Кира была совсем другой. За время, проведённое с Лилей, Витька привык к тому, что в интимных отношениях с ней, кроме единственного запрета пройти до конца, ничего не табуировалось. В сущности, даже и с этим запретом всё было не так уж жёстко, они просто договорились не торопить события – только и всего. Во всяком случае, не было никаких иррационально-сакральных табу. В их ласках, иногда шуточных, иногда страстных, ни Лиле, ни Витьке не пришлось бы в голову искать ни соответствия каким-то предписанным общественным или племенным нормам, ни отклонения от них. И, уж тем более – давать друг другу оценку на этом основании: ведь они же были только вдвоём, а прочим до их нежностей нет никакого дела!

У Киры всё было иначе. Вначале Витька даже поразился тому жёсткому отпору, который он получил невзначай вторгшись в табуированное пространство. Самое забавное состояло в том, что вторжение даже и не носило характера половой игры. Они вместе сидели на тахте, и Витька, повернувшись к Кире лицом и подогнув под себя ногу, положил ладонь на Кирино бедро. Как такое безобидное действие могло нанести ущерб её «чести и достоинству», осталось для Витьки загадкой. Он просто принял к сведению, что, оказывается, так бывает. Нет, Витька, конечно, понимал, что не всё так просто. Но, в конце концов, он ведь дотронулся не до кого попало, а до «своей» девушки, тем более, девушки, которая в перспективе претендовала на что-то большее! Это же не незнакомка какая-нибудь, и не Нина Варданын!

Следующий урок он получил чуть позднее, когда, проводив Киру домой, и расставаясь с ней возле калитки, попытался её поцеловать.

– Какой ты быстрый! Только-только познакомились, а ты уже целоваться лезешь!

Правда, всё же уступила, но, повидимому, в нарушение каких-то сроков.

Самый неприятный случай произошёл через значительный промежуток времени, когда Киру уже разрешалось обнимать и даже целовать в губы. Но вот проводить рукой вверх по бедру было категорически нельзя, а Кира пришла к Витьке в гости в такой славной коротенькой юбочке, что удержаться от этого было никак невозможно. Кира сразу же схватила Витьку за руку – так крепко, что аж запястье побелело. Витька не уступал. Кира тоже. Так прошло несколько секунд, а может, и целая минута. Из глаз Киры вдруг густо полились слёзы. Витька почувствовал себя насильником.

После этого происшествия Витька оставил все попытки наступления и перешёл в настолько глухую оборону, что даже сама Кира, похоже, пришла к выводу, что ей не стоило так уж рьяно защищать «честь и достоинство». А может быть, просто прошли все положенные сроки. Во всяком случае, Кира стала гораздо чаще провоцировать Витьку на активные действия, хотя следует признать, что даже её неуклонно повышающаяся доступность продолжала носить строго дозированный характер.

Время, между тем, шло. Начались и закончились школьные экзамены, принесся свою долю переживаний и волнений. Теперь впереди были экзамены вступительные. Новые чувства постепенно вытесняли старые, и когда Игнат принёс свою новость о приглашении на дачу, Витька обнаружил, что Лилькино имя, произнесённое Игнатом, перестало вызывать у него боль.

XXI

Витька танцевал с Таней, когда подошёл Игнат, знаками показывая, что хочет поговорить.

– Ну что там у тебя? – недовольно повернулся к нему Витька, после того, как отгрохотал последний аккорд.

– Да просто хотел тебе сказать... Бобовский папаша-то на радостях нажрался, Вовкину медаль отмечал. Там Сашка пришёл. В машину отца загружают, чтобы домой везти. Боб расстроился, домой хочет уезжать. Ты поговорил бы с ним, чтоб остался.

– Чёрт!

Вместе вышли на улицу. Авдеевский «москвич» стоял поперёк дороги, на заднем сиденье плакала тётя Валя. Вовкин отец, поддерживаемый с двух сторон Бобом и Сашкой, покачиваясь, стоял возле машины, но ни за что не соглашался в неё залезать. Он хотел праздника, а праздник так скоро закончился! Увидев Игната с Витькой, тут же полез к ним целоваться, вырываясь из рук сыновей:

– Ребята! Молодцы, ребята! Так держать! Мой-то Володька! Медаль получил, мерзавец! А мы сейчас на автобусе в ресторан поедем.

– Сергей Васильевич! – вступил Витька. – Так отметили ресторан-то!

– Как отменили??

– Да там у них авария какая-то. Тока нет. Вот и отменили. Ночь же – куда без света-то?

– Вот зараза! И что теперь?

– Да ничего. Все по домам пошли.

– Ну вот! А мы – только-только праздновать начали.

– Ладно, пап, если так, то езжайте домой – начал топтать отца Боб. – Вы же завтра с Сашкой на рыбалку собирались.

– На рыбалку?? А я не помню.

– Как обычно! – сказал Сашка. – Наобещал, а потом забыл.

– Если я обещал, то я всегда... я всегда, говорю, слово держу, я всегда....

И дальше бормотал, уже усаживаясь в машину:

– Я всегда! Если пообещал, я всегда!

Боб дёрнулся было тоже садиться в машину, но Витька ухватил его за рукав.

– Ты куда?

– Домой поеду.

– Никуда ты не поедешь. Ну, немножечко стыдно, ничего страшного.

«Москвич», фыркнув два раза, выехал со школьного двора.

Боб повернулся к Игнату с Витькой, в глазах у него позорительно блеснуло.

– Спасибо, ребята.

– Да ладно, Боб, дурак что ли? Мы же свои...

На танцплощадке, как только друзья вошли в зал, объявили белый танец.

Боба с Игнатом тут же разобрали Таня и Тоня, а к Витьке одновременно подошли сразу двое – Лилька и Аня Худоева.

Витька растерялся. Вот как неудобно получилось! У него тут же возникли две параллельные мысли:

– Ане никак нельзя отказывать. Если ей откажешь, то она подумает, что это из-за того, что она толстая и некрасивая. Она и так половину вечера в углу простояла, потому что её никто не приглашает. А если в белом танце отказать, то она совсем расстроится.

– Лильке нельзя отказывать. Если ей откажешь, то она подумает, что это из-за того, что я на неё до сих пор обижен. А я не обижен. То есть, я обижен, но я не хочу, чтобы она думала, что я обижен. В общем, ей никак нельзя отказывать.

Колетание длилось две-три секунды.

Потом Витька протянул руку Ане, а Лиле сказал:

– А следующий танец – твой! Хорошо?

Но после белого танца Лили нигде не было видно.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – Витька лихорадочно смотрел по сторонам.

Она обиделась! Он так и знал! Конечно, Лилька плохо с ним поступила, но он должен был быть выше этого. Теперь она подумает, что он не стал с ней танцевать, потому что он мстительный и малодушный. Потому что он боится с ней говорить. Потому что из-за своей обиды он не захотел её выслушать. Где же она может быть? Она не могла далеко уйти.

Витька опрометью выскочил из актового зала в фойе.

Никого. Спортзал сейчас закрыт. Если она вышла из ворот, он ещё может её догнать. Если через калитку возле спортзала, то вряд ли: оттуда тропинки идут в разные стороны, в темноте всё равно ничего не увидишь.

Пробежал до ворот. Ни справа, ни слева Лильки не было видно. Витька снова вернулся к калитке. И там никого. Значит, она уже ушла.

Витька медленно и уныло побрёл обратно. И, уже возле самого входа, нос к носу столкнулся с Лилей.

– Ты где была?

– Я тебя искала. А ты?

– А я – тебя искал.

– Ну зачем? Ты же сказал, что следующий танец – мой.

– Да. Но тебя нигде не было.

– Меня – было! Я в туалет ходила! А ты в это время исчез.

– Я испугался.

– Чего?

– Того. Что ты ушла.

– Но я же не ушла! Ну что, следующий танец – мой?

– Да.

Они прошли обратно в зал. Там гремел «Мятный твист».

– Подожди, – сказала Лиля, – сейчас будет что-то поспокойнее, и мы пойдём.

Сразу вслед за твистом зазвучала «Любовь – это больно» Назарета, и Витька с Лилей пошли танцевать.

Помолчали немного.

Потом Лиля сказала:

– Послушай, Витька. Я должна тебе кое-что сказать, но обещай меня не перебивать. Хорошо?

– Хорошо.

– Во-первых, прости меня. Я перед тобой виновата. Не в том, в чём ты думаешь, но всё равно виновата... Просто я обиделась на тебя...

– Ты? Это ты – на меня, да? Вот как?

– Ты же обещал не перебивать.

– Ладно, молчу.

– Так вот. Я обиделась на тебя. Но я не должна была.

Ведь я же старше тебя, Витька, и должна быть мудрее... А по развитию между нами – вообще пропасть! – улыбнулась Лиля. – Ну так вот... Сначала я обиделась, а потом... Потом я много думала. И я поняла, что так лучше. Это лучше, что ты не со мной. Зачем тебе лишние проблемы? Ну ладно – мои родители... Так на то ведь они и родители. А ты... У тебя столько ещё всего будет! Я даже не хотела тебе ничего говорить, но... В общем, я решила, что это будет неправильно. Что я должна тебе сказать. Понимаешь, я могла бы быть для тебя...

– Другом! Благодарю покорно! О чём ты, Лилька? После того, как...

– Опять не угадал! Я вовсе не это хотела сказать. Нет. Не другом. Я могла бы быть для тебя всем-что-ты-только-захочешь... Стоило тебе захотеть!

– Зачем ты так обидела меня, Лиля?

– Я не хотела. Ты поймёшь Я тебе сейчас кое-что покажу, хорошо? Только обещай меня безоговорочно слушаться. Хорошо? Обещаешь?

– Обещаю.

– Только твёрдо обещай, ладно? И обещай, что ты ничего не будешь делать! Хорошо?

– Что делать?

– Ничего. Потом поймёшь Так обещаешь?

– Да.

– Ну вот. Сейчас иди за спортзал. Знаешь то место, где проход узенький, а со стороны от трансформаторной будки совсем темно, потому что туда свет от фонарей не падает?

– И что?

– Иди сейчас и встань там. Только смотри, не «разми-нируй» ничего по ошибке, в это место некоторые по нужде ходят! В общем, аккуратненько идёшь туда и ждёшь.

– Чего ждёшь-то?

– Увидишь. Только ни в коем случае не выходи. Договорились?

Витька пожал плечами:

– Не понимаю, что за шпионские страсти, но ладно. Договорились.

Витька стоял, прислонившись спиной к нагретой за день кирпичной кладке трансформаторной будки. От кладки исходило приятное тепло, стоять было удобно. Только пованивало временами, когда поддувал ветерок из глухого закутка – Лилька была права. Хорошо ещё, что он ничего не «разминировал». Прошло минут семь.

Наконец, послышались голоса, на свет фонаря вышла Лиля с заметно пьяным Олежиком.

– Ну что, ты принёс?

– Принёс.

– Давай.

– Ух ты, какая быстрая! – хохотнул Олежик. – Ты мне кое-что должна!

– Я тебе ничего не должна!

– Нет, должна!

– Послушай! Давай разберёмся Ты у меня фотографию украл, так?

– Так! – осклабился Олежик. – А надо лучше за своими вещами присматривать!

– Ты мне сказал: «Выбирай, либо ты дашь мне себя поцеловать, как я захочу...

– Взасос!

– ...взасос. Либо я тебя опозорю вместе с твоим любимым Витей. Вслух, перед всеми, прочитаю эти похабные стихи. Так?

– Так.

– Ну, а я тебе ответила, что это прикасаться к твоему грязному рту мне – позор. А стихи мне – не позор! Что я лучше при всех с ним в постель лягу, чем буду с тобой по тёмным углам целоваться. Так?

– Ну, так.

– И тогда ты прочитал стихи. Так?

– Так.

– А потом ещё и сбежал с фотографией.

– Ну и что?

– Ну и всё. Гони фотографию! Ты сказал, что сегодня мне её отдашь.

– А условия уже изменились! – захихикал Олежик. – Да и фоткой я давно подтёрся и в унитаз её спустил! Так что уймись. Лучше иди-ка сюда, моя лапочка!

Олежик схватил Лилю за руки, стал притягивать к себе.

Витька выскочил из-за будки. Рывком, за шиворот, дёрнул Олежика назад.

Олежик от неожиданности выпустил Лилю, обернулся:

– Оба-на! Какие лю-ю-юди! Наш Ромео!

Витька прыжком ринулся к Олежику, но достать его так и не смог. Олежик с неожиданной для пьяного резвостью отскочил к трансформаторной будке, а сзади в Витьку уже вцепилась Лиля.

– Ты обещал! Не пачкайся об него!

Олежик издали глумливо и пьяно захохотал, отбежав на безопасное расстояние, издевательски крикнул:

– Ромео! Трёшь её, Ромео? А мы тоже хотим!

Витька опять рванулся. Затрещал рукав.

– Пусти! Пусти, Лилька!

Но Лилька только крепче ухватилась за Витьку, а всё ещё смеющийся Олежик вдруг согнулся пополам, как будто его ударили в живот. Его начало рвать.

– Я же тебе говорила – только испачкаешься! – не потеряла чувства юмора Лиля. – Всё! Успокойся! Оставь ты эту падаль, пошли отсюда.

Они обошли здание спортзала кругом и остановились под старым дубом.

– Почему ты мне не сказала?

– Я пыталась тебе сказать. Помнишь, на следующий день.

– Лилька, это нечестно.

– Я тоже обиделась. Я ведь тоже маленькая, Витька. Я обиделась. Просто ты... Вот ты знаешь сам о себе, как ты чувствуешь и как поступаешь. И ожидаешь, что и другие непременно будут поступать в точности так же. Но это неправильно... Думаешь, мне было хорошо? Мне тоже было неприятно. Но я смеялась над ними, хотя мне было больно. Только знаешь, что я тебе скажу, Витька? Это лучше. Потому что я не показала им своё слабое место. Потому что, если ты покажешь им своё слабое место, они всегда будут стараться туда ударить... А ты... Ты просто не понял меня. Но это – ладно. Ты мне не поверил, вот что ужасно. Ты подумал, что я могу тебя предать, ведь так? Но я всё равно должна была тебе объяснить. Наверное, нужно было сказать сразу... Но я рада, что объяснила хотя бы теперь... А потом... если честно, то ты, наверное, и сейчас кое-чего не поймёшь. Знаешь, почему я не стала искать с тобой

примирения? Всё потому же. Потому что я подумала: раз я обречена, зачем тебе это? Ты не заслужил такого... Поэтому я исчезла... Потому что я тебя люблю...

Витька порывисто обнял Лилю.

– Лилька... Ведь можно ещё всё исправить.

– Может быть. Только давай не будем торопиться.

К тому же завтра я улетаю в Новосибирск. Поступать.

– Ты же не хотела никуда поступать?

– Не хотела. Но потом подумала: ну и что с того, что я не проживу долго? Все люди когда-то умирают. И даже если бы люди жили вечно... Вообще, в жизни есть какой-нибудь смысл? А если смысла нет, то чем длинная или даже вечная бессмысленная жизнь лучше короткой? В общем, я решила: пока живу, буду играть во все эти игры...

– А почему Новосибирск?

– По трём причинам. Во-первых, там есть хорошая гематологическая клиника. Во-вторых, у меня там тётя. А в-третьих, декан университета – папин сокурсник.

– Понятно. А как же мы с тобой?

– А мы с тобой... В принципе, я своего мнения не изменила и считаю, что не должна портить тебе жизнь. Но давай не будем торопиться. И не будем прощаться навеки. Вот через год – а может быть и раньше – мы с тобой увидимся. И тогда решим, чего мы хотим. Всё, что бы мы сейчас ни сделали – будет сделано наспех. Я так не хочу. И тебе нужно отвыкнуть от меня...

– Но зачем?

– Затем. Затем, что я хочу, чтобы ты был свободен. Давай, ты проживёшь этот год так, как будто меня у тебя нет. А я – так, как будто ты у меня есть. Мне это нетрудно, мне всё равно никто не нужен, кроме тебя.

– А Артур?

– Ой, Витька! Ну, Артур. Ну, ходит за мной такой Артур. Я тебе о серьёзных вещах говорю, а ты о какой-то ерунде... Артур какой-то!.. Я же тебя люблю... Ну, причём здесь Артур?

Лилька притянула Витьку к себе, поцеловала в губы.

– А как ты жила всё это время?

– Да по-разному, Витька. Сначала – плохо, потому что без тебя. Потом лучше – потому что поняла, что всё равно с тобой, даже если и без тебя... А на бытовом уровне... Ну, немножко огорчала маму с папой поначалу. Здорово поку-

ролесили с Максимом. А потом я в больницу попала... Серьёзно так попала – хуже, чем обычно.

– Что случилось-то?

– Месячные как-то неправильно пошли. Шли, шли, кровотечение открылось... В общем, чуть не попрощалась со всеми... Но всё закончилось хорошо.

– Ну, понятно... – сказал Витька вслух, а про себя добавил: «Понятно теперь, откуда эти сплетни про подпольный аборт».

– А теперь – давай просто постоим молча. Обнимем друг друга и постоим. Я сто лет мечтала, как я положу тебе голову вот сюда, между плечом и ключицей – и мы просто постоим с тобой вместе.

– Это что здесь происходит? – раздался вдруг звеняще-визгливый голос, показавшийся Витьке знакомым.

Витька обернулся.

– Кира? Откуда ты здесь?

Лилька тоже смотрела на Киру. Кира – руки в боки – стояла в воинственной позе.

– Девушка твоя? Красивая! Правда, со вкусом у тебя всегда всё было в порядке, – засмеялась Лиля. – А ты приглашай её с нами на дачу, места всем хватит. Ну, познакомь же нас.

И протянула руку Кире:

– Меня Лилей зовут.

Кира, не меняя позы, снова спросила:

– Виктор, что здесь происходит? Я тебя спрашиваю!

Витька обернулся к Лиле:

– Лилька, ты извини уж...

– Я тебя спрашиваю! Почему эта дрянь на тебя вешается?

Витька виновато сказал Лиле:

– Лилька, похоже, поездки на дачу не получится.

– Похоже, так.

– Ладно, ты ступай... Хорошо? Я тут разберусь.

Кира снова повторила:

– Объясни мне, почему эта дрянь на тебя вешается?!

Витька повернулся к Кире:

– Слушай, иди домой, а?

И тут же сам зашагал к Кириному дому. Кира догнала, пошла за Витькой, отставая на шаг позади. Сегодня Витьке совсем не хотелось провожать Киру. Но такая ночь... Везде выпускные, на улице пьяных полно... Витька не хотел, чтобы по его вине с Кирой случилось что-то пло-

хое. Всё так же молча, они дошли до Кириного дома. Витька, не глядя на неё, бросил на прощание:

– Пока.

Когда он вернулся домой, уже чуть светало.

Тем эта сказочная ночь и закончилась.

XXII

Поздним утром Витьку всё-таки сморило прямо за кухонным столом. Он вовсе не собирался спать – да вроде бы и не хотелось. Наоборот, налил себе крепкого чаю, чтобы взбодриться, но из-за чувства усталости и какого-то опустошения так и не смог до конца прийти в себя – сил хватило только на то, чтобы неподвижно и тупо смотреть, как по столу цепочкой ходят муравьи. Странно, раньше он всегда считал, что муравьи не работают ночью, только днём. Почему он так думал? Наверное, потому что маленьким читал сказку о том, как муравьишка домой спешил. «Солнце скроется – муравейник закроется!» А может быть, для них сейчас уже утро? Или – кто ж их, муравьёв, знает – может, они начинают работать ещё затемно? Муравьи шли, не отклоняясь ни на шаг, по какой-то своей невидимой дороге, пересекая стол туда и обратно в двух противоположных направлениях, а потом направлялись куда-то дальше. Было непонятно, откуда они шли и куда – вроде бы, нигде не было видно ничего съедобного, хотя бы для муравьёв. Да и в челюстях они ничего не несли ни в том, ни в другом направлении. Впрочем, ставить энтимологические эксперименты и проверять догадки Витьке сейчас не хотелось. «Интересно, – подумал Витька, – если бы можно было сейчас остановить одного из муравьёв и спросить его, куда он идёт и зачем, то что бы он ответил? Знал ли бы он? Или его просто прёт куда-то, а он и сам не знает, куда и зачем?»

В доме было тихо, уютно и тепло, но Витьку познабливало, перед тем, как он заснул – давало о себе знать взбудораженное, но одновременно, бесчувственное состояние последних часов длинной и бессонной ночи. Снилось Витьке что-то светлое и приятное – может быть, оттого, что выглянуло солнце, и прямо на его лице и глазах качались блики и кружевная тень от листвы растущего перед окном кухни персикового дерева. Зато первым осмыслен-

ным чувством после пробуждения было резкое по контрасту ощущение глухой тоски, едва только к Витьке вернулось осознание всего, что произошло накануне. Хотя, вместе с тем он чувствовал и облегчение.

На нём столько времени лежала тяжесть ссоры с Лилей, что он свыкся с ней и даже ощущал её как данность, а оказывается, без неё – так свободно дышится! Но, с другой стороны, не успел он освободиться от этой давящей тяжести, не успели они помирились, как возникла новая обида, унижительная для всех, включая уже и Киру. Ну почему, почему всё так по-дурацки сложилось?

Да, Лиля уезжает. И сказала, что наспех возвращаться к прошлому она не хочет. Увидятся они, скорее всего, ещё не скоро. Но зачем же они так скверно расстались? Лилю последнее впечатление будет не из приятных. И ужасно стыдно перед ней за Киру, хотя и Киру жалко. Его бы тоже, наверное, задело, если бы он увидел Киру обнимающейся с кем-то под старым дубом. Получается, что на этот раз даже винить некого, кроме самого себя. Хотя и Кира тоже! За каким чёртом её принесло? Он не хотел ранить её чувства, но разве у него был выбор? Нет, он всё-таки должен был найти какие-то слова, чтобы разрядить напряжение, а он не успел. Теперь ни Лиля, ни Кира не захотят его больше знать. И будут правы! Его отсутствие на даче тоже, конечно же, было всеми отмечено и обсуждено, хотя это уже мелочи. Ну, что ж...

А с другой стороны, нет смысла погружаться в рефлексию – всё равно не поможет. Нужно взбодриться и заняться делами. Он обещал родителям переклеить обои в мансарде. Вот этим он и займётся!

Но, несмотря на решимость, день прошёл бездарно и вяло, ничего не хотелось делать, никого не хотелось видеть. Вчера Витьке было жаль, что родители в отъезде, а сегодня он даже рад был, что не нужно изворачиваться, избегая навязчивое внимание. Вдвоём с бабушкой проще: она никогда не спрашивает Витьку, если только он сам не захочет ей о чём-то рассказать, а в то же время Витька ощущает её молчаливое сочувствие и поддержку. Вот и сегодня она горестно повздыхала, но не стала приставать с расспросами, зато сварила Витькину любимую рисовую кашу с тыквой.

До самого вечера в сознании булыжниками перекатывались те же тяжёлые мысли. Ночь пришла как спасительница.

Наутро Витьку разбудил собачий лай. Напрасно говорят, что животные лишены второй сигнальной системы. А вот и нет! Во-первых, мы не знаем, насколько информативно их общение между собой внутри одного вида. Может быть, они способны обсуждать серьёзные философские проблемы, кто знает? А во-вторых, даже в том, как некоторые из них общаются с нами, присутствует такое огромное множество оттенков – только умей их услышать и понять!

Вот и сейчас, лохматое дворовое существо по имени Брутик, с виду напоминающее собаку неизвестной породы, лаяло не просто так – обыкновенным, басистым лаем, как положено делать, когда приближаются неизвестные нарушители границы. Нет, Брутик лаял громко, но немножко подвизгивая, что на Брутиковом языке значило, что пришедший не живёт в этом доме, но его обитателям прекрасно известен, что между ним и обитателями существуют дружеские отношения, и что даже ему, Брутику, пришедший очень и очень симпатичен, хотя должен бы внушать некоторые подозрения, учитывая его этнические корни.

И действительно, выглянув за дверь, Витька увидел возле калитки Игната.

– Заходи, Игнат! – крикнул Витька. – Брутик, нельзя!

Игнат, как оказалось, пришёл не с пустыми руками. Из холщовой сумки с надписью на русском языке «Дип Пёрпл» и расплывчатым изображением волосатых гитаристов были извлечены копчёный сазан, упаковка пива «Кофф», четыре бутылки пива местного производства, и, наконец, торжественно извлечена была и передана Витьке в руки литровая банка корейской приправы из капусты – кимчи.

– Кимчи – это мама для родителей твоих передаёт.

– Ага, спасибо. Родители сейчас всё равно в отъезде. А остальное?

– Я и сам знаю, что в отъезде. Ну, приедут же! А «Кофф» – тебе от Лильки. Бутылочное пиво мы с Бобом купили. Потому что одного «Коффа» – мало.

– Кому это мало?

– Ну, на нас, на троих – мало. Ты же не будешь один, как куркуль, финское пиво пить, правильно? А местным будем запивать, когда опьянеем, и вкус притупится. Это, Витька – представь себе! – в Библии написано, что так нужно делать. Ну, в смысле, что после того, как гости око-

сеют, незачем на них лучшее вино тратить, можно уже и всякое говно подавать. Мне богомолец один говорил. Мудрая книга!

Игнат сделал паузу, назидательно подняв указательный палец, и затем продолжил:

– Ну, или наоборот. В смысле, я этого финского пива не пробовал никогда – может, дрянь какая-нибудь. Тогда мы будем им запивать наше местное пиво, когда вкус притупится. Потому что наше-то пиво – точно хорошее. А сазана этого мы возле верхнего базара купили. Вчера, когда с дачи возвращались. Смотри, какой сазанище! Жирный, как поросёнок!

– Какой же ты болтун, Игнат! Ты мне лучше другое объясни – вы что это, собрались у меня пиво пить, я правильно понял?

– Ну да, а что? Родители у тебя в отъезде, ты сам знаешь. А финское пиво тоже ведь не оставишь у тебя просто так. Хоть ты и порядочный человек, а соблазн! Боб тоже сейчас придёт – с минуты на минуту.

– Это вы с самого утра, что ли, настроились здесь бухать? И кому из вас пришла в голову столь гениальная идея?

– Да, вот и я тоже – говорю ему: «Боб, может, после обеда придём?». А он – ни в какую. Дескать, ты тем временем можешь делами какими-нибудь заняться, а тут – мы с пивом. Получится неэтично. Дескать, надо с утра. Тогда уж точно Витька и отвлечься не успеет на какую-нибудь ерунду, и спешить не надо: впереди-то целый день! Мы и Лильке так сказали. Лилька-то! Ту-ту! Уехала уже.

– А ты сам разве не сегодня едешь? Или сразу же после пива?

– Ой, Витька, тут у нас полная рокировка произошла, как сказал бы наш гроссмейстер Панайот. Нет, не сегодня. Вообще не еду! Остаюсь. Но об этом – потом. Вот Боб придёт, у него все сведения из первых рук получишь, потому что это он меня отговорил. А Лилька тебе ещё кое-что на словах просила передать, вместе с пивом.

– Что? – разволновался Витька.

Игнат задумался.

– Не помню... Честно говоря, это уже после водки было. Если бы до, то я бы точно помнил. А вот после... Она даже написать хотела, но я сказал, что не надо. Что на словах тебе передам.

– Какая же ты скотина, Игнат! – расстроился Витька.

– Ну вот, сразу обзывать! Да помню я всё, просто ведь нужно тебя поддразнить немного. В общем, она сказала...

– Ну!

– Не нукай, не запряг! В общем, она сказала, чтобы ты не переживал. Что она всё понимает. И не обижается, что ты на дачу не поехал. Что у неё ничего не изменилось. Ну, в смысле, она к тебе относится, как раньше, и всякое такое.

– И всё?

– Почти. Ещё непонятное говорила, но я запомнил, ты не думай. Я тебе точно её слова передаю, как под копирку. Хотя и непонятное.

– Да говори ты уже!

– Она сказала, что сейчас ты это всё равно вряд ли сможешь осознать, но, вроде, позже тебе будет понятнее. Ну, чтобы ты особо не переживал. Ей, говорит, не важно, что там у тебя с другими, и не потому, что ты ей безразличен, просто придавать этому значение – не что иное, как суетность. Клянусь, так и сказала! Это, говорит, суетность – придавать преувеличенное значение отношениям с теми людьми, которые и сами-то по себе ровно никакого значения не имеют – во, как завернула! Это, мол, такая несущественная чепуха, что тебе самому потом будет смешно. Ещё она сказала, чтобы ты свою девушку не обижал и не ссорился с ней из-за Лильки. Просто, говорит, не нужно никого обижать, все люди несчастные, зачем делать их ещё несчастнее? Но и чрезмерно беспокоиться по этому поводу – тоже не стоит. Не все, мол, величины – равновеликие. Это, говорит, как Артур. Вот тут я совсем не понял, Витька. А кто такой Артур?

– Неважно! Что ещё говорила?

– Да вроде бы, больше ничего. А! Ещё сказала, что всё будет, как ты хочешь.

– Что именно?

– Ну, этого я не понял. Сказала, будет, как ты хочешь. И больше ничего. Я так понял, что когда вы встретитесь. Но, может, я что-то и неправильно понял.

– А она тебе это в каком состоянии говорила?

– В каком смысле?

– Ну, я не знаю. Может, не в себе была, может взволнованная? В истерике. Пьяная. Какая?

– Да нет, она вообще ничего не пила. Ну, вроде как – хозяйка дома. Чтоб всё было тип-топ. Вообще, тихая была.

Ну, знаешь, она обычно такая... ну, раскованная, что ли. А тут – тихая. Грустная, можно сказать.

– Понятно. А как там, вообще, было?

– Да нормально, даже хорошо. Приглашали-то всех, но многие не поехали. Так что хорошо получилось, из нашей компании почти все были. Тихо, мирно. Кайрат, правда, почти сразу вырубился. Но он ещё на вечере хорошо врезал. Мы его заперли в сарайчике. Спать положили, да и заперли. Кайрат потом, уже к обеду, очнулся – и не поймёт, где он. В сарайчике есть окошко, но оно не на дом выходит, а к реке. Он – нас не видит, а мы – его. Он постучал-постучал в двери, а из дома же не слышно! Тогда он начал орать, только тут мы его и освободили. Ну, а вскоре после того – уже и домой поехали. Кайрат, конечно, обиделся. Я, говорит, как узник, просидел в клетке, а вы все сволочи. А мы говорим, мол, кто ж виноват, что ты так нажрался? А он...

Брутик опять зашёлся подвизгивающим лаем.

– Ну, вот и Боб пришёл, – оживился Игнат, – тащи стаканы!

Боб, войдя во двор, первым делом встал на четвереньки, побратался немного с Брутиком, который радостно насканивал на Володьку, лизал ему нос и щеки. Пообщавшись с собакой, Боб встал на ноги, степенно поздоровался с Витькой и Игнатом. Потом вернулся назад к Брутику.

– Ах ты, мой красавец! Чистый енок! Хорошая из тебя шапка выйдет, – приговаривал Боб, трепля Брутика, – хорошая!

– Так! – вышел из терпения Игнат. – Вы – как хотите, а я начинаю пить пиво.

– Ладно-ладно! Иду! – заторопился Вовка. – Вот только Брутиковых микробов с рук смою.

– Рожу не забудь умыть, он тебя облизал всего!

Наконец, расселись у Витьки в комнате за старым чертёжным столом.

– Рассказывай, Боб! Тут Игнат сказал, что ты его чуть ли не с поезда снял. Что случилось?

– Вот именно, случилось! В этом году в технологическом будут проводить набор студентов по обмену. Только что стало известно.

– То есть?

– То есть, поступаешь здесь, а учиться едешь в Ленинград. Или в Москву. Всего – пять разных вузов.

– И что?

– И всё. Поступаем в технологический, а едем учиться в другие институты. Тебе, кстати, тоже советую.

– Ну, не знаю... Я никуда не хотел из дома уезжать.

– Да я-то тоже не собирался, вроде. Но ведь тут дело такое. Ты регистрируешься. Поступаешь, если повезёт. А потом – решаешь. То ли ехать, то ли оставаться. В сущности, ты поступаешь в два института, вместо одного. А дальше – выбирай. Чем плохо?

– Но ведь Игнат-то не хотел здесь поступать?

– Не хотел. По глупости. Вернее, даже не так. Он просто хотел подстраховаться. В универе экзамены в июле, а у нас, в технологическом – в августе. Не получится там, значит, пересдаёт здесь. Ведь так, Игнат, правильно излагаю?

– Так, так. Но учти: по моей схеме всё же есть возможность сдавать два раза. А если поступать здесь, то – либо пан, либо пропал. Так что я сомневался, может, и не стоит? Но Боб меня уговорил. Хотя он хитрый, гад! Меня сразу же к моим предкам потащил, за санкцией, а сам для себя ещё ничего не решил. Я у него, как подопытный кролик.

– А вот и неправда! Просто ты понял, что ничего не трясешь. Проходишь отсеб по проходным баллам на несколько институтов, вот и всё. Ну да, согласен: у тебя только один шанс сдать экзамены, вместо двух. Зато сразу пять институтов, чем плохо? А потом – сколько времени освободится! Приём документов начинается со следующего понедельника. И регистрация по межвузовому обмену тогда же. А начало экзаменов – только в августе. Почти месяц каникул. Ну, плюс-минус. К экзаменам-то тоже нужно подготовиться. Но всё равно. А к предкам потащил, потому что тебе нужно было срочно билет сдавать!

– Боб! А почему тогда Игнат говорит, что ты сам ещё ничего не решил?

– Да решил я всё! Просто я дома пока не рассказывал, хотя и надо бы, конечно. Наши-то думают, что я здесь останусь. Но у отца с матерью как раз очередная холодная война в разгаре, даже не говорят друг с другом. К ним сейчас лучше не соваться. Ничего, через день-два всё успокоится. У них цикличность хоть и частая, но, к счастью, короткая.

– А из-за чего?

– Да всё ещё из-за выпускного. Мама специально платье сшила, чтобы всех поразить, а вместо ресторана пришлось ехать домой, папашу спать укладывать. А кстати! Вы приходите ко мне вечером, как раз и устроим

заседание великого народного хурала. Вы же знаете: они вне семейного круга мирные, при вас не станут показывать, что в ссоре.

– Хорошо, придём. Придём, Игнат?

– Конечно! Мы же не бросим друга в бидэ! А что за хурал такой?

– Дремучий ты, Игнат! Хурал – это парламент Монголии. Ладно, со мной разберёмся. Ну, а ты, Витька? Присоединяешься к нам с Игнатом? Будешь регистрироваться для межвузового обмена?

– Надо подумать.

– Подумай. Только там есть одна деталь, не очень хорошая, но я тебе заранее должен сказать. Тех, кто не наберёт проходной балл для обмена, здесь будут рассовывать на такие факультеты, где окажется недобор. В смысле, выбор, может быть, и будет, но узкий. На строительный – уже точно не попадёшь, там всегда конкурс.

– Да? Но я-то как раз на строительный собираюсь поступать!

– Вот поэтому я тебя и предупреждаю.

– А наше пиво всё-таки лучше! – сменил тему Игнат. Оставим-ка этот заморский продукт на потом. Как Библия учит!

Вечером Витька с Игнатом постучались в дом к Бобу. Дверь открыла тётя Валя.

– А, мальчики, заходите! Идите сразу во времянку, Володя там.

Оказалось, что домашняя часть заседания уже закончилась. Теперь Боб проводил выездную сессию хурала у Сашки со Светой.

Отец с матерью приняли возможные перемены в Вовкиной судьбе доброжелательно, отец Вовку даже похвалил:

– Конечно, сынок! Кому в столичных институтах учиться, если не таким, как ты? Ты у нас такой молодец, умница, медалист! Ты у нас ещё академиком станешь, дайте срок!

А вот во времянке единодушия не было. Когда вошли Витька с Игнатом, там как раз разгорался спор. Хотя межвузовый обмен был одобрен единогласно, дальше пошли разногласия.

– Молодец, Боб, правильно! – сказал Сашка. – Столичный диплом – хорошая вещь, это я по себе знаю. Вернётся – легче будет по служебной лестнице шагать.

– Больно надо ему назад в нашу глушь возвращаться!
– возразила мечтающая о «светской жизни» Светка, – он не такой тюфяк как ты, может, зацепится там. Может, и мы потом к нему переедем.

– Почему это я тюфяк? – обиделся Сашка. – Меня, между прочим, во «Внешторг» распределяли! Я себе целевое направление с металлургического комбината сделал, чтобы назад приехать, а от «Внешторговского» распределения отказался.

– Вот потому и тюфяк, что отказался!

– По-твоему, лучше в каком-нибудь «Заполярье» жить? «Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка. Холод, слизь, дожди и тьма...» Я пять лет в Москве прожил, пока в институте учился, да до этого два года под Рязанью – в армии. Меня туда больше калачом не заманишь!

– Ага, по-твоему, лишь бы тепло было. А что мы в глуши живём – на это тебе наплевать!

– Да какая глушь? Полумиллионный город! Вузы, НИИ союзного значения, промышленность. Что тебе ещё нужно? Мавзолей? Что там такого, чего бы здесь не было?

– Много чего. ВДНХ, Звёздный городок, Дворец спорта. А культура? Что у нас есть, кроме филармонии да задрипанного драмтеатра? Заводские клубы? А там – Большой театр!

– Вон, КСП твой есть.

– Вот именно, КСП! Может, я в него и не ходила бы, если б у нас было что-нибудь получше.

– А люди у нас какие! Да ты знаешь, что здесь люди, в среднем, в сто раз культурнее?

– Вот именно, в среднем! А назови мне хоть одного выдающегося деятеля культуры.

– Пожалуйста! Майя Плисецкая, Бахыт Кенжеев.

– Ладно. Допустим, Плисецкая. А кто такой Бахыт Кенжеев?

– Тёмная ты, Светка! Тебе твой КСП весь художественный вкус отбил! Бахыт Кенжеев – замечательный русский поэт. Недавно в «Юности» публиковался.

– Что-то я не знаю таких поэтов. Особенно замечательных. Особенно русских поэтов с такими именами.

– Этак ты, Светка, и Пушкину откажешь в звании великого русского поэта. Ведь арап! «Потомок негров безобразных», как он о себе писал.

– Причём здесь Пушкин? Ладно. Что мы будем из-за одного поэта мелочиться? Пускай. Ты мне вот что скажи. Плисецкая и этот твой, как его – Киндеев – где живут?

– В Москве.

– Вот то-то и оно!

– Хорошо, хорошо, согласен. Боб, ты собираешься становиться солистом балета?

– Неа.

– А космонавтом?

– Неа.

– А кем?

– Инженером.

– Значит, тебе Звёздный городок и Большой театр – как рыбке зонтик! А балет и полет Терешковой на Луну можно и из дома посмотреть, по телевизору.

– Невежественный ты, Саша, человек, вот что я тебе скажу! – поджала губы Светка.

– Ладно, хватит уже, горячие эстонские ребята! – выступил, наконец, в роли арбитра Вовка. – Мне ещё сначала поступить нужно, да институт закончить. Вот тогда и доспорим.

– Да ну её! – никак не мог успокоиться Сашка. – «Невежественный человек»! Сама здесь всю жизнь прожила, другие города только на картинке видела. Что, не так? А туда же! «Златые горы» ей мерещатся вдаль. Миражи это всё, Светка, миражи! Там хорошо, где нас нет!

– Вот это хорошо бы! – окончательное обиделась Света. – Вот уйти бы сейчас куда-нибудь, где вас нет!

– Ладно, ладно! – обнял её Сашка. – Не сердись. А давайте лучше чай пить? С парвардой. Светка, где у нас парварда?

– Не будет тебе никакой парварды. Сегодня к Вовке Женья приходила, пирожные принесла. Будем с ними чай пить.

– Уй! Вы мне про эти пирожные – даже не говорите! Я их уже пробовал!

XXIII

Несколько последующих дней были заняты скучными хозяйственными делами и всяческой повседневной суетой. В доме закончились чистые полотенца, и Витьке поневоле пришлось устраивать большую стирку, которую он

до сих пор успешно откладывал. Ещё он переклеил, наконец, обои в мансарде, а самое главное, сдал в институт документы для поступления на строительный факультет – как и собирался с самого начала. Витька всё же решил не регистрироваться для межвузового обмена, хотя и не без некоторых сомнений. Он взвешивал все возможные варианты, но в отсутствие очевидного решения постарался мысленно отключиться как от азарта, так и от чисто рациональных соображений, чтобы честно спросить себя – а хочет ли он куда-нибудь уезжать из дома? Оказалось, что нет. А раз нет, то и нечего морочить голову себе и людям!

Дважды сходил в Пионерский парк повидаться с бывшими однокашниками, но, по мере того, как редели их ряды, встречи становились всё малочисленнее, а теперь, похоже, и вовсе изжили себя. В последний раз их оказалось всего трое – кроме самого Витьки были только Боб с Игнатом. А они и без расписания видятся по несколько раз в неделю.

Иногда Витька думал о Лиле, но почти не вспоминал о Мальвине–Кире. Правда, ему неожиданно напомнила о ней соседка, и довольно странным образом. Витька собирался было приготовить себе дежурное холостяцкое блюдо – яичницу, но, уже обжаривая лук, обнаружил, что в холодильнике осталось всего одно яйцо. Тогда он решил быстренько сбежать к Наташке-Змее. Сковородку с огня не стал убирать, рассчитывая через минуту-другую вернуться, только флажок горелки поставил на минимум.

Наташка открыла ему дверь заплаканная.

– Что случилось, Наташ?

– Всё нормально. Ты за яйцами?

Быстро отсчитала десяток яиц, взяла деньги.

– Наташа! Может быть, тебе помощь какая-нибудь нужна? Ты не стесняйся...

– Да какая тут помощь, Витька?

Наташка шумно задышала, сдерживая слёзы, крылья носа у неё покраснели.

– Какая помощь, Витька? Не получается у меня с Колей. То есть, с детьми не получается, а Коля меня во всём винит. Уже заводил разговор о разводе. Да ладно! Что тут сделаешь? Сказал, ещё полгода подождём, а там видно будет.

Витька, впервые столкнувшись с такой ситуацией, растерялся, не зная, что ему сказать.

Поэтому он глупо повторил:

– Наташ... Ну, если тебе что-то нужно, ты говори. Ты же знаешь, если я смогу, то я всегда...

– Ой, Витька! Хороший ты. Жалко, что маленький таковой, – вдруг рассмеялась Наташка.

– Ничего я не маленький!

– Ладно, не маленький. Просто хороший. Ну, хватит об этом! Ты мне вот что скажи. Помирился, что ли, с барышней своей?

– Почему это «помирился»? А откуда ты знаешь, что я сорился?

– Да что тут знать? Что я, слепая? То каждый день сюда бегала, а то уже почти две недели как носу не кажет.

– А почему «помирился»?

– Ну, видела я её здесь вчера, вот и подумала.

– Да нет, не было её. Может, ты обозналась?

– Ну да! Она девка видная, не обознаешься. А что, она не приходила к тебе?

– Да нет же! Не приходила.

– Интересно, интересно... А вот скажи-ка ты мне...

– Чёрт! У меня же там лук жарится!

Витька метнулся назад домой. В кухне, полной дыма, бабушка, ворча, отмывала сковородку:

– Холера! Включил огонь, а сам убежал. Смотри, что со сковородкой сделалось!

– Прости, бабушка. Виноват! Я думал, я быстро! Одна нога здесь – другая там.

– А вдруг бы пожар? Газ взорвётся – вот и будет тебе «одна нога здесь – другая там!» Будем потом твои ноги по всему огороду собирать.

– Бабушка, ну чего ты! Не ворчи. Я исправлюсь.

Витька подошёл к бабушке, обнял её сзади, поцеловал в макушку.

– Уйди, окаянный! Мыть мешаешь!

Потом смягчилась:

– Ладно, иди уже! Делай свои дела. Я тебе сейчас картошки пожарю. Будешь картошку жареную есть? С кефиром.

– Буду.

– Ну иди. Я позову.

Витьке не хотелось уходить.

– Давай, я лучше картошку почищу пока.

– Ну почисти.

Витька начал чистить картошку и вдруг, вот в этот самый миг, почувствовал, что ему очень хочется увидеться

с Кирой. Хотя, казалось бы, какая ассоциативная связь может быть у Киры с картошкой? Скорее уж, с огурцом! Впрочем, Наташка, наверное, ошиблась, не было здесь никакой Киры. А Наташку-Змею жалко. Её Коля – кремень! Если уж он решил, то наверняка разведётся. Бедная Наташка! Она же не виновата, что у них нет детей...

Кроме этого небольшого происшествия, больше ничего интересного в последнее время не происходило. Правда, совсем неожиданно, раньше назначенного срока, приехали родители. Операция у тётки Люси прошла неудачно, врачи ей сказали, что через четыре недели нужно оперироваться вторично. Значит, теперь приходилось возвращаться домой, договариваться на работе о переносе отпуска и вновь ехать в Киев. А что делать? У тётки близких родственников больше нет...

Только с приездом родителей Витька понял, насколько спокойной была его жизнь вдвоём с бабушкой. Родители, конечно же, сразу поняли, что произошли крутые перемены. Уже на второй день пристали к Витьке с расспросами. Где Кира? Почему Кира не приходит? Вы не поссорились? Пришлось Витьке, с купюрами и недомолвками, рассказывать родителям, что произошло. И это, наверное, было с его стороны недальновидно. То обстоятельство, что Витька излагал не полную историю, породило целую серию новых предположений и догадок, особенно у мамы. Витька чувствовал, как с каждым новым вопросом мамина версия событий всё больше отклоняется от действительности, но никак не мог её переубедить. Постепенно он понял, что следовало либо уж говорить начистоту, либо, вообще, не давать никаких объяснений. Начистоту не хотелось: то, что произошло, было чересчур личным. Оставалось молчать, но, увы, и молчать теперь было слишком поздно. После того, как скелет истории уже обрисовался, оставалось только дополнять его всё новыми деталями или оснащать догадками. Что было неприятнее всего – родители заранее приняли сторону Киры и не хотели внимать ничему, что противоречило бы их логичной и стройной версии событий. То, что эта версия мало соотносилась с реальностью, их, кажется, совсем не волновало. В конце концов, мама потребовала, чтобы Витька немедленно шёл к Кире и чуть ли не на коленях вымаливал у неё прощение. Этого Витька уже не стерпел.

– Никуда я не пойду! Если я в чём-то виноват, то и она виновата не меньше!

– Вот не думала, что я воспитала такого бессердечного эгоиста! Неужели ты не понимаешь, как Кирочка к тебе относится?

– «Кирочка»!... Мама, хватит меня пилить! Это, в конце концов, невыносимо. Я сам разберусь в своих делах.

Нотации прекратились, но Витьке всё равно казалось, что в доме установилась атмосфера осуждения. И тогда он вспомнил про Искплататора.

XXIV

Искплататором звали дядю Игната по материнской линии. Настоящее его имя было Павел, а Искплататором его прозвал Игнатовский отец. Дело в том, что Павел занимался выращиванием лука по подрядам. Приобретал за щедрю плату землю в аренду у колхозов, сколачивал бригаду бичей, и, бывало, за сезон зарабатывал по пять-шесть тысяч рублей. Правда, не богател. Был Павел холостым, жизнь по окончании лукового сезона вёл разгульную, большую часть денег проигрывал в карты, а остатки – пропивал с «друзьями» и «подругами». Справедливости ради, заметим, что иногда он даже знал, как зовут некоторых из его «друзей». Но не всегда.

К концу зимы деньги обычно кончались, друзья и подруги исчезали кто куда, а Павел прибивался к сестре и зятю – до начала нового сезона. За всё это, а больше всего за то, что Павел нанимал бичей, Игнатовский отец назвал его однажды Искплататором. Потом ещё раз. А потом в доме у Игната иначе, как Искплататором, Павла уже и не называли. Бездетный Искплататор души не чаял в племяннике. Когда были деньги, щедро тратил их на Игната, а когда сидел на мели, то бывало, что и просил у него из карманных денег «в долг», потихоньку от сестры и зятя.

Прошлым летом Игнат подрабатывал у Искплататора в бригаде и привёз заработок, который даже по меркам взрослого человека был весьма неплохим. А уж для школьника такие деньги составляли целое состояние. В отличие от своего дяди, расточительным Игнат не был. Что касается сумасбродства, здесь дело обстояло сложнее. Вот так и случилось, когда Игнат с тугими карманами вернулся с луковых полей, одно интересное происшествие.

Дело в том, что Игнат уже давно был влюблён в невзрачненькую с виду девочку из параллельного класса. Ничем особенным она, вроде, среди других не выделялась, но как-то вдруг, в одночасье, непонятным самому Игнату образом, стала предметом его пылкой страсти, правда, так и оставшейся совершенно платонической. Единственное, что хоть в какой-то степени могло объяснить бессознательные истоки подобного выбора, была миниатюрность избранницы. В своём собственном классе, включая и женскую его часть, Игнат был самым маленьким. Может, ещё и потому, что девчонки там были почти все, как на подбор, рослые. Даже Нина Варданян, своей статью напоминающая пивной бочонок – и та была чуть-чуть выше Игната. А вот Ира Столярова – так звали пассию Игната – отличалась настолько сублильным сложением, что маленький Игнат на её фоне выглядел чуть ли не гномом. Как бы там ни было, но Ира на настойчивые ухаживания Игната никак не отвечала, даже ни одного приглашения в кино от него не приняла ни разу. С другой стороны, активных попыток отшить Игната она тоже не предпринимала, а к некоторым другим знакам внимания, вроде преподнесённого ей Игнатом роскошного карандашного набора «Кох-и-нор» и букетиков полевых цветов, как бы невзначай появляющихся на её парте, относилась благосклонно. Игната такая неопределённость крайне удручала, хотя он и не терял надежды. Боб, считающийся в их кругу наиболее поднаторевшим в тайнах человеческой психологии, утверждал, что, хотя Игнат Ире несколько не нравился, ей, не избалованной другими поклонниками, было в какой-то мере лестно Игнатово рыцарское служение. Так обстояли дела в девятом классе.

На летних каникулах Игнат поехал шабашить у Искулататора, а вернувшись, купил в ювелирном магазине «Рубин» колечко – Ире в подарок. Колечко было очень маленькое, золотое, с крупным александритом в обрамлении бриллиантовой крошки. Вначале неискушённая Ира отнеслась к подарку легко, но потом что-то всё-таки побудило её сходить в магазин и полюбопытствовать, сколько такое колечко стоит. Тут и выяснилось, что колечко по цене тянет приблизительно на годовую зарплату служащего, а учитывая, что Иру мама растила одна – больше чем на весь их годовой бюджет. Скажем прямо: в старой сентенции, которая провозглашает, что «бриллианты – луч-

шие друзья девушки» что-то есть. Во всяком случае, Ира стала к Игнату намного внимательней. Возможно, и дальнейшие свидетельства её повышенного расположения были не за горами, но предположение это, увы, так и осталось спорным. Вскоре невнимательная Ира оставила кольцо на полочке в ванной, а там оно было в тот же день обнаружено матерью. Поскольку та была человеком, намного более опытным в ювелирных и прочих делах, то сразу же за находкой последовали неожиданные и тягостные допросы. Особенно неприятным открытием для Иры было то, что заключение, сделанное матерью в результате дознания, вовсе, казалось, не вытекало из предоставленных свидетельств. Так Ира получила первый серьёзный урок человеческого правосудия, хотя и в его более мягкой, домашней форме. Кто знает, отчего, но Ирина мать пришла к твёрдому выводу, что, во-первых, подаренное её дочери кольцо было ворованным, а во-вторых, что Ира этот подарок заслужила. Или, лучше сказать, добросовестно отработала. Не будем судить Ирину маму, возможно, у неё были некоторые основания для подобного мнения.

Надлежало принимать меры. Вначале Ирина мама колебалась. К кому ей обратиться за помощью? Она рассматривала три варианта: милиция, школа, родители Игната. Первоначально фаворитом была милиция, но потом, видимо, под влиянием соображений о том, каким способом могло быть заработано кольцо, предпочтение было отдано школе. На этой фазе расследования Игнату неожиданно повезло. Столярова-старшая обратилась не к директору и не к завучу, а непосредственно к классной руководительнице Игната, а у той хватило ума, чтобы, не раздувая из мухи слона, сразу же оповестить его родителей. Так, хотя и не без потерь, круг всё же замкнулся, разгоравшийся было скандал угас, недоразумение было устранено, а кольцо из рук в руки перешло к родителям Игната, вкупе с жёстким требованием, «чтобы их сын не смел близко подходить к Ире». Но никаких серьёзных неприятностей более не воспоследовало.

Однако Игнат, когда родители устроили ему головоломку, счёл себя обиженным и оскорблённым. Обычно покладистый и спокойный, он на этот раз выскочил из дома, хлопнув дверью, и не пришёл ночевать. К утру его мать и отец уже сходили с ума от беспокойства, а Искплуататор

обошёл по списку, написанному родителями, всех друзей Игната. Последний в этом списке был Витька. Хотя следов Игната не обнаружилось и у него, Витька, как оказалось, обладал ценной информацией.

Без ложной скромности, он заявил:

– Я, кажется, знаю, где его искать.

– Где, Витя? Где? Говори скорее! – запричитал Искплутатор. – Мы себе места не находим!

– В музее «ГО».

– Как это?

– Ну, к нашей школе одно старое здание почти при-мыкает, в нём раньше музей «Гражданской обороны» был. А потом там что-то перекосило, в общем, здание признали аварийным. Дверь заколочена. Ну, а мы туда, к этому зданию, курить ходим... То есть, я-то не курю, Игнат тоже, а Панайот с Бобом – курят. Ну вот, мы пошли туда как-то – к к раз физкультуру прогуливали... То есть, я не о том. В общем, оказывается, если сзади подойти, то там одно окно снаружи открывается. Мы ещё удивились, что этого никто до сих пор не заметил. Всё чистенько, никаких бомжей, никаких следов разгрома. Воровать там, правда, нечего, кроме противогазов.

– И ты думаешь, он там?

– Да уверен!

– Витя, пойдём скорее!

– Да вы сами сходите, он наверняка в музее прячется.

Мне как-то неудобно, получится, что я Игната сдал, да ещё и с облавой иду.

– Ты что, Витя? Кто знает, что ему в таком состоянии в голову взбрёт! Пойдём скорее. Хорошо ещё, если он, действительно, в этом нашем музее.

Но Игнат был именно там, дрых на куче плакатов с изображением ядерных взрывов. И на Витьку не рассердился. Только сказал лапидарно, восстав ото сна:

– Ну ладно у Ирки мать – дура, а о своих я был лучшего мнения.

– Нельзя так говорить, Игнат! – вступился за родителей Искплутатор. – Они же не со зла!

– Не со зла они! А я что плохого сделал? В поте лица своего денег заработал и кольцо любимой девушке купил?

– Ну, ладно, ладно. Погорячились немного. Не обижайся. А тебе, Витя – спасибо! Я теперь твой вечный должник!

– Ага. А я – ваш вечный кредитор.

Уже позже, когда Витька встречал Искплуататора у Игната в доме, тот всегда кричал весело:

– О! Мой вечный кредитор идёт! Когда расплачиваться будем?

А нынешней весной звал Витьку приезжать к нему в колхоз вместе с Игнатом:

– Я знаю, что вам в этом году не до работы. А вы просто так, отдохнуть приезжайте. Мы прямо на реке лагерь разбиваем. Знаете, какая у нас там рыбалка? Сомы, змееголовы! К концу сезона – уже тошнит от рыбы! Я четвёртый год в одном и том же месте землю арендую. В верховьях Боролдая. К середине лета степь вокруг уже выгорает, а у нас зелено, хорошо.

Кольцо, кстати, Искплуататору удалось за небольшую мзду сдать обратно в магазин, деньги вернулись к Игнату. Так что, в конечном счёте, вся эта история не нанесла никакого ощутимого ущерба, разве что слегка подмочила репутацию Иры. Причём, что любопытно, с двух противоположных, и даже взаимоисключающих, сторон. Были люди, убеждённые в том, что Ира оказывала Игнату за мзду определённые услуги, и считавшие её поэтому падшим созданием. Такому, скажем прямо, нелепому мнению, немало способствовало первое обращение её мамы в школу – с соответствующими комментариями. Были и другие, поверившие, что Ира, напротив, отказалась от предоставления Игнату услуг, и считавшие её, на этом основании, душой. Почему-то версия романтических чувств не имела большого хождения. Чуть ли не единственным человеком из непосвящённых, относительно верно оценивающим ситуацию, была сходявшая с ума от ревности и безответной любви Воропаева.

Впрочем, Нина Варданын тоже подозревала, что здесь были замешаны высокие чувства. Во всяком случае, Панайот слышал, как она сказала Эльмире:

– Втюрился наш Игнат, а ему – от ворот поворот! Да оно так и лучше.

– Почему?

– Ты посмотри на них! Оба – как кузнечики. А если дети пойдут, представляешь? Хоть в цирк лилипутов отдавай!

Панайот, рассказывая об этом Витьке, гневно заключил:

– Главное, ведь и сама – не выше табуретки! Так хотелось ей по роже дать! Хоть и девчонка...

- Ты только Игнату об этом не говори – он расстроится.
- Ладно, не буду.

Что касается самого Игната, то его образ с этого момента даже приобрёл загадочный оттенок – нечто среднее между Гаруном ар-Рашидом и купцом Рогожиным. Так что эта история даже создала ему некоторое реноме.

XXV

Теперь Витька спросил у Игната при первой же встрече:

- Ну, как там мой вечный должник поживает?
- Искплуататор? Нормально. Пашет, как папа Карло. Он, кстати, приезжает послезавтра.
- Послезавтра? И правда, кстати. А когда уезжает назад?
- Да трудно сказать. Это когда как. Но скоро. Иногда он сразу же уезжает. А иногда на следующий день. Как дела пойдут. А что?
- Он всё ещё нас к себе зовёт? Не хочешь съездить?
- Ну, нарочно не зовёт, а поехать можно в любой момент. Но ты же, вроде, не любитель деревенской жизни? Чего это вдруг?
- Да из дома хочу куда-нибудь сорваться на время. Родители запилили.
- Из-за Кирки, что ли?
- Ага. Из-за неё.

Первые три дня на плантации Искплуататора пролетели незаметно, но уже на четвёртый день стало скучно. Взятые Витькой с собой два томика Лескова были прочитаны, все окрестности лагеря обследованы, даже местные дороги исхожены. Дорог, правда, было всего две. Одна вела к небольшому казахскому аулу, где из атрибутов цивилизации было только электричество, а другая – к артезианскому колодцу, откуда Игнат с Витькой ежедневно возили на Искплуаторском «уазике» в лагерь свежую воду, а уже от колодца шла дальше, к пойме Боролдая, где как раз и водились легендарные сомы и змееголовы.

И праздность тоже поднадоела. Утром, во время завтраков бригады, Витька с Игнатом ещё спали. Днём, во время обедов, бродили по округе. Но вечером, ужиная вме-

сте с другими обитателями лагеря, Витька всё сильнее ощущал неловкость от непричастности к общему делу. К концу четвёртого дня Витька спросил у Игната, нельзя ли им тоже поработать.

– Почему нельзя? Дядька будет даже доволен. Просто он не хочет нам ничего навязывать. Но мы же завтра собрались с сетью на пойму сходить.

– Ну вот и давай, завтра – сходим, а послезавтра – в поле.

Наутро встали раньше обычного. Поехали на «уазике», чтобы не тащить потом рыбу на себе. Ни у Витьки, ни у Игната никаких прав на вождение, конечно, не было, но с другой стороны, здесь, в глухой степи, не было и никаких шансов наткнуться на гаишников. Зато здесь было красиво. Вскоре перед ними открылся живописный, даже величественный вид. В окружении огромных каменистых террас довольно широкое само по себе летнее русло Боролдая казалось совсем узким. Было трудно представить, что во время паводков вода доходит до краёв уступов, иногда подмывая и самые террасы.

Спуск к руслу оказался тяжёлым даже на пологом участке. То тут, то там, из-под ног выворачивался валун и катился вниз, по пути увлекая за собой другие, более мелкие, камни. В некоторых местах террасы нависали гребнями. Исклютатор предупредил Игната с Витькой, чтобы они были осторожнее: прошлым летом здесь погиб один из жителей аула. Наконец, спустились, подошли ближе к руслу, обрамленному изумрудно-зелёной высокой травой. Но здесь их ждала новая опасность. То, что издавна казалось твёрдой почвой, оказалось группой болотных кочек, колышущихся при каждом шаге.

– Витька, что-то мне здесь не очень нравится. А если провалимся? Кто знает, что там внизу, под кочками? Надо было вместе с Исклютатором идти, он дорогу знает.

– Вон, впереди сухое дерево. Давай двигать к нему, до него всего метров тридцать. Дерево не будет на кочках расти, значит, там точно твёрдая почва. А оттуда – посмотрим, как идти дальше.

Осторожно, всё время глядя вниз, они подошли к дереву. А когда подняли глаза вверх, то оцепенели. Почти все ветви дерева были увиты змеями.

Путь назад, к обрывам террас, оказался намного быстрее. Витька и Игнат, обгоняя друг друга, мчались напролом по опасным кочкам, не разбирая дороги, только бы

подальше от змеинового дерева. Потом, когда уже отдышались в тени под обрывом, Витька сказал:

– Ну и чего мы с тобой так испугались? Это же стрелки!

– Какие ещё «стрелки»?

– Ну, стрелки. Змея такая, «стрелка» называется. Они совсем не ядовитые. Вернее, ядовитые, но не для людей. У них яд совсем слабый.

– Ты такой знаток змей?

– Не такой. Но это – стрелки, я точно знаю.

– А чего ты тогда бежал так быстро? Я за тобой еле успевал.

– Не знаю. Панике поддался. Ладно, пошли назад.

– Куда это, назад? К стрелкам?

– Ну, здесь-то мы всё равно не влезем. Совсем круто.

– А если в другую сторону пройти?

– Ты сам посмотри. На сколько видно, везде точно так же.

Может, ещё три километра придётся идти. Надо идти назад.

– Нет. К неядовитым стрелкам я не хочу.

– Не глупи, Игнат. Обойдём это дерево подальше.

– Ну да! А трава?

– Что трава?

– Да их, небось, и в траве там полно, змей этих. Нет, ты – как хочешь, а я туда не пойду.

– Ну, и что ты предлагаешь?

– Давай здесь карабкаться. Не так уж тут и высоко.

– Ага. Можно сказать, даже низко, – пошутил Витька.

– Только падать будет очень больно. Или уже не больно. Смотря, как упадёшь.

Всё-таки стали исследовать уступы вокруг, выбирая возможный маршрут. Немного поспорили о том, в каком месте лучше подниматься. Наконец, по очереди подсаживая друг друга и пользуясь скрученной сетью как верёвкой, полезли вверх. Уже почти на самом краю обрыва из-под ног идущего впереди Игната поползли камни.

– Витька, держись крепче за сеть! – крикнул Игнат, пытаясь упереться на каком-нибудь выступе.

– Нет, Игнат, я заново этот участок пройду – иначе вместе упадём.

Отпустив сеть, Витька, безуспешно стараясь хоть за что-то зацепиться, заскользил по склону, пока не нащупал ногой более низкий гребень, с которого он надеялся вновь начать подъем, но и там не смог остановиться. Наоборот, из-за того, что теперь он был повернут к обрыву боком, Витька потерял равновесие и, вскрикнув, рухнул вниз.

Он лежал под обрывом, боясь пошевелиться. При ударе левую ногу как будто пронзило, кажется, он даже закричал от боли. Наконец, осторожно ощупал себя. Вроде бы, всё остальное цело. Но любое движение отзывается страшной болью в колене.

– Витька! Ты живой? – услышал он крик Игната. – Не двигайся, я к тебе иду.

– Не вздумай, Игнат! Лучше езжай скорее за своим дядькой. Я, кажется, ногу сломал, один ты меня не поднимешь. Я вас здесь подожду.

– Я сейчас. Мы мигом!

Витька не знал, сколько ему пришлось ждать Игната с Искплуататором, но казалось, что целую вечность. Хотя Игнат потом говорил, что прошло не больше двадцатитридцати минут. Боль то немного отпускала, то снова приходила, настолько сильная, что Витьке казалось, что у него перед глазами плывёт какое-то марево.

В довершение всего, когда ему в очередной раз полегчало, он заметил трусящего по направлению к нему огромного казахского волкодава – тобета.

«Ну и что мне теперь делать? – подумал Витька. – Убежать я не смогу. Отбиться тоже. Когда они за мной, наконец, придут, я буду тут валяться с перегрызненным горлом».

Но тобет не стал грызть Витьку. Подбежав, он только обнюхал его, потом облизал Витьке лицо. Уходить не стал, сел рядом, шумно дыша. Потом Витьке стало совсем худо.

Вдруг тобет стал носиться туда-сюда вдоль обрыва и лаять вверх. Но не убегал далеко от Витьки. Наконец, наверху, над обрывом, показались три головы: Игната, Искплуататора и одного из бригадных бичей, громадного мужика с забавным именем Филимон.

Прошло ещё минут пятнадцать, пока они спустились вниз где-то в стороне и затем, уже по низу, подошли к Витьке.

– Вот, Витя, какой ты хороший человек. Не успеешь тебя оставить на пять минут, а у тебя уже новые друзья, – сказал Искплуататор, указывая на тобета, – ведь это он нам помог тебя найти!

– Как это?

– Да так. Стал лаять, вот мы тебя и увидели. А то ведь, чуть было дальше не ушли, вниз по реке. Наш следопыт-то! Не может даже места как следует запомнить.

– Да как их запомнишь, если они все одинаковые, – начал было сконфуженный Игнат.

– Ладно, ладно, не до того сейчас. Мы брезент принесли, – сказал Исклуататор Витьке. – Вот сейчас ногу тебе закрепим, положим тебя на брезент, и будем потихоньку вытаскивать. Но для начала на-ка, выпей.

Исклуататор осторожно приподнял голову Игната, подал ему две белые таблетки.

– Что это?

– Анальгин.

Дал запить таблетки водой из бутылки, потом протянул Витьке фляжку.

– А это что?

– Пей, пей, это тоже болеутоляющее. Всё пей. Сейчас мы тебя вытаскивать начнём, будет больно.

И был прав, действительно, было больно. Даже очень больно.

XXVI

Наконец, после двух неудачных попыток и бесчисленных пререканий Витьку подняли наверх и уложили в «уазике». Тобет тоже вскоре появился рядом с машиной, поднявшись наверх по какой-то своей тропке.

– У меня перелом? – спросил Исклуататора заплетающимся языком заметно охмелевший Витька.

– Что я – врач? Сейчас приедем в больницу, доктор скажет. Но, судя по всему, ничего хорошего.

– А мы что сейчас – в больницу?

– А куда же?.. Ладно, мы поехали, – попрощался он со стоящим возле машины Филимоном. – Ну, давай!

Витька тоже пожал руку Филимону. Потом крикнул тобету:

– Пока, Барбос! Спасибо тебе.

Машина тронулась. Исчезли в клубах дорожной пыли два больших силуэта против солнца. Один – собаки, другой – человека.

В больнице Тамерлановки, куда сначала привёз Витьку Исклуататор, врача не оказалось на месте.

– А где же он?

– В Красный Мост уехал, – ответила санитарка, казашка лет тридцати, – и даже не в Красный Мост, а там,

знаешь, рядом – километров пятнадцать – бахча есть. Несчастный случай там, мужчина себе кетменём пальцы на ноге отрубил.

– А когда приедет?

– Не знаем. Бахча телефона нет. Откуда узнаешь? Если плохо, может, сегодня приедет. Тогда скоро. А если не так плохо, может, там останется. Кушать будет. Бешбармак будут делать. Тогда завтра приедет.

– А как же он узнал, если телефона нет?

– Вот глупый какой! – удивилась санитарка. – Из Красного Моста звонили! Там телефон есть.

– Так что, нет смысла его ждать?

– Не знаю. Если бешбармак будут делать, то можно не ждать. Даже если сегодня приедет.

– Спасибо.

– Не за что! Не могу ничем тебе помогать! Нате вот, молочка попейте, хорошее молочко, свежее, нам только сейчас привезли.

Поворачивая на шоссе, Исклуататор на мгновение задумался:

– Ну что, в Красный Мост? Да нет... А если не найдём врача?... Может, сразу в город? А, Игнат?

– В город!

После осмотра в приёмном покое городской больницы Витьку переложили на каталку.

– Что там у вас случилось-то? – спросил врач, довольно свирепый с виду.

– С обрыва упал, – пояснил Игнат, – на Боролдае.

– Ну, это неважно, где он упал. Пьяный, что ли был?

– Абсолютно трезвый.

– И сейчас трезвый, да? – неожиданно расхохотался врач.

– Сейчас – пьяный, – пояснил Исклуататор, – но это мы ему уже после того, как он упал, коньяку дали.

– Зачем??

– Болеутоляющее!

– Эскулапы, блин... В процедурную его! – крикнул врач санитару. – Вы ему не родственники, полагаю? Судя по лицам.

– Ясно, что не родственники.

– Родственникам сообщите?

– Конечно.

– Ну ладно. Вы можете идти. Всё будет нормально. Я немного посмотрел его, скорее всего – ничего страшного.

В больнице Витьке первым делом сделали укол. Поскольку это была уже третья доза болеутоляющего за последние несколько часов, остаток дня Витька помнил смутно. Помнил, что родители приезжали, что врач пока не разрешил его забирать домой, что нужно было снова делать снимки – ну и всё.

Зато он хорошо запомнил следующее утро. Проснувшись, он увидел, что возле его кровати, сидя на стуле спиной к нему и положив голову на тумбочку, спит девушка. Вначале Витька даже и не узнал её, наверное, больше оттого, что никак не ожидал здесь увидеть. Привстал немного, осмотрелся вокруг. В палате было ещё три мужчины. Все – средних лет, все с загипсованными конечностями. Двое в смешных гипсовых «сапогах», только на разных ногах: у одного на правой, а у другого – на левой, и один – с загипсованным левым предплечьем.

Услышав, что Витька зашевелился на своей койке, девушка проснулась и подняла голову.

– Кира? Откуда ты здесь?

Кира придвинула стул к его кровати, схватила Витьку за руки. Из её глаз полились слёзы. Плакала Кира беззвучно, но всё равно Витьке стало неудобно за столь бурное проявление чувств – они же были здесь не одни. Трое больных со своих коек с любопытством наблюдали за ходом действия.

– Кира... Ну перестань! Откуда ты здесь?

Кира достала носовой платок, промокнула глаза.

– Мне мама твоя позвонила. Сказала, что ты разбился. Я сразу пошла к твоим, а от них – сюда.

– Ты что, всю ночь здесь сидела?

– Да. Меня выставить хотели, но я не ушла.

– А родители?

– Они попозже придут.

– А Игнат приходил?

– Я твоего Игната выгнала и сказала, чтобы он здесь больше не появлялся. Это он во всём виноват!

– В чём?

– Во всём. Он мне всё рассказал, и я ему откровенно сказала: «Как ты смеешь, после всего, что случилось, называть себя Витиным другом?»

– Да что такого случилось?

– То. Ты из-за него упал. Его – спас, а сам – упал. Он мне сам об этом рассказал!

– Ну, на самом деле, было совсем не так.

– Так. И не нужно его выгораживать. Почему ты вообще туда к ним поехал? Ну, скажи мне! Почему? Почему?

Витька не смог сдержать внутренней улыбки. Интересно, что было бы, если бы он сказал ей, почему?

– И ты его прогнала?

– Да.

– Пожалуйста, не нужно так больше делать. Игнат – мой друг, самый настоящий. Не надо его обижать.

– Друг! Ты такой наивный!

Кира вдруг схватила Витьку за руки, потянула к себе.

– Ой, больно, больно, больно!

– Извини, я нечаянно. Ты такой наивный! Почему ты не слушаешься меня? И вот я тебе ещё что скажу... Чтобы между нами не было недомолвок... Про то, что случилось на выпускном вечере, я забыла. Ну, не забыла, но не буду больше тебе об этом напоминать.

Остальные больные даже привстали со своих коек, чтобы лучше слышать.

– Кира! Ну, неудобно. Давай об этом потом поговорим.

– Потом – тоже поговорим. Но сейчас я всё же должна тебе сказать. В общем, после выпускного я не хотела тебя больше видеть. У меня тоже гордость есть! Но когда твоя мама сказала, что ты разбился, я поняла, что это – мелко! И решила, что я всё забуду. В конце концов, ты прощался со своим прошлым, я должна была понять. Но я не стерпела. Это было так больно!

– Кира, ну перестань!

– Теперь я приняла решение и от него не отступлю! Но не думай, что тебе всё дозволено. Раз ты приручил меня, значит, ты теперь за меня в ответе. А я – за тебя! Я не могу, конечно, дежурить здесь круглые сутки, но мне не нравится, что сюда приходит твой Игнат. После всего, что он сделал!

Кира сердилась и была очень красивой. Витька ей так и сказал потихоньку, чтобы не слышали другие обитатели палаты:

– Кира, ты такая красивая!

– Ну вот ещё! – зарделась Кира, и стала ещё красивее.

XXVII

Витька боялся, что не сможет встать с кровати до начала вступительных экзаменов, а, между тем, поправился на удивление быстро. Его вообще хотели выписать на чет-

вёртый день, но тут выяснилось, что тёте Люсе назначили новую операцию чуть раньше, чем предполагалось. Из-за этого родители снова уезжали, и мама хлопотала, чтобы Витьку оставили в палате ещё на два-три дня.

– Просто сердце разрывается, что приходится уезжать! И не ехать нельзя! Ну ладно, пока что за тобой здесь присмотрят, а когда выпишут, Саша Авдеев обещал отвезти тебя домой.

– Я знаю. Он же вместе с Бобом ко мне приходил, а Боб здесь, вообще, каждый день бывает. И Панайот приходил. Они меня не бросят, не волнуйся.

– Не волнуйся! Как тут не волноваться? Ну ничего, дома тебе Кира будет помогать, я с ней уже договорилась. Хотела ей даже свои ключи пока отдать, да бабушка меня отговорила.

– Ну почему, мама?

– Вот и я ей говорю – почему? А она – чужие, мол, люди. Ни к чему это.

– Нет, бабушка права. Я имею в виду, почему ты договариваешься за меня? Мне не нужна никакая помощь по дому. На костылях я уже хорошо бегаю, а скоро и костыли не понадобятся.

– Кирочка сама хотела помочь. Она так о тебе заботится! Не всякая мать так о своём ребёнке заботится.

– Вот я и говорю, не надо обо мне заботиться, как о несмышлёном ребёнке каком-то!

– Ну всё, всё! Уже обо всём договорились. Не скажешь же ты ей теперь, чтобы она не помогала. Ты же не хочешь обидеть Киру?

Витька вздохнул. Нет, он не хотел обидеть Киру...

В чём-то мама оказалась права. Мало у кого была такая замечательная сиделка. Первые два дня после больницы, пока Витьке ещё нужны были костыли, Кира окружила его такой ласковой, предупредительной заботой, что Витька чувствовал себя неловко. Она забросила все свои дела и даже обязанности по собственному дому, которых у Киры тоже было немало, временно переложив на младшую сестру. Хоть Витька и говорил ей, что чувствует себя совсем здоровым – даже колено не болит, пока не ходишь – Кира всё время неотлучно находилась при нём, уходя домой только ночевать. Даже бабушку совершенно оттёрла от Витьки, взяв на себя и хлопоты по кухне. Витька пытался

настоять, чтобы Кира не приходила на целый день: ведь у неё скоро экзамены, нужно заниматься. Да и ему тоже не помешает, а когда Кира рядом, то ему не до наук. Кира ответила улыбкой на коварную Витькину лесть и нехотя согласилась, но поставила условие:

– Вот когда начнёшь ходить без костылей, тогда посмотрим.

Пришлось Витьке на третий день, несмотря на боль, встретить Киру без костылей.

– Ладно, с завтрашнего дня буду заходить только вечером, раз ты лишаешь меня удовольствия за собой поухаживать! Но сегодня я весь день буду с тобой, я уже договорилась.

– С кем это ты договорилась?

– С мамой. Она на сегодняшний день специально отгул брала, генеральную уборку собиралась делать, но я сказала, что не смогу. Потому что ты ещё плохо себя чувствуешь. А у Ленки тоже не получается: у неё там какое-то дурацкое сборище с одноклассниками. Договорились с мамой на завтра, завтра же суббота – она всё равно дома. А в воскресенье они с отцом на дачу поедут.

Сразу после ухода Киры Витька позвонил Бобу.

– Боб! Панайот, кажется, в понедельник уезжает?

– Да. Мы с ним собирались к тебе завтра зайти.

– Вот из-за этого я как раз и звоню. Я-то пока не могу далеко ходить! Давайте с утра, часов в одиннадцать-двенадцать. Жаль, Кайрат уже уехал. И Игната захватите с собой, хорошо?

– Договорились.

Вечером к Витьке забежала Наташка-Змея. Витька сидел на табуретке за кухонным столом, решал задачки по математике.

– Витечка, ты мне сто лет никакой новой музыки не записывал. Забыл про меня? А мне все старые записи уже давно надоели.

– Ну, так сказала бы! Давно. И я б тебе давно что-нибудь записал.

– Конечно, нужно было сказать. Просто, наверное, в последнее время мысли были не о том.

– А о чём?

– О том... Ты же знаешь.

– А теперь?

– А теперь – о другом. Не о том, а о другом!

Наташка-Змея подошла ближе, взъерошила ладошкой волосы у Витьки на макушке.

– Почему?

– Да потому что. Ты же знаешь Колю. Если бы он сомневался, он бы ничего не говорил. А эти полгода... Ну что они изменят? Если уже больше трёх лет ничего не получается. Он и про полгода просто так сказал, потому что ему меня жалко. Но себя ему, всё равно, жальче.

– И что дальше?

– С Колей – скорее всего – ничего. Я так думаю.

– Сильно переживаешь?

– Сейчас уже нет. Все свои слёзы я уже выплакала. Теперь – хватит!

Несмотря на уверения, уголки Наташкиных глаз предательски заблестели.

Витька нежно взял Наташку-Змею за руку.

– Ну не надо так расстраиваться, Наташа. Всё ещё будет хорошо. Не переживай так.

Наташка порывисто обняла сидящего на табуретке Витьку, так что его лицо уткнулось в Наташкину грудь. От Наташки слабо пахло знакомым запахом духов «Быть может» – у мамы тоже были такие духи – и ещё почему-то капустой.

– Ты что, капусту тушила?

– Нет, а что?

– От тебя капустой пахнет.

Наташка, рассмеявшись, разжала объятия.

– Уф! Какой же ты романтичный, Витька! Его девушка обнимает, а он – всё, что почувствовал – это то, что капустой пахнет. Ну и пахнет, что с того? Я борщ варила.

– А я что? Хорошо пахнет, аппетитно... Что бы тебе записать, по твоему вкусу? Запишу-ка я тебе «Светозвуковой оркестр». Самая что ни на есть жлобская музыка, тебе понравится, – пошутил Витька.

– А «Иглы» у тебя есть?

– Какие ещё, нафиг, «Иглы»?

– Ну, эти... «Отель Калифорния».

– А! Эти – есть. Хорошо, «Калифорнию» тоже запишу.

Неси кассету.

– Уже принесла.

– Тогда давай сюда.

Наташка вытащила из кармана кассету, положила на стол.

– Ну, я пошла?

– Ага. Иди. А то я себе задание дал на вечер. Мне ещё восемь задачек нужно решить.

У порога Наташка-Змея обернулась:

– Всё-таки ты, Витька, ещё маленький!

– Иди, иди! Ишь чего! Маленький... – проворчал Витька, – кассету завтра занесу. Хотя, нет. Завтра ко мне друзья придут. Может, и не успею. Ну, в крайнем случае, послезавтра.

Примерно в полдень следующего дня Витька вышел на стук в калитку, ожидая увидеть кого-то из друзей. За калиткой стояла Кира.

– Кира? – удивился Витька. – Так ты же сказала, что у вас генеральная уборка?

– Ну да, уборка. Мать рассердилась даже, что я ушла. Но мне подруга позвонила, нужно было у неё срочно учебник забрать, она для меня по блату в библиотеке взяла, а так их только в читальном зале выдают... Она тут рядом живёт. А ты что же, не рад?

– Рад, конечно. Заходи. Просто я думал, что это Боб с Панайотом, они должны были прийти.

– Только я ненадолго!

– А что это за учебник у тебя?

– Физика.

– Зачем тебе физика? Тебе же не нужно физику сдавать?

– Нужно.

– Как это?

– В общем, я решила... Давай зайдём в дом, и я тебе всё расскажу.

– Давай. Пойдём в кухню, я тебе чаю налью.

– Пойдём

В кухне Кира продолжила, пока Витька ставил чайник:

– Я забрала документы из пединститута и подала в технологический.

– Как же так, Кира? Ты же хотела...

– Ну, а теперь вот – расхотела! А знаешь, на какой факультет я документы подала? На строительный! Правда, я здорово придумала?

– Ага, здорово.

– Я подумала: всё равно у меня особого призвания нет ни к тому, ни к другому. Какая разница? Зато мы всегда будем рядом. Целых пять лет! Представляешь? Ну что, ты не рад?

– Нет, я-то рад. В смысле, что рядом. Но ведь потом же ещё и работать придётся по специальности! Вот отец у меня, например, считает, что лучше всего, когда человек к своей службе относится спокойно. Потому что если он чрезмерно увлечён, то обделяет вниманием своих близких – если, конечно, они у него есть. Отец говорит, что важно каждый день «возвращаться домой» – в фигуральном, конечно, смысле. Ладно, с этим я могу согласиться. Но делать работу, которую терпеть не можешь – это, Кира, тоже не сахар. Ты уверена, что хорошо всё обдумала? Это важно! Очень-очень важно!

– Ну да, да. Я согласна. Но ведь ещё и от человека зависит. И потом, у мужчин и женщин это по-разному. Может быть, это и важно – но ведь бывают вещи поважнее? Для меня, например, не это самое важное. Я тебе сейчас расскажу, что для меня самое-самое важное, только оставь, пожалуйста, свои чашки, сядь и смотри на меня.

Но рассказать Кира не успела.

Снова раздался стук в калитку. Брутик залился лаем.

– Сиди, Витька, я сама открою. Тебе же ещё больно ходить.

Кира вернулась, ведя за собой Боба и Панайота. Вид у неё был раздосадованный.

Боб с Панайотом вошли, поздоровались. Боб скромно сел в углу на табуретку, а недипломатичный Паня сразу заорал:

– Ой, а где костыли? Что же это, опоздал я? А я так хотел посмотреть, как ты на костылях ходишь. Вот гляди, я тебе самое дорогое принёс, что у меня есть в этой жизни!

И, достав из сумки бутылку метаксы, с торжественным громким стуком поставил её на середину стола.

– Два года берег! Но для друзей – ничего не жалко!

В калитку снова постучали.

– Это, наверное, Игнат.

– Игнат, это ты? Заходи! – крикнул Витька в окно.

Вскоре на пороге кухни, вызвав всеобщий, исключая Киру, хохот, возник Игнат, напоминая собой плакатного революционного матроса с пулемётными лентами. Вместо лент на нём висели сосиски.

– Привет! Думаю, никто из вас, разгильдяев, о жратве не позаботился. Лишь бы было, что выпить. Ведь так?

– И что? – спросила Кира. – Вы это собираетесь есть? После того, как он их на себя надевал?

– Ещё как! – ответил Панайот. – Мы на сельхозработках, на хлопке, и не такое ели! Да, пацаны?

В калитку снова постучали.

– Мы ещё кого-то ждём? – спросил Боб.

– Да вроде, нет, – ответил Витька, – все в сборе! Может, соседи? Я сам схожу.

Витька вышел из дома, распахнул калитку.

– Ой, Таня, Тоня! Вот здорово, что вы пришли! Заходите.

Дома Витька первым делом подвёл Таню и Тоню к Кире:

– Вот, познакомьтесь. Кира, это Таня и Тоня. То есть, нет, вот это – Тоня, а это – Таня. А это – Кира. Прошу любить и жаловать.

Таня и Тоня были одеты феями. У каждой в левой руке была волшебная палочка с пятиконечной звездой на конце. У Тани, кроме того, в правой руке была плетёная сетка. В сетке одиноко поблёскивала яркой этикеткой бутылка “капитанского” джина.

– Привет-привет! Как мы удачно зашли!

– Вы чего так разоделись? – спросил Боб.

Таня и Тоня начали, смеясь, рассказывать наперебой. Когда одна из них прерывала повествование, чтобы посмеяться, другая подхватывала.

– Мы уже три дня, как собирались к тебе, Витька, зайти. Вот, наконец, собрались. А Танькин отец как раз бутылку джина с конференции привёз.

– А ты, Витька, – помнишь? – говорил, что тебе джин нравится. Ну, у нас же его почти никогда не продают... Вот я и предложила Тоне – давай ему в гостинец джин отнесём, чтобы быстрее поправлялся. А Тоня говорит: «Просто так – скучно идти...»

– Да... А вот если сделать себе костюмы и одеться феями...

– И джин в сетку положить...

– То люди будут оборачиваться и говорить...

– Вон прошли две феи, а с ними и джинн в бутылке!

– Ну, и каков результат? – спросил Игнат. – Кто-нибудь так говорил?

– Неа, никто не говорил. Некультурный народ!

– Но люди оборачивались!

– Хорошо, никто санитаров не вызвал! – сказала Кира.

– Ну, а чего сидим? – спросил Паня. – Давайте уже выпьем! Где там твоя бабушка? Тащи её сюда. Я помню, как она нам всегда конфетки совала, когда мы ещё маленькие были. Давай, давай, тащи её, мы ей тоже метаксы нальём. Когда теперь увидимся опять? И включи нам Руссо – «Прощай, моя любовь». Будем слушать Руссо, пить метаксу и плакать.

– Плакать-то зачем? – спросил Игнат.

– Дурак ты, Игнат! Как это, зачем? Расстаёмся же!

– Ладно, наливай. Будем плакать, раз так.

– Мне не наливайте! – сказала Кира.

– Ты что, уже уходишь? – удивился Витька. – Останься.

Ну хоть ненадолго.

– Я не знаю... У нас же генеральная уборка дома. Мама сердиться будет.

– А ты позвони ей от меня прямо сейчас. Скажи, что задерживаешься.

– Если только совсем ненадолго...

– Оставайтесь, Кира! – сказала Таня.

– Да, конечно! – сказала Тоня. – Оставайтесь! Не нужно стесняться.

Кира решительно встала:

– Да нет. Пойду. Хорошо, конечно, с вами, – она смерила взглядом Таню и Тоню, снизу вверх, – но, увы, надо идти. Дела!

– До свидания.

– Приятно было познакомиться.

– А мне-то как приятно!

Витька вышел проводить Киру за калитку.

– Зря ты не осталась.

– Что это ещё за дуры?

– Почему дуры? – растерялся Витька. – Это же Таня с Тоней, одноклассницы мои. Вовсе они не дуры, просто резвятся так.

– Ну ладно, иди... Резвись. А я – домой пошла.

– Ты что, обиделась?

– Ничего я не обиделась. Да, я забыла. Я зачем заходила-то? Хотела тебе сказать, что сегодня вечером мы не сможем увидеться. Потому что я с мамой договорилась.

– Тогда что, до завтра?

– Ага, до завтра.

XXVIII

На следующий день Витька пошёл отдавать кассету Наташке-Змее и нашёл её за столом в палисаднике, вместе с Лидой и Вовчиком. Лида, и, особенно, Вовчик, были уже навеселе. Но на столе стояли только чайные чашки и вазочка с вареньем. Похоже, Лида с Вовчиком распили флакон вина заранее, у Лиды дома, а теперь их потянуло на общение, а может, Вовчик рассчитывал «догнаться» с помощью Наташкиной домашней наливки. Витька отдал кассету и собирался было попрощаться, но Наташка его остановила.

– Спасибо. Ты погоди-ка, Вить!

– Что?

– Да мы вот тут о твоей Кире говорим... Тебе будет интересно. Ты знаешь, что она вчера целый вечер к вам в окна заглядывала?

Витьку бросило в жар. Кира? Да ну, не может быть! Чёрт! Как бы то ни было, не обсуждать же это с Лидой и Вовчиком!

– Чепуха какая-то!.. И вообще... Может быть, мы об этом позже поговорим?

– Можно и позже, конечно, но это ничего не изменит. Она же у Лиды в кустах пряталась, а потом ещё и рыдала у неё на груди. И Вовчик вчера здесь был. Так что все в курсе. Можно и потом, но я считаю, что лучше бы тебе знать.

Витька поколебался немного, а потом всё же решил, что узнает подробности чуть позже, поговорив с Наташкой-Змеей наедине. Но не успел и шага сделать, как вступил Вовчик:

– А ты Витя – откровенно я тебе скажу, при всём моем уважении к тебе – как свинья поступаешь! Девушка его любит – и какая девушка! Честная, красивая! А он с какими-то прощандовками открыто у себя дома гуляет!

Витька знал, что не нужно спорить с пьяным Вовчиком, но не выдержал.

– Какого чёрта? Ты ещё будешь меня манерам учить?

– И буду! Она вот здесь вчера весь вечер проплакала. Рассказывала Лиде, как тебя любит. А я ей говорю – брось его! Он тебя недостойн. Водит к себе всякую шваль. Видели мы вчера твоих шалав – и одеты-то как-то, – Вовчик поводит руками вдоль туловища, показывая, как были одеты шалавы, – неприлично! Вызывающе, говорю, были одеты! Ни капли скромности нету, бессовестные!

– Лида, ты уйми своего Вовчика! – сказала Наташка-Змея, видя, что назревает рукопашная. – Он лишнее говорит. Протрезвеет, самому будет неприятно.

– А ты меня не учи! – вдруг взъярилась Лида, защищая Вовчика. – Вова всё правильно сказал. И нечего ему рот за-тыкать! А может, ты за них вступаешься, потому что сама такая? Бесплодная она! Знаем мы, отчего бесплодие бывает!

– Ты меня ещё оскорблять будешь, в моем собственном доме? Если б я не знала, Лидка, что ты такая дура, да ещё и пьяная, я бы тебе сейчас все ребра пересчитала.

– Девки! Девки! Что скажу-то! – это с другой стороны изгороди к Наташкиному палисаднику подошла Витькина бабушка. – В магазин на Некрасова цейлонский чай привезли. Если вам надо, так идите скорей, пока не расхватали.

Вовчик как раз собирался выдать Витьке очередную моральную максиму, когда Лида дёрнула его за рукав.

– Вова, я в магазин побежала, а то чаю не достанется. Ты меня дома подожди, хорошо? Ну иди, иди. И подтолкнула его немного, придав начальное ускорение.

– Девки! – вновь подошла к изгороди бабушка. – Учтите, только по четыре пачки в руки дают, так что все идите.

– Вова! – закричала Лида вслед уходящему Вовчику. – Подожди! Вместе в магазин пойдём.

И добавила, уже тише:

– Ты прости меня, Наташа, не знаю, что на меня, дуру, нашло.

Палисадник опустел.

Витька, вернувшись домой, сказал бабушке:

– Я тоже в магазин сгоняю, цейлонский чай и нам не помешает.

– Да нету там никакого чая!

– Бабушка! Ты что, обманула их?

– А лучше было бы, если бы все передрались?

– Ну а дальше-то что? Сейчас они придут в магазин и всё поймут!

Бабушка беспечно махнула рукой:

– Ай, да не беспокойся ты! Я сама только что из магазина пришла. В очереди отстояла, а чая мне не досталось, прямо передо мной кончился. Всё в порядке! Ну, сходят, прогуляются. Остынут немного. Что им в магазине скажут? Что чай был. Но кончился. Только и всего.

– Ну ты, бабушка, даёшь! Ты, прям, какой-то Талейран в юбке!

– Не болтай ерунды! Ишь, Калерана какого-то выдумал. Кушать будешь? Я куриную лапшу сварила, с потрошками.

– Нет, не хочется что-то.

Настроение у Витьки было – хуже некуда. Ещё не хватало обсуждать свою личную жизнь с соседями! Витька злился на Вовчика и Лиду, злился на Киру, которая дала толчок сегодняшнему происшествию. Но, несмотря на злость, Витька чувствовал, как у него в душе пробиваются и крепнут ростки жалости: видно Кире было совсем плохо, раз она искала утешения у совершенно чужих людей. А Витька, который как раз и должен был её защитить и успокоить, в это время не без удовольствия проводил время в компании друзей. Но всё равно, нельзя же быть такой ревнивой! Интересно, она так и не уходила домой? Или уходила, но вечером снова вернулась? Может быть, она вернулась просто потому, что соскучилась? Она ведь сказала, что не сможет прийти вечером только из-за того, что разозлилась – это-то понятно. А потом, наверное, решила, что была неправа, что не стоило так реагировать. Вот и пришла, а войти в дом так и не решилась. И из-за этого опять расстроилась. Может быть, так?

Во всяком случае, когда спустился вечер, а Кира опять так и не появилась, Витька не удивился. Скорее, убедился в своей догадке. Он начал было раздумывать, не стоит ли ему самому позвонить Кире, но в этот момент раздался очень знакомый шум мотора. К дому подъехала Авдеевская машина. Витька вышел на улицу. В машине, кроме Боба и Сашки, сидела Кирина сестра Лена.

– Привет.

– Поехали, Витька, – сказал Боб.

– Куда?

– Ты садись, мы тебе по дороге расскажем.

– Я серьёзно

– Ну, и я серьёзно. Видишь – девушка просит о помощи. Так что садись.

Бобовская таинственность на этот раз вызвала у Витьки сильное раздражение. Кажется, он всё ещё не успокоился после происшествия в Наташкином палисад-

нике. Больше всего Витьке хотелось послать Боба ко всем чертям, но он, хотя и с видимой досадой, всё-таки подчинился.

– Ладно, сейчас. Я только переобуюсь и бабушке скажу, что уезжаю.

В машине кое-что прояснилось. Лена пришла к Авдеевым искать Витьку. Сама она ни Витькиного адреса, ни телефона не знала, а мимо Бобовского дома они несколько раз проходили вместе с Кирой, поэтому Лена знала про Боба, и знала, где тот живёт. Кира вчера пришла очень поздно, украдкой от родителей проплакала всю ночь и с тех пор лежит на своей кровати и молчит. Ничего не рассказывает, ничего не хочет объяснять.

– Просто лежит и молчит. Мне уже страшно стало! Родители на даче, приедут только завтра утром. Я подумала – может быть, с Витей что-то случилось? Он же только недавно из больницы. Может быть, ему опять стало хуже? Но потом решила, что если бы это было так, то зачем бы Кире молчать? Тогда она сказала бы. Даже если бы ему было совсем плохо. Зачем ей скрывать-то? А она совсем ничего не говорит. Лежит и молчит. Я подумала, может быть, с ней что-нибудь случилось вчера по дороге домой? Но тоже как-то сомнительно. А потом уже думаю – кто знает? Может, Витя умер – не дай бог, конечно! И Кира от горя такая стала? Вот я и решила, что всё равно нужно про тебя узнать. Пошла к Бобу, спросить, где ты живёшь Телефон взять. Так и познакомились. С ним и с Сашей. А Боб с Сашей сказали, что ты вовсе не умер, а наоборот, совсем поправился. Ну, теперь-то я и сама вижу, что ты здесь не при чём.

– Да нет, похоже, что очень даже при чём!

– Боб с Сашей предложили меня подвезти. Да и тебя потом к нам доставить – ну, если понадобится... Боб сказал, что тебе пока что тяжело пешком передвигаться...

– Ну правильно же, Витька? Тебе же ещё больно? А ещё я настоял, что тебе, в любом случае, нужно про Киру рассказать.

– Ну, да. Про Киру, конечно, нужно было сказать. И потом, я подумала, что если это что-то личное, то, может быть, только ты, Витя, сможешь помочь. Поговоришь с ней. Тебя она послушает... А почему ты сказал, что «очень даже при чём»?

– Ай, да тут у нас вот какая фигня произошла.

Не без стыда, туманно и с недомолвками Витька рассказал о том, что слышал от Наташки.

– А! Так вот что это было! – вдруг сказал Боб.

– Ты о чём?

– Да когда мы с Таней и Тоней от тебя выходили вчера, то какой-то шум был в кустах, и здоровенная тень в сторону метнулась. Мы с Таней чуть позади были и не видели, только шорох слышали. А Тоня даже испугалась. Ей ещё Таня говорит – ты, мол, чего? Ну, собака какая-то пробежала, подумаешь! Да уж больно здоровая, говорит, собака – прям, собака Баскервилей какая-то!

Тем временем Сашка подогнал машину к калитке Кириного дома и обратился к Витьке:

– Ну что? Мы тебя здесь ждать не будем, наверное, а заходить – тоже неудобно. Ты позвони потом, я тебя домой отвезу.

– Хорошо. Спасибо, Сашка.

Лена после Витькиного рассказа как-то успокоилась и будто бы даже рассердилась на Киру. Во всяком случае, такое у Витьки возникло впечатление. Когда подошли к дому, то обнаружилось, что Лена не взяла с собой ключи. Она долго стучалась, но дверь так и не открылась. Тогда Лена повернулась к Витьке и сказала:

– Придётся в окно лезть. Вот скотина Кирка, устроила спектакль и теперь до конца будет свою роль играть. Нервы – как канаты!

Потом исчезла в глубине двора и через несколько минут открыла Витьке дверь изнутри.

– Ладно, иди к ней. Она в нашей комнате. Я, если сильно спать захочу, то в гостиной на диване лягу. Ну, пока! И протянула Витьке ладошку для пожатия.

Примирение с Кирой было настолько бурным, что Витька даже не узнал свою обычно такую сдержанную Киру с её строго регламентированным набором санкционированных нежностей.

Нет, конечно же, всё было очень пристойно! Но для Киры это был небывалый напор страстей. Чуть позднее, склонный к натуралистическим обобщениям Витька, даже усмотрел в эмоциональных всплесках Киры некую цикличность. Во всяком случае, их ссоры всегда заканчивались очень пылко. Правда, он так и не смог понять до конца, насколько сама Кира осознавала эту цикличность и насколько эти всплески эмоций были естественными.

Примирение заняло некоторое время, и когда, уже после десяти вечера, Витька собрался, наконец, домой, ему было неловко беспокоить Сашу. Витька решил, что как-нибудь доковыляет до дома пешком. А будет больно – остановится передохнуть. Но то ли колено уже миновало критическую стадию лечения, то ли так чудодейственно подействовал на него подаренный Таней и Тоней джин, только до дома Витька добрался довольно быстро и без всяких проблем.

XXIX

Если не считать волнений, связанных со вступительными экзаменами, то следующие две с половиной недели можно было бы назвать идиллическим периодом в жизни Витьки. Колено почти перестало болеть. С Кирой Витька по-крупному больше не ссорился. Родители прислали телеграмму, сообщили, что у тётки Люси всё хорошо, вторая операция прошла успешно, только им придётся побыть рядом с ней, пока она не поправится. В институт Витька поступил очень легко. Два экзамена он сдал на «отлично», а от остальных был освобождён.

Из всей их компании Харлампида был единственным человеком, который с треском провалился на первом же экзамене. Хуже всего было то, что Паня, к тому же, был в их классе переростком, а это означало, что в следующем году он поступать уже не мог – осенью его должны были забрать в армию. Об этом, и о других своих новостях, он подробно написал друзьям из Краснодара. Впрочем, в тот момент, когда письмо упало в почтовый ящик Игната, Панайот уже грел пузо на Чёрном море. Он решил провести свои, как он сказал, «последние месяцы свободы», на волнах, «как и положено понтийскому греку». Средства на жизнь для последних месяцев свободы были ни чем иным, как возвращённым остатком взятки за поступление в физкультурный институт. Увы, по мнению Паниной родни, именно в этом злополучном учебном заведении у него был наиболее реальный шанс, и именно туда он направил свои стопы. Следует добавить, что одним из решающих моментов при принятии решения была превосходная репутация одного преподавателя института по имени Александр Филиппович, как исключительного честного

взяточника. Если претендент не поступал, то взятка возвращалась назад, за исключением каких-то жалких двухсот рублей, которые взимались на «текущие расходы» и на угощение членов приёмной комиссии. При повторном поступлении соискатель даже получал льготную скидку. Забегая вперёд, сразу скажем, что эту льготу Пане не удалось реализовать из-за того, что к моменту его возвращения из армии честного взяточника уже арестовали. Какому-то влиятельному и дотошному родителю удалось выяснить, что Александр Филиппович никаких членов комиссии вообще не угощал и, вообще, никому не протезировал. Его остроумный метод состоял в том, чтобы запрашивать не слишком большую сумму и не давать никому твёрдых гарантий. Потом он просто дожидался результатов экзаменов и прикарманивал деньги тех, кто поступил, а неудачники получали свои взятки обратно. Причём особенно благоприятно на его репутации сказывалось то, что откровенным двоечникам он сразу отказывал, поскольку-де он «хоть и рад бы помочь, но чудес не бывает». Чудес, видимо, действительно не бывает, так что, видимо, закономерно, что Йотик провалился, а Александр Филиппович, в конце концов, оказался на нарах.

Боб со своей золотой медалью поступил после первого же экзамена, Кайрат – после двух, а Игнату и Кире предстояло сдать ещё по два, но, в целом, всё шло почти по плану. «Почти» – потому что Игнат сдал два первых экзамена на четвёрки и автоматически терял право на межвузовый обмен. Теперь он мог претендовать только на те специальности, куда был недобор. Впрочем, глядя на Игната, никто бы не заподозрил, что он этим озабочен, тем более, что всезнающий Боб уже выяснил, что перевестись на смежную специальность после первого курса – плёвое дело. Теперь Игнат стратегически примерялся, с какого факультета и куда ему будет проще переводиться, чтобы не терять результатов уже сданных к тому времени предметов общего профиля.

Единственной «ложкой дёгтя» был разгорающийся раздор в Вовкином доме. Давно тлеющее противостояние перешло, наконец, в открытую ссору. И именно Витька случайно оказался свидетелем её начала. Он тогда как раз примчался к Бобу с радостной вестью. Тем утром Витька вместе с Кирой проверял в институте списки с оценками. Отдельно висел небольшой листок с фамилиями зачис-

ленных на учёбу после первого экзамена медалистов, спуск начинался с фамилии Авдеев.

Из института Кира сразу же поехала делиться новостями к матери на работу, а Витька рванул к Бобу, чтобы первым сообщить ему о зачислении. Вопреки своим ожиданиям, Вовку он не застал, а на его стук из-за двери неожиданно выглянула тётя Валя, которая в это время по всем расчётам должна была быть на службе. В подобных случаях Витька старался не оставаться в доме Авдеевых. Бывало, что он шёл к Сашке со Светкой во времянку, а если и их не было, дожидался Боба на улице, в беседке напротив Бобовских ворот. Вызвано это было тем, что тётя Валя заметно тяготилась присутствием посторонних. Не слишком хорошо знакомый с ней человек мог бы ошибочно истолковать это как знак нерасположения, но даже и Витька, привычный к извигам тётки Валиных настроений и не сомневающийся в её добром отношении к себе, не мог бы назвать такой приём радушным. Поэтому он привычно раскланивался, а тётя Валя его не удерживала и войти не приглашала. Но на этот раз у Витьки возникло странное до подозрительности ощущение, что она ему даже рада. Поначалу он приписал эту аномалию тому, что тётя Валя уже знает о Вовкином успехе.

– А, это ты, Витя? Проходи, проходи в кухню, Володя сейчас придёт, он в аптеку пошёл, – приветливо сказала тётя Валя, пропуская его впереди себя.

В кухне напротив окна стояла Вовкина бабка, мать дяди Серёжи. Лицо у бабки было напряжённым и злым. Как только тётя Валя вслед за Витькой вошла в кухню, бабка принялась её громко отчитывать. Теперь стало ясно, что Вовкина мать решила использовать Витьку в качестве пассивного миротворца, именно этим и объяснялось её чрезмерное гостеприимство. Но на бабку Витька, похоже, не произвёл ни малейшего впечатления, потому что та, нимало не стесняясь, продолжила свою речь, как видно, прерванную его приходом:

– Вот ты думаешь, Серёжу вылечат, и он пить перестанет? Это вряд ли. А мужиком больше не будет!

– Да отстаньте вы от меня, ради бога, Александра Григорьевна! Мне знающие люди сказали, что лечение ему поможет. Специалисты, не вам чета!

– Спициалисты! Много они понимают! И что страшного, если мужчина немного выпьет? Не каждый же день!

– Это раньше было «не каждый». А теперь – каждый. Каждый день на рогах! Хорошо ещё, что на работе пока не пьёт. Но всё к этому идёт. Если не остановить.

– На работе Серёжа пить не будет, не такой он человек! А после работы не грех и отдохнуть. Вот покойник, Тимофей Егорович – царство небесное – тоже выпивал. И ничего! Жили с ним – душа в душу. Хоть он иногда и буен бывал во хмелю. А Серёжа тебя чуть ли не на руках носит.

– Ага! Носит! Когда на ногах стоит!

– Что ты всё оговариваешься? Ей скажешь – а она опять! Скажешь – а она опять! Чего не скажешь – всё оговаривается! Никакого уважения нету. Я тебе в сотый раз говорю: один только вред от этих таблеток. Вон, у Нюрки мужа лечили – и что? Как пил, так и пьёт! Ну, может, и меньше, конечно, но ненамного. А Нюрка говорит, мол, дура я была! Крепкий с виду мужик, а теперь, слышь – совсем слабак стал. Слышь, чего говорю – не может ничего!

– Перестаньте, Александра Григорьевна! Хоть при чужих людях постыдились бы!

Тётя Валя покраснела. Теперь она уже, похоже, и не рада была, что затащила Витьку в кухню. Но бабке – как с гуся вода.

– Мне стыдиться нечего, я правильно говорю. Слышь чего! – бабка подошла ближе к тёте Вале и понизила немного голос. – Ты ведь не понимаешь, видно. Я говорю, Нюркин муж в койке – совсем никуда не годный! Не жалко родного мужа – хоть о себе подумай, дура!

– Незачем мне об этом думать!

– А-а-а! Дак у тебя, видать, есть кому позаботиться! Вот хорошая невестушка! Говорила я Серёжке – возьми молоденькую девушку. Вот хотя бы соседки, Марьи Сергеевны дочку, возьми. Не женись на опытной! Так не-е-ет! Чувства у него. Вот тебе и чувства!

– Да прекратите вы, наконец, чужь молоть! Идите к себе в комнату!

– Это что же ты меня гонишь? Вы посмотрите, люди добрые! Я тоже здесь живу! Это и мой дом!

– А вот это уж нет! У вас своя квартира есть. Жить – живите, а права здесь нечего качать!

– Так вот как ты меня отблагодарила за то, что я с детьми твоими нянчилась! – перешла бабка на крик. –

Ну постой, придёт Серёжа, я ему всё, всё расскажу! И про то, как ты уморить его хочешь, и про хахалей твоих! Всё! Всё расскажу.

Бабка, не умолкая, прошла мимо Витьки в глубину дома. Некоторое время её причитания ещё звучали, постепенно удаляясь, потом, наконец, стихли. Слышно было только, как всхлипывает тётя Валя. Витьке сделалось совсем неприятно и неловко.

– Тётя Валя, ну я пойду? Мне ещё сделать кое-что нужно сегодня. А Бобу я позвоню потом, ладно?

– Иди, Витя. Иди.

XXX

Насчёт дел Витька тёте Вале почти не соврал. То есть, особых-то дел никаких и не было, просто сегодня он был в очередной раз приглашён на ужин к Мариничам. С тех пор, как Витька помирился с Кирой, и зажила его нога, регулярные визиты вынужденно возобновились. Делить стол с Кириной семьёй приходилось не реже двух раз в неделю. Поначалу Витька пытался было откручиваться под разными предложениями, но Кира дала ему понять, что отказы обижают мать. Обижать Кирину мать, от которой и так за версту веяло опасностью, Витька не рискнул бы и по более серьёзному поводу, чем нудные семейные ужины. Тем более, что Лена, с которой Витька теперь, после её недавнего появления в его жилище вместе с братьями Авдеевыми, частенько перешёптывался, рассказала ему о некоторых подводных течениях в их семье.

– Плохо то, что Кира всё маме выкладывает, а та со своей колокольни ей советы даёт. Кира ей и про ваш выпускной, и про проводы Панайота рассказала. Мать тебя теперь считает «легкомысленным». Он, говорит, легкомысленный. За ним, говорит, нужно присматривать.

«Чушь какая!» – подумал Витька, а вслух сказал:

– Вот как?

– Ты про себя, наверное, подумал: «Вот ещё глупости!» – рассмеялась Лена, – но всё-таки, будь с матерью поосторожнее, она человек непростой, а Кирка ей чуть ли не в рот заглядывает.

Действительно ли Кирина мать смотрела на Витьку с подозрением, или же ему стало так казаться после слов

Лены, но теперь он частенько чувствовал себя амёбой на предметном столике микроскопа. Разговор с Леной, возможно, не оставил бы столь заметного следа, если бы не наложился на Витькины собственные впечатления, но, в любом случае, Витька старался быть с Кириной матерью, насколько возможно, сдержанным и предупредительным, а уж портить с ней отношения из-за назойливого хлебосольства и вовсе не входило в его намерения.

Впрочем, ужин в семье Мариничей в этот день прошёл приятно и весело. Витьке даже удалось отвлечься от неприятного впечатления, оставшегося у него после давешнего происшествия у Авдеевых.

Кирин отец рассказывал разные занятные истории, а потом ещё и спел под гитару несколько песен. Обе сестры и их мать тоже были оживлёнными, много смеялись. Словом, ужин удался. Не обошлось, правда, без небольшого недоразумения. Когда Кира с матерью пошли приготовить всё для чая, а отец вышел покурить, Витька, сидевший до того с другой стороны стола, подсел к Лене.

– Ой, я никогда не замечал, а у тебя в правом глазу радужка двухцветная.

– Ну да! Двухцветная и лучистая.

– Как это?

– А вот посмотри внимательней, там от зрачка такие лучики расходятся.

Витька наклонился к её лицу.

– Нет, не вижу лучиков.

– Сейчас, я к свету повернусь. Вот, смотри.

И тут же, неся в руках вазочку с вареньем, в комнату бесшумно вошла Кира. Ни слова не говоря, она, с довольно громким стуком, поставила вазочку на стол и снова скрылась за дверью. Хуже всего было то, что, как только слышались шаги за спиной, Лена отпрянула от Витьки, и Кира это наверняка заметила. Несмотря на совершенно невинный характер того, что случилось, Витька чувствовал смущение. Лене, похоже, тоже было неприятно.

Впрочем, этот вечер всё же закончился мирно. Когда Кира вышла за калитку поцеловать Витьку на прощание, она ни прямо, ни намёками не напомнила ему о происшествии.

Из дома Витька позвонил Бобу, но тот резко оборвал разговор:

– Слушай, я не могу сейчас говорить, ты позвони завтра. Мама тут к наркологу ходила, чтобы батя пить перестал.

- Да я в курсе. Я у вас был сегодня.
  - Ну вот. Они тут сейчас все трое ссорятся.
  - Кто?
  - Да все. Мать с отцом. Бабка. Сумасшедший дом!
- В общем, давай, до завтра? Завтра днём позвони.
- Хорошо.

На следующий день Витьке так не удалось поговорить с Бобом, хотя он пытался ему звонить несколько раз. Было такое впечатление, что на другой стороне линии кто-то брал трубку и тут же снова швырял на рычаг. Под вечер Витька не выдержал и сам пошёл к Авдеевым. У калитки его встретила Света.

- Ой, у нас тут такое творится... Заходи. Только пойдём сразу к нам, я тебе там всё расскажу. Вовка с Сашкой тоже сейчас приедут.

- А что такое?

- Пошли, пошли. Не надо здесь.

Во времянке сидела заплаканная Вовкина сестра, Ирка.

- Ирка, привет, - сказал Витька.

- Ира, ты поела? - спросила Света.

- Да. Поела... Света, можно я к Наде Савушкиной пойду?

- Это та, что на углу живёт? Она тоже, вроде бы, в седьмой перешла?

- Да.

- Ну ладно, сходи. Только не поздно!

- Хорошо, Свет.

Света проводила Ирку за дверь и вернулась к Витьке.

- У нас тут война. Ой, такой цирк! Про кого другого рассказали бы - я б только посмеялась!

- Да что происходит-то? Это из-за нарколога что ли?

- Ха! Если бы! Нарколог - это уже вчерашний день. Сегодня у нас дела покруче.

- В смысле?

- В смысле, Сергей Тимофеевич сегодня ночью развлёкся - от души. Он же начальник цеха пароводоснабжения - ну ты ведь знаешь, да?

- Знаю.

- Вот. У них там кроме дневных работников, есть сменные бригады - дежурят по три человека посменно, с четырёх до двенадцати, и с двенадцати до восьми - и вчера в ве-

черней смене аж двое неожиданно заболели. В общем, по идее, начальник цеха работает только днём, но вчера Тимофеичу пришлось идти дежурить.

– Так. Ну и что?

– А вот что. Ты вот как себе представляешь слесаря, с которым Тимофеич вчера дежурил?

– Ну, как... Мужик в спецовке и промасленной кепке, из кармана гаечные ключи торчат.

– Стереотипно мыслите, молодой человек! Слесарь – девка лет двадцати пяти и, похоже, та ещё оторва. В общем, я не знаю всех подробностей, но они там, в ихнем цехе, воду из скважин качают. Насосы стоят в углублениях, в таких колодцах – метра по четыре в глубину и так же в диаметре. Как раз вчера днём с одного колодца сняли крышку, что-то там ремонтировали, но не закончили и крышку назад не поставили. Между тем, наш Тимофеич с этой девкой вдвоём хорошенько выпили и развлеклись. Потом девка пошла в уборную, уборная-то у них аж на другом конце двора. Ну и ухнула в темноте в открытый колодец, когда назад возвращалась. Правда, удачно упала, не покалечилась. Из колодца так просто не вылезешь, они лестницы туда опускают для обслуживания. Девка, понятное дело, стала орать. Тимофеич прибежал на помощь, но за лестницей ему было лень идти. Там какая-то труба лежала рядом, он эту трубу ей сверху подал, девка уцепилась, и Тимофеич стал её вытягивать. В общем, она и его в колодец утянула. Сидят оба. Этот цех на отшибе, кричать бесполезно. Ждут следующую смену. Оба пьяные. Ждали-ждали и заснули там.

В двенадцать ночи пришла другая смена. А у них там, если вдруг на аварию вызовут, то, бывает, что предыдущая смена задерживается на объектах. Новая смена проверила журнал, там, вроде, никаких записей. Но никто не обеспокоился, мало ли – может, очень срочный вызов, тогда некогда писать. Тем временем, эту девку муж потерял. Она-то должна была уже домой приехать, а её всё нет и нет. Стал звонить на работу. На работе к тому моменту тоже уже почуяли неладное. И, между прочим, обнаружили её одежду на стуле, в том числе, лифчик. Так и сказали мужу. Муж на мотоцикл – и на завод. Стали искать, с фонариками. В конце концов, нашли. Девка – в рубашке моего дорожного тестя, а сам он голый по пояс. Поставили лестницу. Наши голубки поднялись. Кстати, муж этот раньше, бывало, забирал её со смены, так что всех там знает. Первым

делом он с тестем за руку поздоровался уважительно – здарсьте, мол, Сергей Тимофеич, как ваше здоровье? А потом девку завёл за угол и там наваял ей. Так-то всё ещё, может, и обошлось бы. Но тесть услышал, как эта девка верещит, побежал туда и мужу по рылу тоже съездил два-три раза. Сцепились. Шум, гам. А у Тимофеича зам – настоящий скорпион. Он давно под него роет. Вот этот зам как раз был бригадиром следующей смены. Вызвал охрану. И Валентине Петровне позвонил, рассказал про похождения её благоверного. Ну и всё. У нас сегодня с самого раннего утра – плач и скрежет зубовный. Боюсь, что до развода дойдёт. Ирку вот к себе взяла, чтоб не травмировали ребёнка. Сашка с Бобом поехали к этому самому мужу, чтобы делу хода не давать. А сам Тимофеич с женой воюет, и конца пока не видно. Да ещё бабка масла в огонь подливает. Интересная старушка! Знаешь, что сказала?

– Что?

– От хорошей жены муж гулять не будет!

– Да уж... Весело.

– Это точно. Знаешь, ты, наверное, иди. Что-то мне подсказывает, что на этом празднике жизни мы с тобой лишние. Но мне идти некуда. А ты иди. Я скажу Бобу, что ты приходил.

– Ладно. Я дома буду. Ну, если вдруг помощь нужна.

– Спасибо, Вить. Да чем здесь поможешь? А мальчишкам ещё и стыдно за отца. И ты знаешь, что?

– Что?

– Не показывай Бобу, что тебе всё известно. Я думаю, кое-что он тебе сам скажет, но без подробностей, скорее всего. Я-то тебе рассказала, потому что ты свой, и злорадствовать не будешь. Но мне Тимофеич всего лишь тесть – седьмая вода на киселе, а мальчишкам он – родной отец. Понимаешь?

– Понимаю.

Вечером хмурый Боб с большой сумкой на плече постучался к Витьке.

– Витька, ничего, если я у тебя несколько дней проживу?

– Живи, конечно. Дома, что ли, плохо совсем?

– Совсем. Только давай, я тебе завтра обо всём расскажу?

– Ладно.

XXXI

Но и назавтра им и не удалось поговорить. Рано утром за Бобом заехал Сашка, братья долго спорили о чём-то в машине, а потом Боб уехал на целый день, Витька так и не увиделся с ним до самого вечера.

Вечером у Витьки в гостях была Кира. Пришла в хорошем настроении, потому что, неожиданно для себя, утром сдала самый страшный для неё предмет – физику – аж на четвёрку. Физика была третьим по счету экзаменом, теперь Кире для поступления было достаточно не провалить последний. Кира была очень довольна, рассказывая про экзамен, смеялась и изображала жесты преподавателя, очень, по её словам, живописного и смешного старичка. Но потом, заметив Бобовскую сумку, нахмурилась:

– А чьи это вещи?

– Вовкины. Он у меня поживёт немного.

– Почему?

– Да у него в доме сейчас обстановка очень тяжёлая.

Витька в двух-трёх словах рассказал Кире, в чём дело.

– Ну и что? У них же времянка есть.

– Во времянке только две комнаты: спальня и всё остальное. Сашка со Светой и так туда Ирку забрали, Бобовскую сестру младшую.

– Мало ли что! Ты-то здесь причём?

– Как это причём? Мы же с ним друзья!

– Но хотя бы посоветоваться со мной ты мог?

– О чём?

Разговор грозил перейти в новую ссору. Этому, однако, помешал приход Игната, появившегося в проёме незапертой калитки. Пока он шёл от ворот к дому, Кира всё же успела прочитать Витьке короткую нотацию:

– Вы с Бобом друзья, да? Так. Это хорошо. Но мы ведь тоже, вроде, не чужие. А ты даже не спросил моего мнения! Вот я бы с тобой – обязательно посоветовалась!

– Ага. Ладно. Видишь, насколько ты лучше меня во всех отношениях!

– Витька, Кира, здорово! – поприветствовал их вошедший Игнат.

– Сдал?

– Уф!... Сдал. На четвёрку.

– Кира тоже сдала. И тоже на четвёрку.

– Класс! Ещё один рывок, – и мы тама! – Да, Кир? – подмигнули Кире Игнат. – А где Боб? Он же теперь у тебя, вроде, живёт?

– Ты уже знаешь?

– Знаю. Я сейчас у него дома был, так Светка рассказывала. А где он сам-то?

– С утра уехал с Сашкой куда-то, и вот – до сих пор нет.

– Ладно, я подожду его, хорошо? Нужно же поддерживать его немного. Я и поддерживающий эликсир для него принёс, правда, маловато. Игнат достал из сетки бутылку.

– Ух ты! «Мурфатлар»! Отличное вино. Где взял?

– Дядька получил в качестве подношения. Не Исполуататор, а отцовский брат, Кирилл, тот, что рентгенологом работает. А я у него конфисковал. Да он и не разбирается совсем, ему этот «Мурфатлар» – только добро переводить! Как свинья в апельсинах. Он больше всего портвейн номер двенадцать любит. Вот я и поменялся с ним. Бутылку портвейна – на две бутылки «Мурфатлара», но одну мы уже дома уговорили.

– Щедрый ты, Игнат! – рассмеялся Витька.

– А что? – обиделся Игнат. – Портвейн же крепче! И вообще...

Игнат хотел было развить тему, но остановился, подняв вверх указательный палец:

– О! Хорошо, что сейчас вспомнил! Ты, Витька, в институт больше не ходи.

– Совсем? А куда идти? В техникум?

– Дурак, тут не до шуток. До начала занятий – не ходи ни при каких обстоятельствах!

– А что случилось?

– Они там новую пакость придумали. Всех поступивших абитуриентов после последнего экзамена будут ежедневно отправлять на сельхозработы.

– Как это?

– А вот так! Распоряжение обкома партии. И из нашего, и из института культуры, да из всех институтов будут возить автобусами на сбор зимних сортов яблок, куда-то в предгорья, за Манкент.

– Вот сволочи!

– Хорошо ещё, каждый день будут возить. Утром – туда, а вечером – обратно, хоть не жить в бараке.

– Всё равно сволочи! А потом ещё на хлопок зашлют, месяца на два.

– Это уж как пить дать! Так вот. В институте объявления везде развесили, а к нам на экзамен лично парторг приходил. Страшал разными карами, если вдруг кто будет уклоняться. Вплоть до отчисления. Отчислить-то они не отчислят, конечно, но начинать учёбу с конфликта с комитетом комсомола – тоже хорошего мало. Плавное, там в объявлении чёрным по белому написано, что «требуется добровольцы из числа поступивших абитуриентов». Ну, один парень так и спросил. Написано, говорит, про «добровольное участие» – что же вы нас пугаете?

– А парторг?

– Это, говорит, для сознательных студентов – добровольное участие, а несознательных будем заставлять.

– Остроумный, гад.

– Не без того... Ну, да. И других, говорит, обязательно предупредите, если кто-то не видел объявления. Я и пошёл сразу вас с Бобом предупреждать. Вам же в институт не нужно приходиться до начала занятий? Вот и не ходите! А если что, скажешь потом – не знал! И всё, взятки гладки! Даже если они по почте отправят письма какие-нибудь. Разорви и выкинь. С повестками-то точно никто ходить не будет. А мы уж отмучаемся за вас, да, Кир?

Кира не ответила. Было заметно, что новость её огорчила. Перспектива мучиться с Игнатом за Витьку с Бобом, похоже, тоже не показалась ей особенно привлекательной.

Вскоре пришёл печальный Боб. Видно, дела у него дома были совсем плохи, во всяком случае, распространяться на эту тему он не стал, и даже «Мурфатлару» не обрадовался. Вся компания приуныла, даже Кира, похоже, прониклась немного. Во всяком случае, уходя, взяла с Витьки обещание, что тот придёт завтра к Мариничам на ужин вместе с Бобом.

– Пусть приходит. И девушку свою пускай с собой приведёт. Как там её?

– Женя.

– Вот пусть вместе с Женей и приходит, хоть отвлечётся немного.

Витька пошёл провожать Киру и как-то незаметно дошёл с ней до района Кривых улиц. А когда вернулся, то Игната в доме уже не было, зато появилась новая гостья. Когда Витька вошёл в дом, на плече у Боба рыдала Наташка-Змея. Она повернула голову на звук открывающейся двери и зарыдала ещё горше.

- Что тут у вас ещё произошло?
- Я пришла тебе про себя рассказать, а у Володи тоже такое горе, Витя-а-а-а!
- Ну, про Володю я знаю. А у тебя что стряслось?
- Мы с Колей на развод подали, – всхлипывая, ответила Наташка.
- Так это же давно уже было понятно, разве нет?
- Давно. Я и не плакала, а тут вот Володя про свои неприятности рассказал, и – как прорвало!
- Ну ладно, если так, то хватит плакать, слезами горю не поможешь. Давайте лучше чай пить.
- Давайте. Мальчики, хотите, я айвовое варенье принесу?
- Не надо, Наташа, у нас всё есть.
- Хорошо. А ты сам-то где пропадаешь?
- Киру провожал.
- А! Крученная девка. Смотри, захомутает она тебя!
- Перестань, Наташ!
- Ладно, ладно. Молчу.
- После ухода Наташки-Змеи Боб сказал:
- Душевная у тебя соседка, Витька! Даже странно, что у неё такое прозвище.
- Ты думаешь? А вот Кира бы с тобой не согласилась...

XXXII

К дому Мариничей Витька и Боб с Женей подошли одновременно. Боб никогда раньше не бывал у Киры, а Женя, к тому же, в первый раз шла во взрослую компанию в качестве Вовкиной девушки, поэтому оба стеснялись. Витька дал им возможность поучаствовать в затянувшемся ритуале гостеприимного знакомства в компании Киры и её родителей и немного пообвыкнуть, а сам просочился на кухню, где хозяйничала Лена. Та гремела кастрюлями на плите и не слышала, как вошёл Витька, поэтому, когда она отпрянула, вдруг увидев его за спиной, то Витька приписал это испугу от неожиданности. Но Лена, вытянув перед собой руку, тут же сказала довольно неприветливым тоном:

– Вот так! Ближе не подходи!

Стало ясно, что дело не в испуге.

– Что с тобой, Лен?

– Со мной-то? Со мной – ничего! Хотя нет. Вот – смотри, что со мной!

Оттянув блузку на бретельках, Лена показала Витьке кусочек левой груди. По груди шли четыре борозды.

– Боже! Что это?

– Спроси у своей ненормальной Кирочки!

– Нет, а на самом деле?

– А на самом деле... – Лена немного смягчилась, – ты же не виноват, что я на тебя-то злюсь? Помнишь, ты ко мне подсел в прошлый раз?

– Ну, помню.

– Вот. А это – результат. Следы Кирочкиных когтей!

– Ты шутишь!

– Ага! Шутишь! Если бы! В общем, хоть ты и не виноват, но ко мне при Кирке близко не подходи. Во-первых, мне неинтересно ни за что от неё оскорбления выслушивать, да ещё и оплеухи получать. А во-вторых, тебя здесь всё равно скоро не будет, а она мне – сестра. Так что выбирать я не могу, извини! В утешение могу сказать, что если бы могла выбирать, то выбрала бы тебя, ты мне нравишься больше.

– А почему ты думаешь, что меня здесь скоро не будет?

Лена, забыв о запрете на приближение, подошла близко к Витьке и, глядя ему в лицо, сказала:

– Кирка – дура! Она думает, что тебя можно гнуть – вот как мама папу гнёт всю жизнь. Она не понимает, что все люди разные. И что тебя не погнёшь!

– Вот какой я стальной! – дурашливо загордился Витька.

– Да нет, Витя, ты не стальной, – очень серьёзно продолжила Лена. – В том-то и дело. Был бы стальным – всё было бы без проблем.

– А какой же?

– Какой?...

Лена на секунду задумалась.

– Ты, Витя, как вода. Вот ударь воду. Или толкни. Или разрежь. Что получится? Ни-че-го! Вот и у Кирки так же будет. Ни-че-го! Хоть и жаль её немного. Но может быть, так даже лучше. Ей с тобой не справиться. Вот я, – засмеялась Лена, – смогла бы!

– Серьёзно?

– Нет, конечно. Я бы тоже не смогла. Хотя мне бы хотелось. Ну ладно, иди. Сейчас сюда Кирка зайдёт, а я не хочу с ней ссориться. Когда её нет – что угодно, а с ней – только чинно, официально, через салфетку.

– Чего-о-о?

– Ничего! – захохотала Лена. – Иди уже!

За столом Витька старался уводить беседу от любых тем, которые могли болезненно задеть Боба, но он, неожиданно, сам вывел разговор на неурядицы в семье, причём, с довольно неожиданного ракурса. Кирина мама, продолжая источать медовую любезность, начала расспрашивать Женю с Бобом о выборе профессии.

– Вы, Женечка, тоже куда-нибудь поступаете?

– Нет, Нина Николаевна, я уже на четвёртый курс музыкального училища перешла.

– Да что вы? А я думала, вы все ровесники.

– Почти ровесники.

– А вы, Володя?

– А я уже поступил. Я сдавал в технологическом, но по межвузовому обмену должен был в московский институт ехать. Только теперь, видимо, не поеду.

– Почему? Ведь это же, наверно, не так просто было?

– Бобу – просто! – возразил Витька. – Он у нас медалист, и, вообще, умница. Он и по обмену с первого экзамена поступил.

– Неужели? Тогда – тем более непонятно. Что, решили не учиться?

– Да нет. Просто, наверно, переведусь обратно сюда. Я уже разговаривал с заместителем декана сегодня. В принципе, это возможно, хотя он был очень недоволен.

– А почему вы решили остаться?

– Семейные проблемы. В смысле, не у меня, у меня-то пока своей семьи нет, – улыбнулся Боб, – у родителей. Родители у меня два дня назад разошлись, вот в чём дело.

– Какой ужас! Как же это?

– Ну, вот так... Так случилось.

– Ужасно! Особенно для детей. У вас братья или сестры есть?

– Есть. Но брат совсем взрослый уже. А вот сестра маленькая, ей всего двенадцать.

– Это, конечно, очень печально. Но, может быть, ещё образуется?

– Может быть... Хотя, вряд ли.

Из сказанного Витька понял, что Вовкины родители расходятся окончательно и бесповоротно. Хотя не ясно пока, какие это повлечёт за собой последствия. Но если бы была надежда, что всё обойдётся, то Боб ни за что не стал бы сейчас об этом сейчас говорить. Значит, не обойдётся... Но почему Боб решил остаться? Может быть, просто пси-

ханул сгоряча, а потом будет жалеть? Нужно обязательно поговорить с ним об этом, пока он не наделал глупостей. Почему он ничего не сказал раньше? Наверное, всё разрешилось только сегодня, а сегодня они целый день не виделись.

После ужина, когда Боб собрался проводить Женю на такси, прежде чем пойти вместе с Витькой к нему домой, Витька увязался за ними.

– Ты не против, если я вместе с вами? А потом – сразу домой.

– Нет, пошли. Так даже веселее.

– Кира, тогда я тоже пойду, хорошо? А завтра – как договорились. Я за тобой в шесть зайду. Да?

– Может быть, ты пока останешься? А Володя потом вернётся?

– Да нет, лучше мы пойдём уже.

– Ну чего вы? Ведь рано же ещё совсем! А можно, я тогда с вами прогуляюсь? Только вы меня потом назад до дома проводите, хорошо?

– Как Боб... Если он не против.

– А что Боб? Я не спешу, это Женя спешит. Я не против.

Пока шли из Кириной улочки на большак, чтобы поймать такси, Витька начал расспрашивать Боба.

– Боб, я с тобой поговорить хотел. Ты чего это решил от обмена отказаться? Наделаешь глупостей, а потом будешь жалеть. Что там у тебя стряслось?

– Мне тоже нужно с тобой поговорить. Для тебя новости есть. Но с моим обменом – точно ничего не получается. Вот смотри. Отец уходит. Вернее, он уже ушёл, в ближайшие два-три дня вещи перевезёт – и конец.

– Ну и что?

– Да погоди! Отец съедет из дома вместе с бабкой. Они в бабкиной хате будут жить. Квартирантов бабка уже попросила уйти, те всё равно только до конца этого месяца квартиру снимали. У бабки одна комната стояла закрытая – вот там они с отцом пока что и кантуются. Батя вчера мне с Ирккой слёзную сцену устроил. Мол, вы мои дети, я всегда рад вас видеть. Но на самом деле, знаешь, как всё произойдёт?

– Как?

– Да он просто будет дальше спиваться. Мать это хорошо понимает, и я понимаю, и Сашка со Светой – тоже. Может быть, только Ирка ещё на чудо надеется, но это без толку. У папаши теперь совсем никаких тормозов не оста-

лось. То он в гараж ходил пить, да ещё с оглядкой, а теперь у него собственная квартира в полном распоряжении – есть где друзей-бухариков принять! А вот нам с Иркочкой там не будет места. Кого я совсем не понимаю, так это бабку. Весь сыр-бор с разводом ведь из-за неё, отчасти, начался. А теперь отец и ей там весёлую жизнь устроит. Со временем. Но суть не в этом.

– А в чём?

– А вот, что мать одна остаётся с Иркочкой на руках. Как я их брошу?

– А Сашка со Светой?

– А что Сашка со Светой? Сашке квартиру от завода обещают к ноябрьским. Это в районе Свинцового завода. Каждый день не наездишься. Светка беременна – я только вчера сам узнал, как раз, когда мы всё обсуждали. Срок ещё маленький совсем, но это дела не меняет. Через полгода им самим будет помощь нужна. И что? Я их всех брошу и уеду? Нет, я твёрдо решил. Поэтому и тебе ничего не говорил пока – был уверен, что ты станешь меня утешать, взывать к благоразумию. А знаешь, что интересно? Знаешь, кто меня отговаривал до самого последнего момента?

– Света?

– А вот и нет. Сашка! Он очень жалеет, что я остаюсь. То есть, понимает, что я прав, но всё равно жалеет. Как же это он сказал? А, вот как! «Если бы ты сам хотел остаться – это нормально. А ты уступаешь давлению обстоятельств, вот что плохо!»

– А ты?

– Ну... Я с ним согласен... Но что это меняет? Понимаешь, если я сейчас уеду, мне будет в сто раз хуже. Не могу я сейчас... А потом – посмотрим... Да! Я вот что хотел тебе сказать. Я в институт ездил, к заму декана, к Тоскенбаеву. Объяснил ему ситуацию. Он хороший мужик, всё понимает, но у них же свой интерес. Они там и так что-то неправильно просчитали, с этими баллами проходными. Это же первый год такая система, опыта нет. По обмену и без того крупный недобор образовался, а тут ещё я отказываюсь. Вот я и сказал ему про тебя с Игнатом. Но у Игната не получается, как раз из-за проходных баллов, а с тобой – всё в порядке. В общем, он мне дал несколько дней на раздумья. А двадцать третьего, во вторник, ждёт меня в десять утра. И друга своего, сказал, приводи, если надумает. Там анкету надо заполнять, то-сё.

– Виктор, я надеюсь, ты не проникся этой бредовой идеей? – сказала молчавшая до сих пор Кира.

– А почему бредовой? – рассердился Боб. – Его на аркане никто не тащит! Просто предлагают дополнительные возможности. И на этот раз – без всякого риска. Только скажи: да или нет. И всё! Витька, я что-то не так сделал? Я же о тебе думал!

– Да нет, нормально. Я подумаю. Просто жаль, что у тебя не получилось... Ты же так хотел!

– Хотел... Витька, можно я с тобой ещё дня два поживу, пока у нас всё не уляжется?

– Да живи, сколько хочешь, что ты спрашиваешь?

– Ну, мало ли... А! Вот ещё что! Чуть не забыл. На, держи. Пока тебя дома не было, на твоё имя телеграмму принесли. Я за тебя расписался.

Подошли к большаку, где Боб стал ловить такси, а Витька распечатал листок телеграммы под светом одинокого фонаря. Телеграмма была от родителей: «поздравляем поступлением вскл». Витька протянул листок Кире. Та молча взглянула и отдала назад, не сказав ни слова.

К Кириному дому возвращались в тягостном молчании. Витька пытался вовлечь Киру в разговор, но та замкнулась и не хотела отвечать. Вовка тоже молчал, погруженный в свои раздумья. Обстановка была тоскливой.

XXXIII

Когда Кира позвонила и отменила встречу, то Витька ни капельки не удивился. Но всё-таки спросил:

– А завтра-то придёшь?

– Не знаю. Экзамен на носу...

– На носу – это через два дня? – уточнил Витька.

– И вообще. Ты же уезжаешь, зачем тебе на меня время тратить?

– Кто тебе сказал, что я уезжаю?

– А что – нет?

– Я пока что ничего ещё не говорил по этому поводу. Ни одного слова!

– Но Боб же сказал, что тебя берут, разве не так? Так что, ты не едешь?

– Пока не собираюсь.

– Какой ты всё-таки бессердечный! А почему ты мне не сказал?

– Что я тебе не сказал?

- Что ты не едешь.
- Потому что я об этом даже и не думал.
- Вот. Ты только о себе думаешь. Долго ещё Боб у тебя жить собирается?
- Ты же слышала вчера! Два дня.
- Ну, мало ли! У тебя же там – проходной двор... Как только твоя бабушка это терпит? Может, он сегодня решил ещё на неделю задержаться.
- Вроде, нет. Да и бабушке он не мешает. Бабушка его сто лет знает, он ей как родной почти. А что это ты такая строгая?
- Да потому что надоело! Я думала, у тебя хоть один друг нормальный – и тот оказался последним эгоистом! Все только о себе думают, начиная с тебя.
- Ты о чём? По-моему, Боб, наоборот, больше о других заботится, чем о себе. Что ты взъелась на моих друзей?
- Потому что эгоисты все! И плохо ко мне относятся.
- Ну и кто к тебе плохо относится?
- Да все! Что, скажешь, Игнат ко мне хорошо относится?
- Хорошо.
- И Боб?
- А Боб, вообще, прекрасно к тебе относится!
- И Паня этот – тоже, скажешь, хорошо?
- Ну, Паня – особый случай. Ты у него проходишь по категории «женский пол». Но в рамках этой категории – хорошо.
- Скажи ещё, что твои девки ко мне хорошо относятся.
- Ну, для «девок», как ты их называешь – нормально!
- Прям, Аркадия какая-то! Все такие хорошие-хорошие!
- Да, в общем, неплохие. Так ты придёшь?
- Посмотрим. Может, прощу тебя. Но пока там твой противный Боб – всё равно не приду.
- Ага, понятно. Значит, после экзамена? Здорово! Зарядно и поступление твоё отметим.
- А может, я ещё не сдам?
- Куда ты денешься? Не выдумывай! Всё будет нормально.

Через два дня, едва спустились сумерки, Кира снова переступила порог Витькиного дома. Как только Витька увидел её, всякие сомнения по поводу экзамена отпали. Кира сияла.

Сняв босоножки, она молча прошла в Витькину комнату, бросила сумку в угол, и ни слова не говоря, с таинственным видом повернулась к Витьке.

– Что, сдала, да? На пятёрку?

– Фу, Виктор, какой ты дурак! – притворно рассердилась Кира. – С тобой неинтересно, ты всё знаешь.

– Ну что, пятёрка, да? Пятёрка?

Кира тут же сняла гримасу недовольства с лица и, счастливо смеясь, схватила Витьку за руки и стала вместе с ним кружиться по комнате.

– Да, да, да! Пятёрка! Ура, экзамены закончились, мы поступили! Всё случилось так, как я задумала, всё будет так, как я хочу! Всё всегда будет так, как я хочу!

Эти слова встревожили Витькиного ангела-хранителя. Аня, перед этим безучастно смотревшая из своего бесплотного измерения на красноватые облака, проплывающие в окне на фоне тёмного неба, теперь невольно насторожилась.

Кира перестала кружить Витьку, обняла его и положила голову ему на плечо. Потом увидев под столом Бобовскую сумку, снова оттолкнула Витьку и сказала:

– Кто бы сомневался? Твой противный Боб всё ещё здесь!

– Нет. Он ещё вчера ушёл.

– А сумка?

– Ну а сумку оставил пока, потом заберёт. Или я занесу. А что, тебе даже сумка его мешает?

– Нет! Ну конечно же, нет! И вообще. Прости меня, я дура! Прости! – Кира снова обняла Витьку, стала повторять, перемежая каждое слово поцелуями. – Прости... меня... дуру... прости... прости... прости...

Небольшая размолвка, как обычно, завершилась пылко, пожалуй, даже более пылко, чем обычно.

Температура и влажность поцелуев устойчиво повышались, по мере того, как Кира с Витькой перемежались по комнате всё ближе к тахте. Упав на тахту, они некоторое время лежали без движения. Потом поцелуи возобновились. Пока Витька одуревал от возбуждения, Аня, в свою очередь, сходила с ума от беспокойства. Она уже знала, что сейчас будет.

– Виктор! – шептала Кира. – Я хочу быть твоей... Со всем твоей... Ты понимаешь?

– Угу!

Витька понимал.

– Витька! – закричала Аня у него над самым ухом. – Это совсем не то! Ты что, не понимаешь?

Витька не понимал.

– Это ведь тот же шантаж, – продолжала Аня, – и даже не утонченный. Самый настоящий грубый шантаж, слышишь?

Витька не слышал.

– Ну, опомнись же! Всё равно ничего хорошего из этого не выйдет, но ты сейчас вляпаешься. Ты увязнешь! Так глупо и так надолго. Остановись!

Витька не мог остановиться.

– Только закрой дверь на защёлку, – сказала Кира.

– Нету же защёлки, – сказал Витька, целуя Киру.

– Тогда стул в дверную ручку вставь! Ну что ты делаешь! Сумасшедший! Разве так можно?

– Можно-можно! – и Кирина кофточка полетела на пол.

– Можно-можно! – и вслед за кофточкой последовала блузка.

Аня в панике заметалась по комнате. Вдруг её осенило. Бабушка! Скорее наверх!

Бабушка дремала в мансарде у открытого окошка. Аня встала прямо перед ней и взмахнула крыльями. Ещё раз! Ещё! Запахло озоном. Бабушка всполошилась.

– Ты гляди-кось, какие молнии! Гроза идёт, а у нас окна открыты. Надо сказать Витьке, пусть окна внизу закрывает. А дома-то совсем темно! Нет его, что ли? Куда же он успел подеваться, проклятый мальчишка?

«Проклятый мальчишка», между тем, немного запутался в тесёмочках и застёжечках.

– Ой, больно! Ты за волосы потянул.

– Да что это за штука на тебе такая?

– Дурачок, это пояс с чулками.

– И зачем ты эту сбрую на себя надела?

– Сбрую! Что б ты понимал! Я же после экзамена дома ещё не была. А знаешь, какая это удобная вещь для шпаргалок? Я, может быть, и не сдала бы на пятёрку.

– Сейчас тебе шпаргалки не понадобятся.

– Ай! Ну больно же! Подожди, я сама сниму.

Пояс вместе с чулками полетел на пол.

В этот момент послышались шаркающие шаги, и дверь начала медленно отворяться.

Кира, как коза, скакнула за занавеску, подтягивая приспущенные трусики.

– Витя! Скорей! Гроза идёт! Беги, закрывай все окна, а то я одна не успею. Да ты здесь ли?

– Здесь я, здесь! Сейчас!

Бабушка, выходя, щёлкнула выключателем. Витька быстро огляделся. Не считая валяющейся на полу одежды, всё было нормально.

Витька выбежал из комнаты вслед за бабушкой, а вернувшись назад, обнаружил Киру уже полностью одетой, причёсывающейся перед зеркалом, укреплённым на дверце шкафа.

В отражении на Витьку смотрело злое лицо с поджатыми губами.

– Ну что, доволен? Что теперь бабушка подумает?

– Ну, в худшем случае, – захихикал Витька, – подумает то, что есть. Да не бойся ты! Ничего она не подумает. Она тебя даже не видела!

– Ага, не видела! А пояс с чулками? Он прямо посередине комнаты валялся!

– Он же комком лежал. На нём не написано, что он пояс. Ну, тряпка и тряпка.

– Нет, это ты – настоящая тряпка! Даже дверь не мог запереть.

– Не сердись, Кир, – Витька попытался обнять Киру, оттащить её от зеркала и вновь перевести в горизонтальное положение на тахте.

– Отстань!

– Ну, Кирочка, ну, милая...

– Отстань, я тебе сказала!

Кира решительно встала.

– Всё! Хватит с меня на сегодня приключений! Я пошла. Не провожай меня.

Витька понял, что сегодня Киру уже не уговоришь.

– Завтра увидимся?

– Завтра я в колхозе буду допоздна! Не у всех ведь такие привилегии, как у тебя!

– Кира! Ну я же не виноват! Что мне – пойти сдатьсь?

– Я знаю, что не виноват. Но всё равно обидно. Завтра у нас что? Вторник. Хорошо, я к тебе в среду зайду, по дороге домой. Но только на пять минут и без всяких глупостей.

Кира ещё покрутилась немного перед зеркалом, охлопывая себя и одёргивая одежду, и ушла.

Этой ночью Витька заснул, думая о Кире, но привиделась ему почему-то Лилька. У Лильки в руках был букетик колокольчиков, из которых она плела венки. Хотя во

сне она была одна и ничего не говорила, и хотя Витька никогда не видел раньше, чтобы она занималась такой ерундой, он почему-то сразу знал, что этот веночек – для него. Проснувшись среди ночи с бьющимся сердцем, Витька вспомнил их расставание. Лиля сказала тогда, что они встретятся через год. В тот момент он как-то не задумался над её словами. Но отчего, собственно, через год? Почему не раньше? Ну да, в чём-то она, наверное, права – им не стоило спешить латать прорехи. Но ведь Лиля, скорее всего, приедет повидаться с родителями уже через несколько недель, в худшем случае, через четыре месяца. Если не на ноябрьские праздники, то уж на Новый Год – наверняка. Тогда почему нужно столько ждать? Ну, а написать он ей может, вообще, хоть завтра. Разве нет?

Утром Витька поехал сдавать в ремонт швейную машинку, о чём мама просила его давно, но до сих пор Витьке было как-то не до того. Или некогда, или неохота. Одним словом, пора уже было заняться этим скучным делом, пока мама не приехала и не осыпала Витьку упрёками. Путь был неблизкий, аж к парку Металлургов, а выехал он, наверное, раньше, чем следовало бы – во всяком случае, в автобусе всё ещё ощущалась утренняя давка. Пока он доехал до места, ему не только оттянула руки и отбила ноги мамина «Чайка», но и сограждане-пассажиры, протискиваясь мимо и натываясь на угловатый и жёсткий футляр, не обходили Витьку неблагосклонным вниманием, высказывая разные по продолжительности и синтаксическому составу оценки – от междометий, до сложноподчинённых предложений в повелительном наклонении. Но ни одна душа его не пожалела.

Поэтому, когда он, уже налегке, возвращался назад, благостное безразличие окружающих ощущалось им почти как нега. Тем более, что остановка, где находилась мастерская, была всего лишь второй от начала маршрута, и народу в длинном икарусе пока ещё было немного. Витьке даже удалось занять одиночное боковое сиденье и, наконец, спокойно уткнуться в предусмотрительно взятый с собой карманный детектив.

Читая, он почти не смотрел по сторонам и немного оторопел, когда его окликнула севшая напротив женщина.
– Виктор?

Витька поднял глаза и увидел прямо перед собой Киру мать, Нину Николаевну.

– Ой, здравствуйте, Нина Николаевна! На работу?

– Да, на работу – кивнула Кирина мать. Опаздываю! Вот, отпросилась с утра, чтобы Киру проводить – их же из института на сельхозработы отправили сегодня. Так чтобы уж знать, что всё в порядке. Посадила её в автобус, посмотрела, что за люди. Вроде, ничего. А то ведь вся душа изболится от неизвестности. Душа-то ведь за всех болит!

Потом, помолчав немного, что-то сообразила:

– А тебя разве не посылают в колхоз?

– Ну вот так получилось, что не посылают.

– Как же так? Разве вы с Кирочкой не в одной группе?

– Ну, понимаете... Меня никто не оповестил – так что же я туда поеду? – Витька доверчиво и бесхитростно обрисовал ситуацию с колхозом.

Но Нина Николаевна вдруг посмотрела на него с неодобрением.

– Как же так, Виктор? Ведь ты – советский студент!

И тут же замолчала, отвернувшись к окну, как бы понимая риторическую бесплодность своего вопроса, и одновременно всё-таки выражая Витьке обструкцию. Потом, чтобы уж до конца высветить глубину Витькиного нравственного падения, задала ещё один столь же риторический вопрос:

– Так если ты в колхоз не едешь, почему же ты не пришёл Кирочку на автобус проводить?

– А надо было?

Нина Николаевна поджала губы и окончательно отвернулась к окну.

Витька пытался продолжать читать, но ощущение благодати безвозвратно исчезло, буквы напознали на буквы, строчки на строчки, в мыслях звучал навязчивый вопрос: «Какого чёрта? Какого чёрта? Какого чёрта?»

Он захлопнул книжку и посмотрел на часы: «Так. Сегодня вторник. До десяти ещё сорок минут».

На следующей остановке Витька встал и двинулся к выходу, со значением, и не без удовольствия, попрощавшись с Кириной матерью:

– До свидания, Нина Николаевна! Передавайте Кирочке привет.

Потом перешёл на другую сторону дороги и стал дожидаться автобуса, идущего в сторону института.

XXXIV

Рейс на Москву вылетал в полночь. На лётное поле Витьку провожали только Игнат, Боб и Сашка, который как раз и доставил всю компанию почти что к трапу самолёта. Сашка снова был за рулём: Бобовский папаша, уходя, расщедрился и оформил сыну доверенность на «москвич».

И, конечно же, здесь незримо присутствовали Аня с Фатимой. Ане предстояла длинная дорога вместе с Витькой, а Фатима заглянула сюда из любопытства – судьбам тоже не чужды слабости.

С родителями и бабушкой Витька простился ещё дома, сказав им про долгие проводы и лишние слёзы. Когда багаж был уложен, и все стояли вокруг уже заведённой машины, в кустах сирени вдруг запел соловей. Витька вспомнил, как не давал ему заснуть этот же соловей в конце июня и подумал о том, что вот и спет дурацкий романс, и любовь, кажется, тоже прошла. Как давно это было... А ведь с тех пор минуло всего два месяца!

С Кирой Витька попрощался ещё накануне. Прощался он с ней, как со своей девушкой: скоро Витька опять придет, скоро они снова увидятся. Внешне в их отношениях почти ничего не изменилось, только вот Кириным напор заметно ослаб с тех пор, как Витька сказал ей о своём переводе, да поубавилось страсти. Чувствовалось, что Кира, хотя и не списала Витьку окончательно, но котировку ему значительно понизила.

В общем-то, почти ничего интересного в этом расставании на лётном поле не было. Правда, Фатима обратила внимание на одну реплику Игната, который сказал, покачивая головой:

– Вот ведь ирония судьбы, а, Витька? Ты должен был провожать нас, а обернулось так, что мы провожаем тебя!

Фатиме было смешно услышать столь детскую сентенцию о какой-то там «иронии судьбы» от довольно взрослого мужчины. Впрочем, люди до самой старости остаются немного детьми.

Настроение у всех было разным. Сашка был спокоен, Игнат с Бобом немного возбуждены, а Витька испытывал странное состояние раздвоенности. Как будто бы одна его часть принимала участие в действии, а другая отстранённо наблюдала за действием со стороны. Впрочем, даже действующая часть присутствовала тут только телесно, а мысли блуждали уже где-то далеко отсюда. Витька рас-

сеянно думал о том, что ждёт его завтра, строил какие-то зыбкие планы и, конечно же, ошибался и в планах, и в ожиданиях. Он ещё не знал, как встретит его далёкий холодный город, в который он направлялся, не знал, что произойдёт с ним там за долгие пять лет учёбы, и через какие испытания ему ещё предстоит пройти. Не знал он пока и того, что очень скоро, в конце сентября, получит от Боба телеграмму, в которой будет только два слова: «лилия умерла».

И ведь попадись ему в руки ещё год тому назад история с таким сюжетом, как наш – да что там, год назад, попадись она ему в руки даже совсем недавно, в период их с Лилькой узнавания друг друга и ожесточённых литературных дебатов – он бы наверняка только поморщился и махнул рукой: «Да ну! Промоздко, ненатурально». И Лилия согласно кивнула бы ему. Если закрыть глаза, то даже легко представить себе, как именно всё это могло бы произойти. Вот Витька и Лилия идут по извилистой тропинке под плакучими ивами вдоль берега Машата, легко касаясь друг друга, когда тропинка сужается, или когда нужно пройти мимо разросшихся колючих чертополохов по её краям. Иногда – там, где проход становится совсем уж узким – они останавливаются, чтобы поцеловаться, а потом идут дальше. У Витьки в правой руке травинка, которую он жуёт, а у Лили в левой руке – букет колокольчиков. Из них она сплетёт веночек и наденет его Витьке на голову, когда они остановятся посидеть возле тихой заводи на изгибе реки.

Витька рассказывает Лиле о недавно прочитанной им истории.

– И, главное, эта нелепая смерть героини в конце... Это уже, извините, «мансарды снов» какие-то, сюжет для мелодрамы. А вообще-то, так не бывает!

И мы почти готовы с ним согласиться.
Но так было.
Так было.